

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2022 / ТОМ 13 / НОМЕР 3

ПРОШЛОЕ КАК ФАКТОР НАСТОЯЩЕГО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

12–15

Ю.Л. СЛЁЗКИН

Образы прошлого
в непредсказуемом
настоящем

16–29

А.И. ФИЛЮШКИН

Почему в современном
мире будущее
заменяют прошлым:
история возвращается?

48–66

Л.М. СОКОЛЬЩИК
Э.З. ГАЛИМУЛЛИН
А.В. БОНДАРЕНКО
В.М. СЕМЕНОВ

Историческая память
в контексте внешней
политики США:
случай президентства
Дж. Байдена

130–144

В.В. ЦИБЕНКО

Конструирование
идеологического
дискурса
о воображаемой
географии в Турции

2022 / VOLUME 13 / No. 3

CHIEF EDITOR**Sergey M. Markedonov**

MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR**Akhmet A. Yarlykapov**

MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD**Andrei Tsygankov** – San Francisco State University (USA)**Aleksandar Životić** – University of Belgrade (Serbia)**Benedikt Harzl** – University of Graz (Austria)**Erkin Baydarov** – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)**Kimitaka Matsuzato** – University of Tokyo (Japan)**Mitat Celikpala** – Kadir Has University (Turkey)**Richard Sakwa** – University of Kent (UK)**Sanjay Deshpande** – University of Mumbai (India)**Sayed Kazem Sajjadpour** – Institute for Political and International Studies (Iran)**Xue Fuqi** – Chinese Academy of Social Sciences (China)**Zhao Huasheng** – Fudan University (China)**Alexander L. Chechevishnikov** – MGIMO University (Russia, Moscow)**Andrey A. Sushentsov** – MGIMO University (Russia, Moscow)**Dmitriy I. Pobedash** – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)**Ilya N. Tarasov** – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)**Larisa V. Deriglazova** – Tomsk State University (Russia, Tomsk)**Lyubov A. Fadeeva** – Perm State University (Russia, Perm)**Michael I. Rykhtik** – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)**Natalia V. Eremina** – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)**Oleg Yu. Mikhalev** – Voronezh State University (Russia, Voronezh)**Pavel B. Parshin** – Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)**Valeriy N. Konyshv** – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)**Viktor Yu. Apryshchenko** – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)**Viktor L. Larin** – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)**Yakov Ya. Grishin** – Kazan Federal University (Russia, Kazan)**SCOPE**

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the unified electronic catalog of the Russian State Library, included in the Russian Science Citation Index (RSCI), indexed in Ulrich's Periodicals Directory, Directory of Open Access Journals (DOAJ), the Directory of Open Access scholarly Resources (ROAD), Crossref. The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Dmitry N. Tkach
Evgenia S. Larina
Grant A. Beglarian
Natalya A. Samoylovskaya
Nikita Ya. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

2022 / ТОМ 13 / № 3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александар Животич – Белградский университет (Сербия)

Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)

Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)

Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)

Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)

Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)

Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)

Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)
Сиэ Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)

Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)

Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)

Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)

Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)

Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)

Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)

Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)

Павел Борисович Паршин – Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва)

Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал. В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал входит в единый электронный каталог Российской государственной библиотеки, включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), индексируется в Ulrich's Periodicals Directory, Directory of Open Access Journals (DOAJ), the Directory of Open Access scholarly Resources (ROAD), Crossref.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587–8476
ISSN (online) 2541–9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований
МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Владимир Владимирович Павлов
Грант Артурович Бегларян
Дмитрий Николаевич Ткач
Евгения Сергеевна Ларина
Наталья Александровна Самойловская
Никита Яковлевич Неклюдов

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

История в современных международных процессах:
«учительница жизни, свет истины или вестница старины?»

С.М. МАРКЕДОНОВ

7

ИНТЕРВЬЮ

Образы прошлого
в непредсказуемом
настоящем

Ю.Л. СЛЁЗКИН

12

Политика памяти и
идентичности в Европейском
союзе: сопряженные понятия,
рассогласованные практики

Л.А. ФАДЕЕВА

79

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Почему в современном мире
будущее заменяют прошлым:
история возвращается?

А.И. ФИЛЮШКИН

16

Распад Югославии в научно-
исследовательском и
политическом дискурсах
России и Сербии

Е.Г. ЭНТИНА, Д. ПРОРОКОВИЧ

94

Осмысление колониализма
и деколонизации
в современном социально-
политическом дискурсе
Ирана

Н.А. ФИЛИН, В.О. КОКЛИКОВ, А.С. ХОДУНОВ

30

Историческое наследие
Португалии как фактор
разделения и сплочения
общества

М.И. СИГАЧЕВ, С.П. АРТЕЕВ

116

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Историческая память
в контексте внешней политики
США: случай президентства
Дж. Байдена

Л.М. СОКОЛЬЩИК, Э.З. ГАЛИМУЛЛИН,
А.В. БОНДАРЕНКО, В.М. СЕМЕНОВ

48

Конструирование
идеологического дискурса
о воображаемой географии
в Турции

В.В. ЦИБЕНКО

130

Колониальная политика
Германии в современной
общественно-политической
дискуссии ФРГ

А.П. СОКОЛОВ, А.Д. ДАВЫДОВ

67

Историческая политика
в современном Китае:
конструируя прошлое,
воображая будущее

Б.А. ХУБРИКОВ

145

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

History in Modern International Affairs: Teacher of Life, Light of Truth or Messenger of Antiquity?

S. MARKEDONOV

7

INTERVIEW

The Images of the Past in the Uncertain Present

Y. SLEZKINE

12

Memory and Identity Politics in the European Union: Related Concepts, Disparate Practices

L. FADEEVA

79

RESEARCH ESSAYS

Why in the Modern World the Future is Replaced by the Past: is History Coming Back?

A. FILYUSHKIN

16

Germany's Colonial Policy in Contemporary German Social and Political Discourse

E. ENTINA, D. PROROCOVIC

94

Understanding Colonialism and Decolonization in the Contemporary Socio-Political Discourse of Iran

N. FILIN, V. KOKLIKOV, A. KHODUNOV

30

The Historical Heritage of Portugal as a Factor of Division and Consolidation of Society

M. SIGACHEV, S. ARTEEV

116

RESEARCH ARTICLES

Historical Memory in the Context of U.S. Foreign Policy: The Case of the Presidency of Joseph Biden

L. SOKOLSHCHIK, E. GALIMULLIN, A. BONDARENKO, V. SEMENOV

48

Constructing an Ideological Discourse of Imaginative Geography in Turkey

V. TSIBENKO

130

Politics of History in China: Constructing the Past, Imaging the Future

B. KHUBRIKOV

145

Germany's Colonial Policy in Contemporary German Social and Political Discourse

A. SOKOLOV, A. DAVYDOV

67

История в современных международных процессах: «учительница жизни, свет истины или вестница старины?»

«Иногда говорят: “История – это наука о прошлом”. На мой взгляд, это неправильно», – полагал Марк Блок. Выдающийся исследователь, один из основателей научной школы «Анналов» видел предназначение своей профессии в объяснении «более близкого более далеким» и категорически не принимал уподобление труда историка работе антиквара¹. И действительно, каким бы отдаленным прошлым ни занимался ученый и как бы ни стремился дистанцироваться от симпатий или антипатий по отношению к изучаемым эпохам, он все равно будет отражать представления своего времени об Античности, Средневековье, Новом и новейшем временах. И в этом плане даже археология, самая аполитичная, на первый взгляд, историческая дисциплина не является исключением².

Каждое поколение исследователей вводит в оборот новые источники, переосмысливает прежние историографические подходы, формирует новые концепции и методологические принципы. Более того, актуальные политические процессы (международные, этнополитические, межконфессиональные конфликты, экономические реформы и трансформации режимов) заставляют обращаться к предпосылкам явлений сегодняшнего дня. И здесь не обойтись без поклонения «идолу племени историков», как определил феномен изучения первопричин современных событий Марк Блок. «Мания происхождения»³ неизбежно осовременивает исследования даже тех авторов, кто позиционирует себя как «чистых ученых», несклонных к превращению своего ремесла в «служанку политики». Отсюда и популярные массовые представления о постоянном «переписывании» истории, что, конечно, не тождественно сознательным фальсификациям и искажению событий прошлого и настоящего.

1 Блок, М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. С. 12 – 15.

2 Шнирельман, В.А. Президенты и археология, или что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // Ab Imperio. – 2009. – Т.10. – № 1. – С. 279–323.

3 Блок 1986.

Таким образом, коллизии между научной объективностью и политической ангажированностью пронизывают историю. На первый взгляд, легко отделить научную дисциплину от инструментальных государственных практик, мобилизующих события прошлого для реализации своих, далеких от исследовательской беспристрастности целей. Однако многие выдающиеся ученые историки на собственном жизненном и академическом примере опровергли такое разделение. Адольф Тьер и Франсуа Гизо, Томас Маколей и Эдуард Фриман, Павел Милюков и Михаил Покровский, Бенедетто Кроче и Джеймс Биллингтон – все они не только исследовали историю, но и пытались сами ее творить. Именно профессиональные специалисты, представлявшие как «буржуазную»¹, так и советскую марксистскую историографию², определяли свою науку как «политику, опрокинутую в прошлое», а политику называли «историей настоящего».

Выводы Бенедетто Кроче о том, что история в большей степени ставит проблемы своего времени, чем той эпохи, к которой обращена и которую изучает, находят немало подтверждений³. По словам Марка Ферро, «“Александр Невский” Эйзенштейна и “Андрей Рублев” Тарковского, воскрешая русское средневековье, информируют нас один о сталинской России и ее опасениях, связанных с Германией, другой – об СССР брежневских времен, его стремлении обрести свободу и проблемах в отношениях с Китаем»⁴. Этот ряд можно продолжить и более свежими примерами. Регулярные «исторические экзерсисы» президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, воскресающие в памяти образы султанов Селима Явуза, Сулеймана Кануни и Абдул-Хамида, говорят о ревизии республиканских принципов Кемалю Ататюрка в сегодняшней Турецкой Республике намного больше, чем об особенностях развития Османской империи⁵. Статьи Владимира Путина о предпосылках Второй мировой войны и единой судьбе русского и украинского народов весьма полезны для понимания представлений руководства России о том, как должна выглядеть идеальная система европейской безопасности и ситуация в ближнем соседстве страны⁶. Деятельность «институтов памяти» ряда государств Центральной и Восточной Европы, давно и прочно секьюритизировавших историю и превративших ее в инструмент укрепления национальной идентичности на антироссийской основе, также преследует актуальные политические цели, а не заботу о сохранении наследия прошлых эпох⁷.

Таким образом, память о прошлом мобилизует политиков и общественных деятелей, экономистов и дипломатов, журналистов и всех неравнодушных граж-

1 Фримен, Э.А. Методы изучения истории. – М.: Академия фундаментальных исследований, 2010.

2 Покровский, М.Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической Академии. – 1928. – № 2. С. 3–30.

3 Кроче, Б. Теория и история историографии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 2–3.

4 Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М.: Книжный клуб 36.6, 2014. С. 7.

5 “Why Recep Tayyip Erdogan’s Love Affair with the Ottoman Empire Should Worry the World,” TIME, June 18, 2022, accessed September 19, 2022, <https://time.com/5885650/erdogans-ottoman-worry-world/>.

6 Vladimir Putin, “The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II,” The National Interest, June 18, 2022, accessed September 19, 2022, <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982>; Путин, В.В. Об историческом единстве русских и украинцев // Президент России. 12 июля 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 19.09.2022).

7 Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

дан. В поиске ответов на кризисы, конфликты, войны и сложные социальные «пертурбации» они пытаются разобраться в истоках, найти первопричины определяющих их жизнь явлений.

Редакционная коллегия «Международной аналитики» приняла решение посвятить третий номер журнала рассмотрению исторического прошлого как одного из важных факторов развития современного мира.

«Образы прошлого в непредсказуемом настоящем». Так озаглавлено интервью Юрия Слёзкина. Маститый историк обозначает несколько принципиально важных тезисов. Прежде всего, он говорит, что «образы прошлого гораздо старше государств», а потому не стоит воспринимать нынешний всплеск политизации исторических знаний как уникальное явление. Он не вполне согласен с утверждением своего коллеги Марка Ферро о том, что две основные функции истории – это «врачевание и борьба». По мнению Слёзкина, история «несравненно богаче», а две вышеупомянутые функции бывает чрезвычайно трудно разделить.

Эссе Александра Филюшкина посвящено объяснению причин того, почему историческое знание сегодня «выступает эффективным инструментом в реформатировании наций и стран, в формировании этических, аксиологических и мотивационных систем в нациестроительстве и национальной деконструкции». С точки зрения автора, объяснить резкое возрастание роли истории только лишь ностальгией и национализмом недостаточно.

Большая часть материалов третьего номера посвящена отдельным страновым и региональным случаям «исторической политики» и «политики памяти». Журнал остается верным себе. Анализ сложных феноменов международной политики мы выстраиваем от общего к частному – чтобы продемонстрировать, что без этих индивидуальных особенностей любая генерализация будет условной и не всегда корректной. Текст Льва Соколышкина, Эдуарда Галимуллина, Анны Бондаренко и Владислава Семенова посвящен исторической памяти США в период действующего президента Джо Байдена. Они полагают, что для Белого дома сегодня конструирование внешнеполитических нарративов с помощью обращения к сюжетам американского прошлого становится одним из ключевых инструментов как для консолидации союзников, так и для выстраивания проактивных действий на мировой арене.

Тому, как обстоят дела на «историческом фронте» у европейских партнеров США, посвящено несколько материалов номера. В статье Артема Соколова и Александра Давыдова разбирается современная дискуссия в ФРГ по вопросам наследия колониальной эпохи. Обычно германская история оказывается в фокусе дебатов о Второй мировой войне и трагедии Холокоста. Авторы предлагают иной угол обзора. Они показывают, что значение африканского направления для внешней политики Германии будет возрастать, а при выстраивании отношений со странами «черного континента» не уйти от переосмысления темных страниц прошлого, особенно колониального.

Любовь Фадеева представляет свое видение политики памяти и идентичности в Европейском союзе. Хотя – исходя из ее выводов – было бы правильнее говорить о совокупности разных политик памяти. Конструирование общей европейской идентичности, несмотря на ощутимое продвижение на этом пути,

по-прежнему сталкивается с рядом вызовов со стороны как национальных государств-членов ЕС, так и наднациональных интеграционных структур «единой Европы».

Текст Максима Сигачева и Сергея Артеева посвящен сложному португальскому опыту постимперских трансформаций. Авторы показывают непростую диалектику разделения и сплочения общества на основе обращения к сюжетам прошлого. Революционный и имперский периоды, правление Антониу ди Салазара, коллизии светских и католических традиций – все это приводит к размежеваниям и объединениям, но не доходит до жестких расколов и противостояний. Авторы дают свое объяснение причин устойчивости «цветущей сложности» по-португальски.

Балканы уже не первое десятилетие имеют репутацию «пороховой бочки Европы». И повышенная конфликтность этого региона сопровождается, среди прочего, острыми и крайне эмоциональными дискуссиями об историческом прошлом. В статье Екатерины Энтиной и Душана Прокоповича дается сравнительный анализ распада Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии. Такая попытка представляется весьма продуктивной, так как процессы распадов СССР и СФРЮ проходили практически синхронно, а многие конфликты, например вокруг Косова, имели место и на постсоветском пространстве.

Наряду с европейскими сюжетами в третьем номере представлены тексты, которые можно суммировать как «азиатский цикл». Вероника Цибенко обращается к рассмотрению конструирования идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции. С точки зрения автора, активная внешняя политика сегодняшней Турецкой Республики включает, среди прочего, продвижение концептов «географии-судьбы», «географии-сердца».

В статье Никиты Филина, Владимира Кокликова и Александра Ходунова рассматривается восприятие колониализма и антиколониальной борьбы в Иране. Авторы показывают, как духовные лидеры и политики Исламской Республики обращаются к сюжетам прошлого для легитимации своих действий на Ближнем Востоке (Сирия, противодействие устремлениям Израиля и стран Запада).

Бадма Хубриков обращается к опыту КНР в области «исторической политики». Автор стремится показать особенности китайских трактовок того, что следует сделать приоритетом для конструирования «светлого будущего», какие интерпретации прошлого Пекин стремится сохранить, а какие – переформатировать.

Таким образом, в новом номере мы попытались представить широкий спектр подходов и практик политики памяти. Однако, как бы ни отличались государственные системы КНР, США, Турции, Ирана, Европейского союза, России и Сербии, – все они активно обращаются к событиям прошлого для легитимации и объяснения проблем настоящего. Марка Туллия Цицерона называли автором метафоры истории как «учительницы жизни». Между тем известный древнеримский оратор, скорее, задавался вопросом: «А сама история – свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины?»¹.

1 *Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве.* – М.: Наука, 1972. С. 28.

Думается, ответ на него в полной мере не получен и в наши дни. Но поиски оптимального варианта для определения роли истории в формировании актуальной политики не прекращаются. Значит, наше издание еще не раз обратится к этим сюжетам.

Сергей Маркедонов, главный редактор

Образы прошлого в непредсказуемом настоящем

Интервью с Юрием Слёзкиным

АННОТАЦИЯ

Юрий Львович Слёзкин (Yuri Slezkine) – профессор докторантуры, Калифорнийский университет в Беркли; старший научный сотрудник в Колледже Св. Эдмунда, Оксфорд; член Американской академии наук и искусств.

*Беседу вел С.М. Маркедонов, главный редактор журнала
«Международная аналитика»*

Сергей Маркедонов: Французский историк М. Ферро постулировал две основные функции для истории вне зависимости «от ее тяги к научному знанию». Это «врачевание и борьба»¹. Какая из них, на Ваш взгляд, сегодня наиболее востребована и почему?

Юрий Слёзкин: Я не вполне согласен с М. Ферро (разговоры с которым в Техасском университете в середине 1980-х гг. вспоминаю с нежностью и благодарностью; я учил его разговорному русскому, он меня – всему остальному).

Представления современного человека о прошлом формируются в первую очередь художественными средствами. Для большинства из нас главный источник по истории Франции середины XVII в. – «Три мушкетера», войны 1812 года – «Война и мир», и т.д. Подумайте о Гражданской войне в России и попробуйте определить, откуда у вас в памяти большинство образов и сюжетов. Все это несравненно богаче, сложнее и противоречивей, чем «врачевание и борьба». Но если сосредоточиться на этих двух функциях, то их, мне кажется, трудно разделить. Раны врачуют, чтобы лучше сражаться с неприятелем. Иногда получается хорошо, иногда не очень. Иногда сильнее воины, иногда лекари. А иногда не поймешь, кто сильнее и есть

Представления
современного
человека о прошлом
формируются в
первую очередь
художественными
средствами

¹ Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М.: Книжный Клуб 36.6., 2010. – С. 5.

ли разница. Память о Победе в России и о сталинских депортациях в Латвии служат сплочению и в то же время противостоянию (как внутреннему, так и внешнему). Коллективная терапия меньшинств на современном Западе приводит не только к усилению борьбы с традиционными иерархиями, но и к новым кровотечениям среди пациентов. Гражданская война в России остается значимой и одновременно неуловимой. «А вдоль дороги мертвые с косами стоят. И тишина...»¹.

С.М.: В начале 1980-х гг. в ФРГ в широкий научный и публицистический оборот было введено понятие «исторической политики»². Оно означало способ создания приемлемого для государства образа прошлого, желательно простого и непротиворечивого. Можем ли мы говорить о том, что в первой четверти XXI в. историческая политика совершает триумфальное шествие по планете? Или подобные практики имели место и в прошлом, с того момента, когда появилось государство и, соответственно, необходимость в его легитимации посредством обращения к историческому опыту? Если этот тезис верен, то в чем отличие новой волны исторической политики от прошлых практик?

Ю.С.: Образы прошлого гораздо старше государства. Все человеческие общества хранят свое прошлое, воспроизводят его в ритуалах и рассказывают о нем истории (которые принято называть «мифами»). Со временем усугубляется разделение труда, создаются новые образы, плодятся и сталкиваются специалисты (жрецы, поэты, пророки, летописцы, живописцы, чиновники), становится больше «политики». Споры о том, какие тексты должны войти в канон Сунны или, скажем, Нового Завета, – тоже своего рода историческая политика. Чем меньше согласия, устойчивости и авторитетов, тем больше политики. Нынешний период замечателен степенью вовлеченности государства (через систему образования и за ее пределами), отсутствием общепризнанного авторитета (на смену Богу пришла история, а у истории много авторов) и резким обострением международной и межобщинной конкуренции – в том числе за прошлое.

С.М.: В своей статье «СССР как коммунальная квартира»³ Вы пришли к выводу о том, что Советский Союз «был создан националистами» и «разрушен националистами». Есть ли, на Ваш взгляд, преемственность между «национал-коммунистическими дискурсами» истории и теми образами, которые сегодня активно тиражируются в постсоветских странах – Грузии, Молдавии, Украине, государствах Прибалтики?

Ю.С.: Грузия, Украина и прибалтийские государства не нуждались в советских дискурсах для создания продуктивных национальных идеологий. Молдавии они мало помогли. Но в целом – да, Советское государство способствовало консолидации национальных элит, мифологем и институций, проповедуя и одновременно ограничивая принцип этнической идентичности и автономии. Одним из следствий советской национальной политики является то обстоятельство, что

1 Цитата из популярного приключенческого фильма «Неуловимые мстители» (режиссер Э.Г. Кеосаян, киностудия «Мосфильм», 1966).

2 Frei, Norbert. *Politics of the Past: The Beginnings of the Federal Republic and the Nazi Past*. München: Dt. Taschenbuch-Verl, 2003 [In German].

3 Slezkine, Yuri. "The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism." *Slavic Review* 53, no. 2 (1994): 414–52.

все постсоветские государства придерживаются принципа эксклюзивной моноэтничности. Кроме России, которая пытается с переменным успехом совмещать идеологию «Русского мира» с риторикой многонациональности (как когда-то русскость с советскостью).

С.М. Ваша книга «Дом правительства»¹ вызвала широкий интерес как у профессиональных историков, так и публицистов. Известная исследовательница советской истории Ш. Фитцапатрик обратила особое внимание на описываемые Вами коллизии между марксистской теорией и российской политической культурой в широком смысле этого слова². На Ваш взгляд, что из советского наследия оказалось востребовано в современной России? И что, напротив, отправлено в архив или забыто? Ответ на этот вопрос представляет особый интерес в контексте дискуссий о «новой холодной войне», «ресоветизации», а также разговоров о повторном «закрытии железного занавеса»³.

Ю.С.: Если говорить о «новой холодной войне», то очевидно, что обеим сторонам удобнее подкрасить старые плакаты, чем рисовать новые. Тем более, что

Если определять «холодную войну» как идеологическое и геополитическое противостояние, не предполагающее прямого военного столкновения сверхдержав, то нынешний конфликт трудно назвать вторым изданием оригинала. Сегодня идеология вторична (и прозрачна), Россия не сверхдержава, а война все менее холодная.

пропаганда времен холодной войны включала в себя исторические генеалогии, выходящие далеко за рамки противостояния «социалистического лагеря» и «свободного мира» (русское рабство и авторитаризм с одной стороны и англо-американские империализм и лицемерие – с другой). Главное отличие заключается в том, что Россия не претендует на роль носителя универсальной идеологии, а Соединенные Штаты не могут решить, с кем и почему – в идеологическом смысле – они воюют. Трудно представить себе, что у борьбы «демократии» и «автократии» большое будущее. Если определять «холодную войну» как идеологическое и геополитическое противостояние, не предполагающее прямого военного столкновения сверхдержав, то нынешний конфликт трудно назвать вторым изданием оригинала. Сегодня идеология вторична (и прозрачна), Россия не сверхдержава, а война все менее холодная.

С.М.: Ваш коллега А. Миллер констатировал наступление «секьюритизации» политики памяти. «Раньше в разговоре с соседями о прошлом искали примирения. Теперь суть политики памяти понимается как непримиримое противостояние политических оппонентов, в котором один должен выиграть, а другой проиграть», – резюмировал он⁴. Насколько данный тренд в международных процессах необратим? И что

1 Slezkine, Yuri. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2017.

2 Sheila Fitzpatrick, "Good Communist Homes," *London Review of Books*, July 2017, accessed September 14, 2022, <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v39/n15>.

3 Legvold, Robert. *Return to Cold War*. Cambridge: Polity, 2016.

4 Миллер, А.И. Враг у ворот истории. Как историческая память стала вопросом безопасности // Международный фонд «Карнеги». 5 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/81207> (дата обращения: 14.09.2022).

должно произойти для его изменения? Наступление нового миропорядка? Новая Ялта или Хельсинки-2?

Ю.С.: Попытки сравнения и примирения – очень недавняя вещь. Гомера не интересовали наследники поверженных троянцев (если таковые имелись), Вергилий, ожививший троянцев, воспел их победу над обманутыми рутулами, а авторы еврейской Библии не жалели изгнанных из Ханаана гергесеев и иевусеев. Переписывание прошлого в зависимости от политической конъюнктуры распространилось в результате национализации и релятивизации истории в рамках светских систем «народного просвещения». Предки союзников превращались в друзей, предки конкурентов оставались (или становились) гергесеями и иевусеями. Одной из наиболее массивных кампаний такого рода было внедрение принципа «дружбы народов» в советской историографии. Сопоставимой с ней по масштабам и степени рефлексии стало ретроспективное примирение членов и кандидатов в члены Евросоюза. Насколько я могу судить, изменения последних лет вызваны конфронтацией с Россией (начавшейся задолго до нынешних событий на Украине) и растущей «феодальной раздробленностью» западноевропейских и североамериканских государственных нарративов. С трудом сшитое национальное прошлое снова рвется. Немцы и французы продолжают дружить, но кто такие сегодня «немцы» и «французы», и кто может говорить от их имени? С чего начинаются и где кончаются *the American people*? Национальный гамлетизм не распространяется на консолидированные восточноевропейские этнократии, но их дальнейшее существование зависит от настроения их патროнов, будущее которых более определено, чем их прошлое. Тут никакие «Хельсинки» не помогут.

Цитирование

Слёзкин, Ю. Образы прошлого в непредсказуемом настоящем // Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (3). – С. 12–15.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-12-15>

For citation

Slezkine, Yuri. "The Images of the Past in the Uncertain Present."

Journal of International Analytics 13, no. 3. (2022): 12–15.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-12-15>

Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается?

Филюшкин Александр Ильич, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Контактный адрес: a.filushkin@spbu.ru

АННОТАЦИЯ

В последние два-три десятилетия наблюдается прогрессирующий рост интереса к истории. Ученые видят причины этого в политической ситуации, росте националистических настроений и «войнах памяти». В статье предлагается гипотеза, согласно которой истоки этого явления лежат значительно глубже: в глобальных переменах человеческой культуры, связанных с представлениями о времени, изменениями взглядов на роль прошлого, а также соотношением прошлого и настоящего и возможности прогнозирования будущего. История вытесняется исторической памятью, функционал которой лежит в основном в сфере исторической политики и социальных практик. Отсюда парадоксальность происходящего: роль исторической науки умалется, а роль исторического знания растёт. Большое значение здесь имеет современная информационная ситуация и тотальная цифровизация. Благодаря им прошлое и будущее превращаются в «расширенное настоящее», а историческое знание становится гигантским палимпсестом, который постоянно переписывается. Отсюда – тренд на реполитизацию истории, призывы к восстановлению ее этической компоненты, ее роли как «учительницы жизни», юридическая и этическая востребованность исторического знания, которое выступает аргументом в обвинениях и оправданиях стран и народов (этот процесс называется юридикацией истории). Конъюнктура в угоду «правильной» современной политике больше не считается дискредитирующим обстоятельством для историков. Напротив, им вменяется в обязанность выступать судьями или адвокатами на суде потомков над прошлым. Все эти тенденции в контексте окончания темпорального режима модерна и всеобщей дигитализации ведут к размыванию дистанции между прошлым и настоящим и превращению истории в «расширенное настоящее», потому что именно цели и задачи настоящего обуславливают бесконечный пересмотр прошлого, переписывание истории. Этот вывод важен для понимания происходящих процессов. Современный рост ретропии, изменение роли исторического знания, тренд на реполитизацию и реабилитацию презентизма – это не негативная политическая конъюнктура, которую можно исправить или сдержать. Это результат глобальных тенденций в области культуры в широком смысле этого слова. В конечном счете они могут привести к перерождению исторической науки и исторического знания в новую метасистему, отличающуюся от привычной нам роли истории эпохи модерна.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

презентизм, темпоральность, модерн, постмодернистский вызов, историческая этика, прошлое, дигитализация культуры

Первая четверть XXI в. знаменовалась резким ростом «одержимости историей» (название книги А. Ассман)¹. Ретротопия (по определению З. Баумана, «тоска по прошлому, идеализация того, что было и безвозвратно ушло»²) стала важной компонентой не только культуры, но и политики. Этот феномен обычно связывается с бурными пертурбациями XX в., породившими в людях массовое чувство утраты, психологической травмы. Они грустят об оставшемся в прошлом прекрасном мире, о «потерянном рае»³. Изменения политического ландшафта и рост национализма на Балканах и в Центрально-Восточной Европе, на постсоветском пространстве также способствуют обращениям к истокам и историческим аргументам в «войнах памяти» и политическом противостоянии⁴.

Однако масштабы ретротопии и ее проникновение в различные сферы политической жизни и культуры таковы, что данные объяснения популярности этого феномена кажутся недостаточными. Историческое знание сегодня выступает эффективным инструментом в переформатировании наций и стран, в формировании этических, аксиологических и мотивационных систем, в нациестроительстве и в национальной деконструкции. Объяснить резкое возрастание его роли только травмой⁵, ностальгией или национализмом вряд ли будет достаточным, ведь эти факторы существовали и раньше, не только в последние десятилетия.

В чем же причина нынешнего активного обращения к истории? Неужели возвращаются золотые времена «века историков» – XIX в., с его романтическим национализмом, активным нациестроительством и верой в возможность социального прогресса; столетия, когда историкам во всех названных аспектах внимали, как оракулам. И главный вопрос – возвращается история, или что-то другое, что мы только по привычке называем «знанием о прошлом»?

Современная историографическая ситуация не располагает к оптимизму в области истории. В плане методологии поле исследования стало дискретным, и представитель клиометрии с трудом поймет ученого, занимающегося исторической антропологией. И их обоих раскритикует исторический позитивист. Последние 30–40 лет методология истории отравлена лингвистическим поворотом и «постмодернистским вызовом»⁶. «Конец истории», провозглашенный Ф. Фукуямой, рост непрофессионального исторического знания, востребованного в коммерческой и развлекательной сферах, разочарование в историках как политических конъюнктурщиках, казалось, нанесли статусу исторического знания в науке и культуре непоправимый удар.

Однако в последние два-три десятилетия наблюдается прогрессирующий рост интереса к истории. Самый простой путь – объяснить это политикой, национализмом, «войнами памяти», историческими травмами. На самом деле истоки необходимо искать и в тектонических переменах в человеческой культуре,

1 Ассман 2019, 196.

2 Bauman 2017, 10.

3 Boyt 2002, 15, 18, 56–57; Becker 2018, 234–250; Landwehr 2010, 251–268; Lorcin 2018, 269–285.

4 Мобилизованное средневековье 2021.

5 Именно травму и механизмы ее межпоколенческой передачи Д. ЛаКапра считает инструментом, способным расширить дихотомию «история – память» (LaCapra 2016, 375–400).

6 Очень любопытную статистику приводят Б. Бевернаж и его коллеги. Они проанализировали 13 953 книг, статей, диссертаций по методологии истории, опубликованных с 1945 по 2014 гг. В период 1945–1969 гг. наиболее часто упоминаемыми ключевыми словами были религия / теология / секуляризация, в 1970–1984 гг. – марксизм / исторический материализм, а в 1985–2014 гг. – лингвистический поворот и постмодернистский вызов (Bevernage 2019, 406–436).

представлениях о времени, изменении взглядов на роль прошлого, соотношении прошлого и настоящего и возможности прогнозирования будущего. История вытесняется исторической памятью, функционал которой лежит в основном в сфере исторической политики и социальных практик.

Огромную роль здесь играют современная информационная ситуация и тотальная цифровизация. Отсюда – легализация тренда на реполитизацию истории. Если раньше обвинения в политической тенденциозности дискредитировали историков, то сегодня, напротив, общество требует, чтобы они служили «правильной политике». Звучат призывы к восстановлению этической компоненты истории, ее роли как «учительницы жизни». Историческое знание оказывается востребованным прежде всего в юридическом и этическом аспектах. Оно выступает аргументом в политических обвинениях и оправданиях стран и народов, и в конечном счете выстраивает в исторической геополитике негласную иерархию этих стран и народов.

Здесь важно понять, что современный рост ретропии, изменение роли исторического знания, тренд на реполитизацию и реабилитацию презентизма – это не негативная политическая конъюнктура, которую можно исправить или сдержать. Это результат глобальных тенденций в области культуры в широком смысле этого слова. Если приводимые наблюдения верны, неизбежно перерождение исторической науки и исторического знания во что-то новое, отличающееся от привычной нам роли истории эпохи модерна.

Историографическая ситуация

К концу XX в. роль истории в человеческой культуре сильно снизилась. История перешла в область или чистой науки, или историко-культурного наследия, или коммерческо-развлекательной сферы, стала поставщиком контента для рекламы, фильмов, туризма, праздников, ритуалов и т.д.¹ Крушение тоталитарных режимов, когда воспетые учеными герои превратились в преступников и, наоборот, «враги народа» стали подвижниками, принесло историкам стойкую репутацию лжецов и конъюнктурщиков, меняющих свои взгляды в зависимости от политической линии. «Постмодернистский вызов»² и «лингвистический поворот»³ в 1970–1980-е гг. нанесли удар по методологии исторического знания, поставив под сомнение саму способность историков релевантно описывать прошлое⁴. Причем на этот вызов со стороны историков-позитивистов так и не последовало внятного ответа, хотя во многом и под его влиянием в гуманитарном знании начался «культуральный поворот»⁵. Тесно связанная с конструктивизмом концепция ирреализма объявляла, что люди прошлое не находят, не обретают через его изучение (или воспоминание) – они его создают в соответствии с актуальным социальным опытом⁶. В таком случае реальное прошлое становится неваж-

1 Бойцов 2006, 91–108.

2 Jenkins 1997; White 1975; Ankersmit 1994.

3 Обзор историографии см.: Потапова 2015.

4 См. анализ роли постмодернистского поворота в современной историографии: Spiegel 2007, 1–19; Rüsen 2020, 92–102.

5 Burke 2018.

6 Roth 2012, 313–339.

ным, а важными – социальные и культурные установки настоящего, пусть самые воображаемые.

Наконец, Ф. Фукуяма провозгласил в 1992 г. «конец истории»¹, связанный с победой либеральных режимов. Все это в сочетании с глобализацией, культура которой в принципе оставляет Клио «слишком мало шансов выжить» (образ, блестяще обрисованный М.А. Бойцовым²), задвигало историю куда-то на задворки гуманитарного знания. Казалось, что людям, закончившим исторический факультет, вот-вот придется выбирать между трогательной «башней из слоновой кости», занятиями чистой наукой в рядах узкой касты профессионалов, и написанием сценариев для исторических блокбастеров.

Почему история вернулась?

Почему наступила «одержимость историей»? Как наши интересы оказались подчинены ретротопии, и по каким причинам исторический фактор вновь стал значимым в культурной, национальной, политической жизни (в том числе на уровне международных отношений)? Что изменилось в мире, чтобы история как отрасль знания вновь обрела важные позиции?

Во второй половине XX в. постепенно наступил конец темпорального режима модерна³. Линейная схема модерна «прошлое – настоящее – будущее» утратила свой важнейший компонент, с которым была связана идея прогресса – будущее. Сегодня наблюдается практическое исчезновение категории будущего из актуальной повестки дня. Есть некоторое (впрочем, не очень уверенное) представление о научно-технической революции (НТР), о будущем науки и техники, а также апокалиптические прогнозы по экологии, климату и демографии, к которым в последнее время под влиянием пандемии COVID-19 добавилась вирусология. Но в социально-политической сфере, которая как раз более всего в XIX–XX вв. вдохновляла авторов утопий и антиутопий и где наибольшим образом были задействованы историки, сегодня нет конвенциональных теорий, сильно влияющих на умы. Возникающие идеи «постчеловеческого мира» вряд ли можно назвать универсальными. Как отметил З. Саймон, «в последнее время на человеческом горизонте маячит постчеловеческое. Тем не менее нет общего понимания того, что может означать постчеловеческое будущее, и напряженность между научно-технологической перспективой постчеловечества и критическим постгуманистическим исследованием гуманитарных наук становится ощутимой»⁴.

Раньше идеи социального или национального светлого будущего сокрушали империи и создавали новые государства и народы, а сегодня таких идей, овладевающих массами в сколь-либо значимых масштабах, просто нет (национализм локален, либерализм слишком замкнут на приобщение к благам и ценностям «цивилизованного мира», игнорирует интересы остальных, а антиглобализм маргинален). В практической политике господствует прагматический подход с

1 Fukuyama 1992.

2 Бойцов 2006, 91–108.

3 Assmann 2013.

4 Simon 2019, 171–184.

программами развития в лучшем случае на несколько десятилетий вперед. При этом многие программы никогда не будут выполнены полностью.

Казалось бы, как утрата внятных представлений о будущем влияет на науку о прошлом? Но история в эпоху модерна во многом была именно наукой о будущем, поскольку была призвана объяснить происхождение народов и государств, как они дошли до своего современного облика, и, главное, вывести из прошлого направления будущего пути, куда их понесет поток истории. Собственно, эта прогностическая компонента и обеспечивала высокий статус исторической науки в XIX – первой половине XX вв. Ради нее пытались вывести законы истории, придать историческому знанию статус точной науки. Затем, по мере обнуления прогнозов, вера в аналитические способности истории пошатнулась и к XXI в. окончательно ушла из исторической сферы в область антиутопий и апокалиптики.

Какое прошлое нам нужно?

В результате от линейной схемы исторического процесса остались два компонента: прошлое и настоящее. С ними происходят дальнейшие трансформации. В области культуры и общественного сознания представления о прошлом (собственно, история) все больше подменяются исторической памятью. Именно с памятью связан рост ретротопии и ностальгии. Еще один из главных теоретиков *memory studies*, автор концепции «мест памяти», французский ученый П. Нора предостерегал от отождествления истории и памяти, указывал на их разные функции¹. Но сегодня историками битва фактически проиграна: актуальная историческая политика определяется не научными достижениями, а памятью (или тем, что под ней понимается), и направлена на формирование памяти, ведение «войн памяти».

Победил, если можно так выразиться, «ремонтный подход» к прошлому: оно неправильное, представления о нем устарели и обветшали (или предлагаемые трактовки прошлого – некорректны). Его надо «отремонтировать», усовершенствовать в соответствии с современными требованиями и задачами и в таком виде преподнести обществу как новую истину, «закрытие белых пятен», источник современных ценностей, идеалов и мотиваций (что, по мнению А. Ассман, совпадает с современным социокультурным трендом на ресайклинг)². К. Лоренц назвал эту функцию памяти «терапевтической альтернативой» истории³, которая врачует болезни общества, осуждая одни «исторические недуги» и оправдывая другие страницы прошлого. Э. Руниа утверждает, что эффективная память должна начинаться с вопроса, который мог бы задать Дж. Вико: «Кто мы такие, чтобы это могло произойти?»⁴.

Это не «история как знание» (и тем более не «история как наука»), это сконструированная память, искусно притворяющаяся «подлинной историей». Прошлое превращается в своего рода палимпсест, в котором поверх смытого текста

1 Нора 1999, 17–39.

2 Ассман 2019, 31.

3 Lorenz 2019.

4 Runia 2007, 314–317.

написан новый, правильный, соответствующий задачам текущего момента. Все это оформлено как восстановление истины и справедливости, приведение наших представлений о прошлом в соответствие с подлинной «памятью народа». Хотя чаще всего это конструкт памяти, создание которого инициировано политикой и культурой, но отнюдь не вызвано посылками, исходящими из глубин коллективной памяти.

Создание в Восточной Европе национальных Институтов исторической памяти, музеев национальной истории является симптомом этого процесса. Основанные под лозунгом «восстановить правду, историческую справедливость», они на самом деле занимаются переформатированием исторической оптики, цель которого – поставить трагедию народов региона в годы СССР и Второй мировой войны на один уровень с Холокостом, изобразить народы Восточной Европы главной жертвой Второй мировой и тем самым легитимизировать актуальную антироссийскую политику и обеспечить этическое превосходство курса на «европейские ценности».

Историческая память занимает в этой системе центральное место, поскольку она ассоциируется с этическим и гражданским долгом¹. Недаром в последние годы в разных странах стали так популярны различные законы, наказывающие за отрицание или пропаганду тех или иных сюжетов из прошлого. Например, французские закон Гейсо 1990 г., вводящий ответственность за отрицание Холокоста, и закон Тобиры 2005 г., регулирующий «сбалансированное» изображение периода французского колониализма. В ряде стран приняты законы, дающие оценку геноциду армян в 1915 г., Холокосту, итогам Второй мировой войны, законы о запрете отрицания преступлений нацизма, законы о запрете отрицания преступлений коммунизма и т.д.². Не стоит недооценивать силу цензуры общественного мнения, подвергающего моральному ostracism деятелей со взглядами, несовпадающими с принятыми сегодня трактовками. Произошла, по выражению Ф. Артога, «юридификация» прошлого. Она «...предполагает понижение статуса исторического прошлого и сворачивание автономии исторической профессии»³. По Ф. Артогу, реальное место современной истории – суд, реальная роль историка – свидетельствующий эксперт⁴.

Политическая конъюнктура или культурный тренд?

Было бы упрощением считать, что превращение истории в палимпсест и доминирование исторической памяти является результатом политической конъюнктуры. К сожалению, все не так прозрачно. Конъюнктуру, так или иначе, можно разоблачить и тем самым делегитимизировать, по крайней мере в глазах менее идеологизированной части аудитории. А вот если перед нами культурный тренд, результат развития человечества, то спорить с этим гораздо труднее. Нам представляется, что в данном случае нескрываемый презентизм исторических трактовок – это не столько чей-то тенденциозный умысел, сколько тренд, отра-

1 Ассман 2019, 11.

2 Подробнее см.: Коросов 2018; Курилла 2022, 152–168.

3 Hartog 2015, 201–202. Перевод цит. по: Lorenz 2019.

4 Ibid.

жающий базовые черты современной культуры человечества. И именно поэтому данному тренду трудно что-то противопоставить, особенно в сфере исторической политики на международном уровне. Его нельзя опровергнуть с позиций знания и логики, апеллируя к истине, потому что аргументы никто не будет слушать и воспринимать. Их просто отменяют в стиле *cancel culture*.

Главной причиной формирования этого тренда являются революционные изменения в информационной среде, а именно – дигитализация информационного пространства. Она уже привела к тому, что за последние годы человечество произвело информации больше, чем за всю предыдущую историю своего существования¹. Особенностью современных цифровых сетей является то, что «время в них как бы замирает»². Интернет – это огромный палимпсест, сущность которого заключается в постоянном переписывании информации, причем различить старое и новое способен специалист, но не массовый пользователь.

Поскольку сфера Интернета сегодня – главная область информационного поля, именно здесь сделан гигантский шаг к стиранию границ между прошлым и настоящим. На наших глазах происходит глобальная культурная революция. Интернет впервые сделал историческое знание массовым, общедоступным, всепроникающим, обширным. Научные монографии, по выражению Э. Ригни, уступили свою монополию на «подлинное знание» об истории интернет-страницам³. Это знание формируется самими пользователями: помимо легко формируемых интернет-архивов на любую тему, любая личная страница в социальных сетях уже является историческим источником, где ее владелец пишет свою публичную личную историю. Нюанс в том, что эта история легко изменяема из настоящего. Мы можем в любой миг переписать любой эпизод нашего прошлого и представить его в свете, который нам нравится в данный момент.

Новые электронные медиа обрушивают на современность гигантские потоки прошлого, что, по словам Х. Гумбрехта, порождает принципиально новую ситуацию, которую он именует «расширенным настоящим»⁴. Прошлое – это то, что произошло, свершилось, оно неизменяемо. Историк занимается именно законченными, свершившимися явлениями и событиями. На этих постулатах стояло все историческое знание от древности до современности. Сегодня же оказывается, что нет ничего свершившегося и завершенного: мы легко меняем с помощью цифровых технологий наши знания о прошедшем, переписываем прошлое, изобретаем его в соответствии с запросами наших дней.

По словам Х. Гумбрехта, «...настоящее расширяется настолько, что прошлое не способно остаться позади, оно оказывается целиком включенным в настоящее»⁵. На экранах многочисленных компьютеров во всем мире прошлое оживает (причем часто в буквальном смысле – в компьютерных играх, например). Оживает – и становится настоящим, прекращает существовать как про-

1 Опубликованы данные за 2008–2011 гг. По данным IDC, в 2011 г. данных было создано более 1,75 зеттабайт, что на порядок больше, чем в 2006 г., а в период между 2009-м и 2020 г. объем данных увеличится в 44 раза и составит 35 зеттабайт. Это больше, чем за всю историю человечества от первобытной эпохи до 2008 г. (Найдич 2012). До 2022 г. этот объем увеличился в разы.

2 Ассман 2019, 170.

3 Rigney 2010, 110–111.

4 Gumbrecht 2014, xiii.

5 Перевод цит. по: Ассман 2019, 177.

шное. К. Фогу утверждает, что исторические видеоигры «...бросают вызов семиотическому производству “исторических событий”, характерному для построения современного исторического сознания. Иными словами, исторические видеоигры заменяют репрезентацию симуляцией, а присутствие – виртуальностью, тем самым маргинализируя колебания современного исторического воображения между историческими фактами и историческими событиями, трансцендентностью и имманентностью, репрезентацией и присутствием»¹.

Ф. Артог утверждает, что победа настоящего над прошлым и доминирование презентизма в историческом знании наступили после 1989 г.². Перефразируя знаменитое высказывание К. Маркса, К. Лоренц пишет: «По Европе 2018 г. бродит призрак – призрак презентизма»³. Историческое время больше нельзя изобразить в виде стрелы (символ линейной схемы эпохи модерна) или спирали – теперь это пульсирующая точка. Ф. Артог считает, что доминирование презентизма превратило его в «черную дыру» во времени: «...он поглощает как свое прошлое, так и свое будущее»⁴.

Таким образом, множество факторов указывает на то, что вслед за утратой будущего мы видим перерождение в человеческой культуре фундаментальных представлений о прошлом, об истории. Остается одно большое, расширенное настоящее, в котором живы Александр Невский, Иван Грозный, Николай II, Ленин, Сталин, в котором до сих пор происходят Октябрьская революция и Вторая мировая война. Они относятся не к прошлому, а к настоящему. Все эти образы и события являются действующими аргументами в современной политике: вопрос о том, ставить или нет памятник Ивану Грозному, волнует общество не меньше, чем актуальные проблемы текущей политики. Это не ревизионизм, а реинкарнация исторических событий в воображаемом настоящем. Как вслед за Ф. Артогом сказал К. Лоренц: «Теперь мы все населяем новую, можно сказать, даже одномерную территорию памяти, в которой... мы все стали современными»⁵. Х. Гумбрехт утверждает, что сегодня прошлое никак не может закончиться, оно остается непрошедшей, незавершенной историей⁶. Многие интеллектуалы пытались афористично сформулировать эту ситуацию: «Со времен Аушвица не прошло и дня» (М. Вальзер), «Прошлое, которое не хочет уходить» (Э. Нольте) и др.⁷

Медиевализм как явление современного исторического сознания

Показателен в данном случае такой феномен, как медиевализм. Медиевализмом называют использование средневековых образов в современной культуре, в том числе массовой, искусстве, коммерции, политике. Диапазон обращения к

1 Fogu 2009, 116–117.

2 Цит. по: Олейников 2021, 14.

3 Lorenz 2019.

4 Ibid.

5 Hartog 2015, 102–103; Lorenz 2019.

6 Gumbrecht 2014, 31.

7 Ассман 2019, 194, 205.

этим символам весьма широкий – от торговых марок и туристических маршрутов до политической этики. Х. Булл в 1977 г. предложил теорию, объясняющую устройство недемократических режимов с помощью обращения к Средневековью: с его точки зрения, в них правят кланы и группировки, «неосредневековые тираны», чья этика куда ближе к средневековой, чем к современному либерализму и демократии¹. Г. Ольсен², М. Норелль³ и Дж. Раплей⁴ определяли современные общества ряда стран Африки и Азии как принадлежащие к «новому средневековью», которое характеризуется ослаблением роли государства на фоне борьбы кланов, опирающихся на традиции аграрного общества.

Однако инвективы в неосредневековье распространяются не только на Африку и Азию. Б. Холсингер предположил, что средневековье повлияло на формирование политических концепций «холодной войны»⁵. А. Эллиот увидел средневековые идеи в теракте норвежца А. Брейвика 2011 г. и в доктрине «нового крестового похода» президента США Дж. Буша⁶. Р. Утц обвинил в приверженности идеалам Средневековья президента США Д. Трампа, увидев в проявившихся в срок его президентства «маскулинных, националистических и расистских настроениях» влияние «практик и ментальностей эпохи Средневековья»⁷.

У. Эко вообще определил наше время как «Новое Средневековье»: Средние века наступили после падения Великой Римской империи, казавшейся вечной, и в XX в. мы видим падение империй. Эко перечисляет признаки Средневековья в современной жизни: неуверенность в будущем, ожидание апокалипсиса, экологические проблемы, кочевничество и неокочевничество, массовые исходы населения и миграции, автономизация территориальных анклавов по национальному и религиозному принципу, гибридные войны, когда война не объявлена и тем не менее идут боевые действия и гибнут люди; «по этим обширным территориям, где царит неуверенность, перемещаются банды асоциальных элементов, мистиков или искателей приключений»⁸.

Средневековые образы часто привлекаются в прогнозах о том, что будет после грядущей катастрофы человечества. Помимо их использования в фильмах и литературе, они широко привлекаются в публицистике апокалиптической направленности (например, книга Р. Вакки⁹) и даже в работах аналитиков, например так называемой Принстонской группы, которая в 1950-е гг. совместно с Центральным разведывательным управлением США вырабатывала рекомендации по внешней политике¹⁰.

Перечень подобных примеров можно продолжить, но необходимо подчеркнуть один принципиальный момент. Во всех этих случаях используется не научное знание о настоящем Средневековье, а его образ, сформированный нарративами XIX–XX вв. и массовой культурой. Это Средневековье «Игры престолов»,

1 Bull 1977.

2 Olsen 2003, 94–120.

3 Norell 2003, 121–137.

4 Rapley 2006a, 18; Rapley 2006b, 95–103.

5 Holsinger 2010, 900–910.

6 Elliott 2017, 45–67.

7 Utz 2019, 166–170.

8 Эко 1974, 259–260.

9 Vacca 1974.

10 Holsinger 2010, 898–899.

«Властелина колец» и «Ведьмака». Перед нами обращение не к реальному прошлому, а к симулякру Средневековья (пользуясь терминологией Ж. Бодрийяра)¹ – симулякру, который создан в наши дни, но умело маскируется под прошлое и замещает его в нашем сознании. Вместо подлинного прошлого мы оперируем придуманным нами же симулякром, что опять-таки ведет к созданию «расширенного настоящего» Х. Гумбрехта и утрате чувства истинного прошлого.

Ни прошлого, ни будущего – одно «расширенное настоящее»

Сужение исторических горизонтов до «расширенного настоящего» меняет представления об истории и ее роли как объяснительного метарассказа. История, как отметила А. Касабова, обеспечивала связь между прошедшим и настоящим как семантическое отношение основания и следствия: прошедшее событие – это антецедент, обосновывающий настоящую ситуацию, объясняющий, почему история сложилась так, как сложилась². Если история востребована преимущественно как память, как «расширенное настоящее», то ее релевантность событиям прошлого менее важна, чем ее использование в интересах современности. Описанное семантическое отношение просто не нужно: не основание формирует следствие, а следствие (нынешняя ситуация) первично, под него подгоняются, воображаются обстоятельства.

Отсюда парадокс нашего времени: раньше переписывание истории считалось обвинением, дискредитирующим обстоятельством для историков. Сегодня такие инвективы выдвигают против идеологических оппонентов, а за собой оставляют право исторического конструирования в интересах нации, международного престижа и т.д. Раньше за конъюнктуру критиковали, по крайней мере в среде историков-профессионалов. Сейчас о ней все знают, но закрывают глаза на предвзятость исторического нарратива, если он служит «правильным» целям и задачам. Голоса профессиональных историков, апеллирующих к исторической истине, при этом вообще не слышны.

Превращение истории в «расширенное настоящее» означает возвышение роли истории, но не историков. Историческая аргументация активно используется политиками, деятелями культуры и простыми обывателями – спорщиками в социальных сетях. «Бои за историю», «войны памяти» не просто перестали быть привилегией профессиональных историков, они в принципе теперь происходят в основном на общественно-политических площадках. Профанное знание при «расширенном настоящем» более востребовано, чем профессиональное, потому что оно больше отвечает задачам современности, поддается конструированию в актуальных направлениях. Журналист, политик и блогер в глазах общества сегодня куда более авторитетные историки, чем ученый.

Огромную роль в интерпретации истории как «расширенного настоящего» сегодня играют СМИ. А. Хейссен писал, что именно их деятельность привела к размыванию темпоральных границ³. История происходит на глазах лю-

1 Baudrillard 1994.

2 Kasabova 2008, 331–350.

3 Huysen 2003, 1.

дей, но благодаря репортажу она стала происходить в прямом эфире. События историоризируются чуть ли не быстрее, чем происходят (поскольку некоторые исторические шаги анонсируют именно СМИ). Как пишет Ф. Артог, эту роль СМИ обрели еще в XX в. (отправной точкой он называет судебные репортажи о «деле Дрейфуса» 1906 г.)¹. В наши дни, когда заседания парламентов, войны и катастрофы транслируются на телевидении и в Интернете в режиме реального времени, окончательно притупляется чувство границы между прошлым и настоящим. Историк как летописец сдал свое место репортеру.

Отсюда и попытки в последние годы заявить о необходимости реполитизации истории², реабилитации исторического презентизма³, возвращении истории статуса «учительницы жизни». Прошлое, как пишет Х. Уайт, должно быть практическим, полезным, помогающим принимать мотивационные решения⁴. Тогда история наконец утратит репутацию бесполезной науки, которая, по печально известному выражению, «учит только тому, что ничему не учит», и, напротив, станет необычайно полезной. Реполитизация истории оказывается необходимой для легализации конъюнктурной исторической политики, прежде всего в образовании, «законов о памяти», политической аргументации на международной арене. Это шаг назад от истории как науки, но шаг, возвращающий истории ее социальную и культурную роли, которые были присущи ей изначально, в домодерный период начиная с Геродота. Этот призыв, как заметил Б. Бевернедж, звучит не в первый раз – историки и философы от Ф. Ницше до К. Дженкинса выступали против «одержимости» историей в пользу этики, нацеленной на настоящее⁵.

Насколько устойчива эта тенденция, и насколько она изменит представления человечества о сущности и пользе истории – покажет время. Очевидно одно – роль истории в мире не будет прежней. Человечество обретает новое самоощущение своего прошлого и хочет иметь над ним больше власти, чем предыдущие поколения. Люди больше не ищут свои корни в глубине веков – они конструируют эти основы идентичности в соответствии с канонами современности и помещают их в исторический контекст. Спорить с этим трендом с позиций позитивизма, то есть апеллируя к истине и научному знанию, до сих пор было малоуспешным. Возможно, нас ждут большие перемены в статусе и функционале исторического знания и его носителей.

1 Hartog 2015, 60–65.

2 Олейников 2021, 5–27.

3 Обзор развития идеи презентизма в истории см.: Савельева, Полетаев 2005, 63–88.

4 White 2014, 9–10.

5 Bevernage 2008, 149–167.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019.
- Assmann, Aleida. *Forgetting History is an Obsession with History*. Moscow: Publishing House "New Literary Review," 2019 [In Russian].
- Бойцов, М.А. Выживет ли Клио при глобализации? // Общественные науки и современность. – 2006. – № 1. – С. 91–108.
- Boitsov, M.A. "Vyzhivet li Klio pri globalizatsii?" *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1 (2006): 91–108 [In Russian].
- Курилла, И.И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. – Москва: Альпина Паблишер, 2022.
- Kurilla, I.I. *Bitva za proshloe. Kak politika menyaet istoriyu*. Moscow: Al'pina Pablisher, 2022 [In Russian].
- Мобилизованное Средневековье. Т. I: Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / Под ред. Д.Е. Алимова, А.И. Филюшкина. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2021.
- Mobilizovannoe Srednevekov'e. T. I: Medievalizm i natsional'naya ideologiya v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope i na Balkanakh*, edited by D.E. Alimov, A.I. Filyushkin. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2021 [In Russian].
- Найдич, А. Big Data: проблема, технология, рынок // КомпьютерПресс. – 2012. – № 1. <https://compress.ru/article.aspx?id=22725&>
- Naidich, A. "Big Data: problema, tekhnologiya, rynok." *KompyuterPress*, no. 1 (2012) [In Russian].
- Нора, П., Озуф, М., де Пуимеж, Ж., Винок, М. Франция – память. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999.
- Nora, Pierre, Ozouf, Mona, Winock, Michel, and Gérard de Puymège. *La France, c'est la mémoire*. Saint-Petersbourg: Presses de l'Université de Saint-Petersbourg, 1999 [In Russian].
- Олейников, А. Время истории // Логос. – 2021. – Т. 31. – № 4. – С. 5–27.
- Oleinikov, A. "Vremya istorii." *Logos*, no. 4 (2021): 5–27 [In Russian].
- Потарова, Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Potarova, N.D. *Lingvisticheskii povorot v istoriografii*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015 [In Russian].
- Савельева, И.М., Поletaев, А.В. О пользе и вреде презентизма в историографии // Цепь времен: Проблемы исторического сознания / Под ред. Л.П. Репина. – Москва: ИВИ РАН, 2005. – С. 63–88.
- Savel'eva, I.M., Poletaev, A.V. "O pol'ze i vrede prezentizma v istoriografii." In *Tsep' vremen: Problemy istoricheskogo soznaniya*, edited by L.P. Repina, 63–88. Moscow: IVI RAN, 2005 [In Russian].
- Эко, Умберто. Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1974. – № 4. – С. 258–267.
- Eco, Umberto. "The Middle Ages have Already Begun." *Foreign Literature*, no. 4 (1974): 258–267 [In Russian].
- Ankersmit, F.R. *History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor*. Berkeley: University of California Press, 1994.
- Assmann, Aleida. *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. Munich: Carl Hanser Verlag, 2013. Assmann, Aleida. Is Time out of Joint? The Rise and Fall of the Time Regime of Modernity. Munich: Carl Hanser Verlag, 2013 [In German].
- Baudrillard, Jan. *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
- Bauman, Zygmunt. *Retropia*. Cambridge: Polity, 2017.
- Becker, Tobias. "The Meanings of Nostalgia: Genealogy and Critique." *History and Theory* 57, no. 2 (2018): 234–250. <https://doi.org/10.1111/hith.12059>.
- Bevernage, Berber, De Almeida, Gisele, Delanote, Broos, Froeyman, Anton, Huijbers, Patty, and Kenan Van De Mierop. "Philosophy of History After 1945: A Bibliometric Study." *History and Theory* 58, no. 3 (2019): 406–436. <https://doi.org/10.1111/hith.12124>.
- Bevernage, Berber. "Time, Presence, and Historical Injustice." *History and Theory* 47, no. 2 (2008): 149–167. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2008.00444.x>.
- Boym, Svetlana. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2002.
- Bull, Hedley. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. New York: Columbia University Press, 1977.
- Burke, Peter. *What is Cultural History?* Cambridge: Polity, 2018.
- Elliott, Andrew. *Medievalism, Politics and Mass Media: Appropriating the Middle Ages in the Twenty-first Century*. Suffolk: D.S. Brewer, 2017.
- Fogu, Claudio. "Digitalizing Historical Consciousness." *History and Theory* 48, no. 2 (2009): 103–121. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2009.00500.x>.
- Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.
- Gumbrecht, Hans. *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*. New York: Columbia University Press, 2014.
- Hartog, François. *Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time*. New York: Columbia University Press, 2015.
- Holsinger, Bruce. "Medievalization Theory: From Tocqueville to the Cold War." *American Literary History* 22, no 4 (2010): 900–910.
- Huysens, Andreas. *Present Past: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press, 2003.
- Jenkins, Keith (ed.). *The Postmodern History Reader*. London & New York: Routledge, 1997.
- Kasabova, Anita. "Memory, Memorials, and Commemoration." *History and Theory* 47, no. 3 (2008): 331–350. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2008.00458.x>.
- Koposov, Nikolay. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- LaCapra, Dominick. "Trauma, History, Memory, Identity: What Remains?" *History and Theory* 55, no. 3 (2016): 375–400. <https://doi.org/10.1111/hith.10817>.
- Landwehr, Achim. "Nostalgia and the Turbulence of Times." *History and Theory* 57, no. 2 (2018): 251–268. <https://doi.org/10.1111/hith.12060>.

Lorcin, Patricia. "The Nostalgias for Empire." *History and Theory* 57, no. 2 (2018): 269–285. <https://doi.org/10.1111/hith.12061>.

Lorenz, Chris. "Out of Time?" In *Rethinking Historical Time*, 23–42. Bloomsbury Publishing Plc, 2019. <https://doi.org/10.5040/9781350065116.ch-001>.

Norell, Magnus. "A New Medievalism? The Case of Sri Lanka." *Civil Wars* 6, no 2 (2003): 121–137. <https://doi.org/10.1080/13698240308402535>.

Olsen, Gorm. "Neo-Medievalism in Africa: Whither Government-to-Government Relations Between Africa and the European Union?" *Civil Wars* 6, no 2 (2003): 94–120. <https://doi.org/10.1080/13698240308402535>.

Rapley, John. "Keynote Address — From Neo-Liberalism to the New Medievalism." In *Globalisation and Governance in the Pacific Islands: State, Society and Governance in Melanesia*, edited by Stewart Firth, 7–23. Canberra: ANU Press, 2006.

Rapley, John. "The New Middle Ages" *Foreign Affairs* 85, no 3 (2006): 95–103.

Rigney, Ann. "When the Monograph is no Longer the Medium: Historical Narrative in the Online Age." *History and Theory* 49, no. 4 (2010): 100–117. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2010.00562.x>.

Roth, Paul. "The Pasts." *History and Theory* 51, no. 3 (2012): 313–339. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2012.00630.x>.

Runia, Eelco. "Burying the Dead, Creating the Past." *History and Theory* 46, no. 3 (2007), 313–325. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00412.x>.

Rüsen, Jörn. "A Turning Point in Theory of History: The Place of Hayden White in the History of Metahistory." *History and Theory* 59, no. 1 (2020): 92–102. <https://doi.org/10.1111/hith.12147>.

Simon, Zoltán. "Two Cultures of the Posthuman Future." *History and Theory* 58, no. 2 (2019): 171–184. <https://doi.org/10.1111/hith.12108>.

Spiegel, Gabrielle. "Revising the Past/Revisiting the Present: How Change Happens in Historiography." *History and Theory* 46, (2007): 1–19. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00425.x>.

Utz, Richard. "Medievalism: Whence and Whither?" *Vox Medii Aevi* 2, no. 5 (2019): 48–51.

Vacca, Roberto. *The Coming Dark Age*. St. Albans: Panther, 1974.

White, Hayden. *Metahistory: the Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: JHU Press, 1975.

White, Hayden. *The Practical Past*. Evanston: Northwestern University Press, 2014.

Сведения об авторе

Филюшкин Александр Ильич,

Заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран, профессор, д.и.н.,
доцент Санкт-Петербургского государственного университета,
199034, Санкт-Петербург, Россия, Университетская наб., д. 7–9.

e-mail: a.filushkin@spbu.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 29 мая 2022.

Переработана: 15 августа 2022.

Принята к публикации: 21 сентября 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Филюшкин, А.И. Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? // *Международная аналитика*. – 2022. – Том 13 (3). – С. 16–29.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-16-29>

Why in the Modern World the Future is Replaced by the Past: is History Coming Back?

ABSTRACT

In the last two or three decades, there has been a progressive increase in interest in history. Scientists see the reasons for this in the political situation, the growth of nationalist sentiments, and “memory wars.” The article proposes a hypothesis according to which the causes of the origins of this phenomenon lie much deeper: in global changes in human culture related to ideas about time, changes in views on the role of the past, as well as the relationship between the past and the present and the possibility of predicting the future. History is being replaced by historical memory, the functionality of which lies mainly in the sphere of historical politics and social practices. Hence, the paradoxical nature of what is happening: the role of historical science is diminishing, and the role of historical knowledge is growing. The current information situation and total digitalization play a huge role here. Thanks to them, the past and the future turn into an “expanded present,” and historical knowledge becomes a giant palimpsest that is constantly being rewritten. Hence, the trend towards the repoliticization of history, calls for the restoration of its ethical component, its role as a “teacher of life,” the legal and ethical relevance of historical knowledge, which acts as an argument in the accusations and justifications of countries and peoples (this process is called the legitimization of history). The conjuncture for the sake of “correct” modern politics is no longer considered a discrediting circumstance for historians. On the contrary, historians are charged with the duty to act as judges or lawyers at the trial of descendants over the past. All these trends, in the context of the end of the temporal regime of modernity and universal digitalization, lead to the blurring of the distance between the past and the present and the transformation of history into an “expanded present,” because it is the goals and objectives of the present that determine the endless revision of the past, rewriting history. This conclusion is important for understanding the ongoing processes. The modern growth of retrotopia, the changing role of historical knowledge, the trend towards the repoliticization and rehabilitation of the presentism is not a negative political conjuncture that can be corrected nor can its onset be contained. This is the result of global trends in the field of culture in the broadest sense of the word. Ultimately, they can lead to the rebirth of historical science and historical knowledge into a new meta-system that differs from the role of the history of the modern era that is familiar to us.

KEYWORDS

Presentism, temporality, modernity, postmodern challenge, historical ethics, the past, digitalization of culture

Author

Alexander I. Filyushkin,

Doctor of historical sciences, professor,

Head of the Department of the Faculty of History of Slavic and Balkan Countries,
St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Russia, Universitetskaya nab., 7–9.

e-mail: a.filushkin@spbu.ru

Additional information

Received: May 29, 2022. Revised: August 15, 2022. Accepted: September 21, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Filyushkin, Alexander I. “Why in the Contemporary World the Future is Replaced by the Past: is History Coming Back?” *Journal of International Analytics* 13, no. 3 (2022): 16–29.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-16-29>

Осмысление колониализма и деколонизации в современном социально-политическом дискурсе Ирана

Филин Никита Александрович, РГГУ, Москва, Россия
Кокликов Владимир Олегович, МГЛУ, РГГУ, Москва, Россия
Ходунов Александр Сергеевич, РГГУ, Москва, Россия

Контактный адрес: n.filin@rggu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется восприятие колониализма и антиколониальной борьбы в современном Иране. Иранские власти придают особое значение антиколониальной борьбе и осуждению колониальных практик Запада, учитывая не только формальную колонизацию, но и фактическое подчинение формально независимых государств воле западных держав. В связи с этим особая роль отводится исламской революции как антиколониальной и призванной освободить угнетенных всего мира. Целью исследования является рассмотрение истории колониализма в Иране, взглядов духовных лидеров, президентов и высшего чиновничества Ирана на вопросы колониализма и антиколониальной борьбы, выявление исторических событий и личностей, сыгравших ключевую роль в антиколониальном движении Ирана. Для этого были проанализированы материалы иранского информационного агентства ИРНА и выступления иранских духовных лидеров. Также был проведен статистический анализ наиболее часто встречающихся терминов по тематике колониализма. В результате было установлено, что основное внимание в иранском дискурсе уделяется осуждению преступлений Запада, особенно США и Израиля, против мусульман, а также восхвалению сопротивления иранского народа колониализму в прошлом и настоящем, с акцентом на особую роли аятоллы Р. Хомейни в иранском антиколониальном движении. Западный колониализм в Иране делится на несколько аспектов: военные преступления в завоеванных Западом странах, препятствование свободному развитию более слабых стран, смена независимых и патриотических режимов, навязывание народам неэффективных и послушных западным элитам правителей, деструктивных проявлений западной культуры. Кроме того, восхваляется иранская политика на Ближнем Востоке как движимая благородными мотивами и ставящая своей целью оказание всевозможной помощи народам региона в освобождении от колонизаторов. В качестве важного примера антиколониальной борьбы Ирана на Ближнем Востоке приводится случай Сирии, когда Иран помогал правительству Б. Асада восстановить контроль над страной и победить вооруженную оппозицию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Иран, колониализм, ислам, революция, Великобритания, США

Одной из главных внешнеполитических тем в современном Иране является колониализм и национально-освободительная борьба против него. Несмотря на то что подавляющее большинство колоний и зависимых территорий в мире обрели свободу уже более полувека назад, в Иране до сих пор считают проблему колониализма весьма актуальной. Это связано, во-первых, с тем, что колониализм нанес очень сильный ущерб социально-экономическому и технологическому развитию захваченных колонизаторами стран, который ощущается до сих пор в виде очень серьезного отставания многих из них от развитых государств. Во-вторых, понятие колониализма в современном Иране трактуется гораздо шире, чем классическая колонизация в виде насильственного присоединения какого-либо государства к метрополии и замены местных правителей на назначаемых из метрополии чиновников.

По мнению иранских политиков и экспертов, даже если в государстве правит формально независимый глава, оно все равно может превратиться в колонию. Это выражается прежде всего в служении правителей этих стран интересам других государств (как правило, крупных западных стран), что обычно сопровождается разграблением (в том числе в виде продажи за бесценок) природных ресурсов и другими формами зависимости, близкой к колониальной. Примером такой колонизации в Иране считается период правления династии Пехлеви. Поэтому исламская революция в экспертном сообществе воспринимается не только как торжество исламских принципов, направленных против секуляризации и вестернизации общества, но и как антиколониальная национально-освободительная борьба.

Особый интерес представляет осмысление специфики колониализма в Иране: что понимали под колониализмом и национально-освободительной борьбой основатель Исламской республики аятолла Р. Хомейни и его соратник и преемник – нынешний руководитель Ирана А. Хаменеи; как отражается понятие колониализма и деколонизации в современном иранском социально-политическом дискурсе; какие личности, боровшиеся против иностранного господства, и какие эпизоды антиколониальной борьбы имеют значение для иранского общества. В предложенной работе предпринимается попытка ответить на обозначенный круг вопросов. С этой целью были подробно изучены речи и выступления Р. Хомейни как исторической личности, сыгравшей основную роль в переосмыслении феномена колониализма в Иране, проанализированы материалы крупнейшего современного иранского информационного агентства ИРНА и проведен статистический анализ частотности употребления в них терминологии, относящейся к колониализму.

В отечественной литературе сама проблема восприятия колониализма рассматривается в достаточно широком контексте. М.А. Сапронова¹ исследовала антиколониальную борьбу в арабских странах во время и после Второй мировой войны. По ее мнению, в результате ослабления метрополий (особенно Франции) у арабских деятелей возникло убеждение, что освободиться от коло-

¹ Сапронова, М.А. Подъем национально-освободительного движения на Арабском Востоке после Второй Мировой войны // Федеральный портал Истории России. 28 декабря 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/70ecf130e67e616decbb2d3d1c444c241463abc9.pdf> (дата обращения: 20.05.2022).

ниализма собственными силами возможно. Это, в свою очередь, привело к росту антиколониальных движений, особенно левой направленности, которые после войны только укрепились, несмотря на репрессии колонизаторов. При этом особую роль в достижении независимости арабских стран, прежде всего в Ливане и Сирии, сыграл Советский Союз, что вызывало уважение и восхищение левых арабских деятелей.

А.И. Ионова¹ в одной из своих статей рассмотрела развитие антиколониальной мысли интеллектуалов Индонезии на примере работ А. Салима, лидера популярной организации Сарекат Ислама и автора концепции мусульманского национализма. Она обратила внимание, что А. Салим связывал необходимость национального освобождения Индонезии с ликвидацией колониального общественного порядка, воспринимавшегося им как оковы, мешающие нормальному развитию. Он призывал граждан осознать свою ответственность за судьбу родины и необходимость борьбы за свои права вплоть до антиколониальной революции. Независимое развитие Индонезии, по его убеждению, должно было осуществляться в строгом соответствии с ее традиционными исламскими ценностями.

В работе И.П. Беляева и Е.М. Примакова «Египет: время президента Насера» отражена борьба египетского президента Г.А. Насера за достижение Египтом фактической независимости. В ней авторы подчеркивают, что Египет, несмотря на предоставление независимости Великобританией в 1922 г., находился в подчиненном положении вплоть до 1956 г.: в зоне Суэцкого канала находились английские войска, а британский посол и правление Компании канала вмешивались во внутренние дела Египта вплоть до утверждения правительств. Во многом такая ситуация в Египте напоминала шахский Иран 1950–1970-х гг. В итоге подлинную независимость Египет обрел только в 1956 г., когда по настоянию Г.А. Насера произошел вывод британских войск из зоны Суэцкого канала и была национализирована Компания канала, а впоследствии – и другие предприятия стран Запада².

Что касается проблемы восприятия колониализма в самом Иране, которая российскими учеными подробно не исследовалась, то здесь существует большой научный интерес восполнить этот пробел. Авторы постарались внести свой вклад в изучение данной проблематики посредством конструктивизма, позволившего рассмотреть восприятие колониализма в иранском обществе в контексте социальной истории и социального конструирования.

Краткая история колониализма и борьбы с ним в Иране

В XIX в., когда Иран был под властью династии Каджаров, он находился в глубоком упадке. Этим воспользовались некоторые европейские державы, в частности Великобритания и Россия. Слабый в политическом, экономическом и военном отношении Иран оказался полем для соперничества между ними

1 Ионова 1972.

2 Беляев, Примаков 1974, 73–100.

(«Большая игра»). Россия расширяла свои территории в Средней Азии, двигаясь в направлении Ирана, а Великобритания колонизировала Индию, которая на западе граничила с Ираном. Для нее Иран был важен в качестве буфера, не дававшего России продвинуться в сторону Британской Индии. Россия одержала победу в войнах с Ираном в первой половине XIX в., и в результате Гюлистанского (1813) и Туркманчайского (1828) мирных договоров Восточная Грузия, Армения и Азербайджан вошли в состав Российской империи, что было тяжело воспринято в Иране. После этого российское и британское влияние в Иране укрепилось вплоть до возможностей назначения некоторых министров. Поэтому среди иранцев распространилось мнение, что их государство стало жертвой заговора иностранных держав.

18 августа 1907 г. Россия в лице министра иностранных дел А.П. Извольского и Великобритания в лице посла в России А. Никольсона подписали соглашение, по которому разделили Иран на сферы влияния: северный Иран фактически контролировали российские консулы, центр страны оставался нейтральным, а южный Иран с нефтяными месторождениями оказался под английским контролем. И Россия, и Великобритания сыграли важную роль в подавлении иранской Конституционной революции. Во время Первой мировой войны военное присутствие России и Великобритании в Иране усилилось, однако после Октябрьской революции Россия в 1918 г. аннулировала соглашение и вывела свои войска из Ирана. Похожая ситуация произошла во Второй мировой, когда Иран был оккупирован войсками Великобритании и СССР, а прогермански настроенный Р. Пехлеви был вынужден отречься от престола и передать власть своему сыну М.Р. Пехлеви. Хотя принято считать, что Иран официально никогда не был колонией, на самом деле в 1919–1921 гг. он находился под протекторатом Великобритании после подписания кабального договора, поставившего под английский контроль иранские финансы, вооружение и государственные учреждения, однако он вызвал массовое возмущение иранцев и через два года был денонсирован парламентом¹.

Премьер-министр Ирана М. Мосаддык (1951–1953) воспринимал в качестве главного инструмента западного колониализма Англо-Иранскую нефтяную компанию, чьим основным акционером было правительство Великобритании, и в 1951 г. осуществил ее национализацию. Это вызвало недовольство США и Великобритании, которые летом 1953 г. организовали в Иране переворот, чтобы обеспечить сохранение своих интересов. В результате переворота М.Р. Пехлеви восстановил свою власть в полном объеме, но при этом он оказался зависим от США, следовал в фарватере их внешнеполитического курса и дал многочисленные привилегии американским советникам.

Одновременно шах проводил в своей стране популяризацию западной культуры, многие аспекты которой противоречили традиционным исламским нормам. Доминирование США во внешней политике и господство западных культурных ценностей вызвало волну недовольства среди консервативной части иранского общества: они полагали, что Иран фактически превратился в колонию

1 Алиев 2002, 492–501.

США. Этим недовольством воспользовался аятолла Р. Хомейни, который объединил основную массу противников режима и в 1979 г. сверг шаха и осуществил Исламскую революцию.

Помимо Р. Хомейни, важную роль в революционной и антиимпериалистической борьбе иранского общества сыграли такие известные интеллектуалы, как Дж. Але-Ахмад и А. Шариати. Все три мыслителя, несмотря на разногласия, были едины в том, что только возвращение к традиционным исламским ценностям поможет Ирану освободиться от западного империализма. Р. Хомейни писал, что ислам – религия тех, кто желает свободы и независимости, и что в исламской религии заложен потенциал борьбы против империализма. Дж. Але-Ахмад осуждал династию Пехлеви за слепое следование Западу и бездумный перенос на иранскую почву западных ценностей и практик. Он является автором критического эссе «Гарбзадеги» («Западничество»), в котором критиковал стремление Запада подчинить Иран в политическом, экономическом и культурном плане, а также потерю своей идентичности многими иранскими интеллектуалами, полностью воспринявшими западные культурные ценности. В этом контексте шиизм рассматривался как мобилизующая политическая идеология.

Социолог А. Шариати в своих произведениях пытался соединить шиитский ислам с социалистическими революционными идеями. Обучаясь в свое время в Сорбонне, он подпал под влияние антиимпериалистических идей таких французских мыслителей, как Ж.-П. Сартр и Ф. Фанон. Его переводы произведений Ф. Фанона на персидский имели в Иране очень большую популярность¹. При этом А. Шариати считал ислам революционной религией, способной объединить интеллектуальную элиту и народ Ирана в борьбе против Запада и прозападного шаха.

После Исламской революции борьба с колониализмом, под которым в Иране понимается не только формальное владение колониями, но и любые формы подчинения более слабых государств более сильным в различных сферах жизни, стала внешнеполитическим приоритетом Ирана. В стране официально провозгласили недопустимость любого угнетения и согласия с каким-либо угнетением в международных отношениях. Этот принцип нашел отражение в Конституции Исламской республики, в тексте которой содержится прямой запрет для Ирана стремиться к колониальному господству над какой-либо страной и соглашаться с таким господством в отношении себя, а также запрет на любые договоры, которые бы привели к иностранному господству в какой-то из сфер жизни Ирана. Кроме того, в качестве подтверждения этого внешнеполитического принципа используются многочисленные речи Р. Хомейни, в частности его цитата: «Народ Ислама следует путем, суть которого кратко можно выразить в двух словах: “Не угнетай и не будь угнетенным”, поскольку Всевышний “не дал господства ни одному из неверных над мусульманами и поэтому мусульмане не должны соглашаться с угнетением с их стороны”»².

Из этого принципа противостояния всем типам колониального угнетения вытекает и второй принцип иранской внешней политики – борьба с несправед-

1 Ghaderi 2018, 458–461.

2 Юртаев 2012, 14.

ливостью и против политики вмешательства иностранных, главным образом западных, держав. Третий принцип заключается в поддержке угнетенных народов и освободительных движений, о чем также упоминается в Конституции. При этом важной составляющей является поддержка и защита мусульман, которая упоминается в Конституции со ссылкой на Коран, где указано, что мусульмане всего мира составляют единую общину (умму)¹.

Взгляды Р. Хомейни и А. Хаменеи на колониализм и антиколониальную борьбу

В своей речи 18 февраля 1978 г. по случаю сорокового дня гибели расстрелянных в Куме 9 января Р. Хомейни обрушился с критикой на США и Великобританию за их преступления против мусульман. По его словам, хотя и США, и Великобритания подписали Декларацию о правах человека, тем не менее обе эти страны виновны в массовых преступлениях: США назначали своих агентов – диктаторов в самые разные страны мира, что привело к массовым лишениям и страданиям людей; Великобритания же совершила преступления и зверства в Индии и Пакистане, а также навязала Ирану династию Пехлеви, которая совершила множество вопиющих преступлений, чтобы показать свою преданность хозяевам в Лондоне и Вашингтоне, а также старалась уничтожить ислам в Иране. Р. Хомейни утверждал, что США и Великобритания создали Израиль, угнетающий мусульман, а также навязали Египту своего агента А. Садата, который стал слугой израильтян².

Большое внимание вопросам колонизации и борьбы с колониализмом Р. Хомейни уделил в своем религиозно-политическом завещании. Он отвел США роль государства-террориста, которому противостоит свободолюбивый иранский народ³. Р. Хомейни также обратил внимание на серьезную проблему зависимости угнетенных мусульманских народов и от СССР, противопоставляя национальную культуру западной или коммунистической идеологиям. Р. Хомейни считал эти идеологии крайне деструктивными для исламской цивилизации и призывал людей отбросить иностранное колониальное влияние и вернуться к традиционным корням и истокам. Он писал, что иранцы и арабы ни в чем не уступают европейцам и могут преодолеть экономическую и техническую отсталость от Запада в короткие сроки, если поверят в свои силы⁴.

Верховный лидер Ирана аятолла А. Хаменеи также очень негативно относится к политическому Западу и считает, что тот сохранил свои колониальные практики до сегодняшнего дня. В одной из своих речей А. Хаменеи обратил внимание на то, что западные политики выглядят ухоженно и элегантно и постоянно говорят, что их цель – это защита прав человека, однако эта внешняя привлекательность не должна вводить в заблуждение, так как в период колониализма они вели себя с завоеванными народами с варварской жестокостью. По его мнению, западные государства не ограничились одними только убийствами мирных жи-

1 Ibid., 15.

2 Khomeini 2008a, 344–347.

3 Khomeini 2008b, 403–404.

4 Ibid., 418–421.

телей, но и старались держать колонизированные народы в глубоком упадке, не давая им развиваться ни в какой области¹. Самым жестоким и безжалостным государством в современном мире А. Хаменеи считает США. Он заявил, что американские правители превзошли в своей жестокости даже ИГИЛ². По его словам, именно США создали и финансировали ИГИЛ. Доказательством крайней степени лицемерия США А. Хаменеи назвал колониальное угнетение народа Палестины, продолжающееся более 70 лет со стороны Израиля при всесторонней американской поддержке³.

При этом А. Хаменеи не ограничивается только констатацией фактов массовых преступлений, совершенных политической верхушкой и армиями Запада, а пытается определить их глубинные причины. Основную причину глубокого морального падения западных лидеров он видит в отделении религии от государства, а науки – от духовности. Научный прогресс позволил Западу сильно опередить остальной мир в технологической и производственной сфере. Но из-за отказа от соблюдения религиозных и моральных норм власть на Западе стала ориентироваться лишь на материальные ценности, а во внешней политике взяла курс на захват и подчинение других народов, пользуясь своим военно-техническим превосходством.

Это, по словам Верховного лидера, привело к катастрофическим последствиям для всего человечества: две мировые войны, рабство, коммунистические репрессивные режимы, дикий капитализм, направленный на безудержное извлечение прибыли, колониализм, в результате которого погибли миллионы людей, разрушение множества семей и распространение разврата из-за антисемейной пропаганды со стороны западных элит, а из последних событий – преступления американской армии в Афганистане и Ираке под ложным предлогом распространения демократии. По мнению А. Хаменеи, исламская революция положила конец колониальной политике Запада в Иране, а исламский режим противопоставляет угнетению во всем мире, и поэтому Запад и сионисты стараются его свергнуть и опорочить его основателя – аятоллу Р. Хомейни, чтобы получить возможность беспрепятственно угнетать народы мира⁴.

Восприятие колониализма и деколонизации в современном иранском социально-политическом дискурсе

Особенности восприятия колониализма в современном иранском дискурсе в первую очередь связаны со взглядами трех последних президентов Ирана, которые наиболее часто обращались к данным темам. М. Ахмадинежад (2005–2013), принадлежавший к радикальным консерваторам – наиболее антизападному те-

1 "Enayeh-ye Shomareh-ye Zayadeh dar Tanha-ye Ab" (Statements in a Meeting with a Group of Students)," The Official Website of the Office for the Preservation and Publication of the Works of the Grand Ayatollah Sayyed Ali Khamenei, August 10, 2011, accessed April 17, 2022, <https://farsi.khamenei.ir/newspart-print?id=16912&nt=2&year=1390&tid=25945>.

2 Запрещенная в России террористическая организация.

3 "Wild West," The Official Website of the Office for the Preservation and Publication of the Works of the Grand Ayatollah Sayyed Ali Khamenei, February 8, 2018, accessed April 17, 2022, <https://farsi.khamenei.ir/newspart-index?id=38872&nt=2&year=1396&tid=25945>.

4 "Statement on the 15th anniversary of the death of Imam Khomeini (may God have Mercy on Him)," The Official Website of the Office for the Preservation and Publication of the Works of the Grand Ayatollah Sayyed Ali Khamenei, June 3, 2004, accessed April 17, 2022, <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=3233>.

чению в иранской политической системе, – всегда выступал с антизападных позиций. Широкую известность получили его речи в Генеральной ассамблее ООН. Во время одного из выступлений в сентябре 2011 г. М. Ахмадинежад назвал Запад главным виновником всех бедствий человечества и обвинил его в развязывании мировых войн, рабстве, колониализме и разжигании конфликтов, которое продолжается до сих пор, сказав, что бомбы и ракеты НАТО не могут принести демократию. Он заявил, что страны Запада должны выплатить компенсацию потомкам тех, кто пострадал от рабства и преступлений колониализма. Делегации США и некоторых западноевропейских стран в знак протеста против выступления иранского президента покинули заседание¹.

В апреле 2013 г., выступая перед студентами и преподавателями Исламского университета в Гане, М. Ахмадинежад жестко раскритиковал историю рабства и колониализма в странах Запада, назвав ее одним из самых мрачных моментов в истории человечества, и заявил о необходимости возмещения ущерба пострадавшим странам. По его словам, везде в мире, где есть нищета, социальное расслоение, война и ненависть, можно найти следы империалистов. Он добавил, что Иран своей борьбой против западных коррумпированных, деспотичных и преступных правительств защищает все человечество и желает всем народам справедливости, мира и процветания². Таким образом, можно видеть, что в отношениях Ирана со странами – бывшими колониями тема колониализма используется для сближения их позиций в международной политике.

Президент Х. Рухани, хотя и принадлежал к более умеренному политическому течению, чем М. Ахмадинежад, также активно осуждал колониализм и обличал американские заговоры против Ирана. Он, в частности, заявил, что выдворение из страны Р. Хомейни в 1964 г., после того как он стал протестовать против «колониального» закона о предоставлении экстерриториального статуса американским советникам, произошло по приказу США. По его словам, США до сих пор не оставляют попыток свергнуть исламский режим и вернуть народ Ирана обратно в нищету и протекторат, но благодаря свободолюбивому духу иранцев и храброму руководству Верховного лидера их планы будут сокрушены³.

Нынешний президент Ирана радикальный консерватор И. Раиси, занимающий весьма критичную позицию по отношению к современному Западу, считает, что, несмотря на официальное освобождение практически всех колоний во второй половине XX в., западный колониализм продолжает существовать до сих пор в иной форме. В беседе с президентом Экваториальной Гвинеи он заявил: «Веками западные страны просто грабили богатые природные и человеческие ресурсы Африки и сохранили свой колониальный дух, изменив лишь свои колониальные методы». Таким образом, в восприятии иранского президента колониализм Запада проявляется в том числе и в равнодушии к страданиям других

1 "درک ینارنخس بیرغ هیلع تشدش هب داژن یدمجا: روتاورسبیا لویون (Le Nouvel Observateur: Ahmadinejad spoke strongly against the West)," IRNA, September 23, 2011, accessed April 17, 2022, <https://www.irna.ir/news/4117612/>.

2 "سسا ناهچرد تیناسنا زا عافد یارب دساف یاهتلود لباقم رد ناریا تلم یگداتسبیا: داژن یدمجا" (Ahmadinejad: The Iranian Nation Stands Against Corrupt Governments to Defend Humanity in the World)," IRNA, April 17, 2013, accessed April 17, 2022, <https://www.irna.ir/news/80618875/>.

3 "سسا ناهچرد تیناسنا زا عافد یارب دساف یاهتلود لباقم رد ناریا تلم یگداتسبیا: داژن یدمجا" (Ahmadinejad: The Iranian Nation Stands Against Corrupt Governments to Defend Humanity in the World)," IRNA, April 17, 2013, accessed April 17, 2022, <https://www.irna.ir/news/80618875/>.

стран, потому что «западные страны и США, куда бы они ни пришли, лишь преследовали свои интересы»¹. И. Раиси в интервью телеканалу Russia Today заявил, что США хотят «превратить независимые страны в своих рабов», но Иран вот уже более 40 лет борется против американского господства. Также И. Раиси озвучил принцип политики Ирана, установленный еще при Р. Хомейни: страна не хочет получить господство над другими народами и, в свою очередь, не позволит другим странам доминировать над ней².

Преемственность такой политики И. Раиси подчеркивает, призывая к соблюдению принципов политического учения Р. Хомейни в современном Иране. Самым важным И. Раиси выделяет «противостояние высокомерию сверхдержав, колониализму и тирании». По его словам, некоторые лидеры политических движений в XX в. уделяли внимание только какому-то одному аспекту из этих трех, но имам Р. Хомейни одновременно боролся и с внутренней тиранией, и с внешним империализмом. И. Раиси считает, что важно также и то, что Р. Хомейни решительно отвергал угнетение во всем мире, и после победы Исламской революции он подчеркивал, что исламский режим должен стать прибежищем для всех угнетенных³.

Ключевым элементом борьбы против современного западного колониализма в Иране считаются выборы высших должностных лиц. Так, в июне 2021 г. перед президентскими выборами командир отделения КСИР в провинции Керманшах Б. Рейхани заявил, что выборы – это не только политическое соревнование, но прежде всего – полномасштабная война против врагов Ирана и его режима (очевидно, подразумевая под врагами страны Запада и Израиль, как традиционно принято в Иране). Поэтому, по его словам, враги стараются, чтобы участие народа в выборах было минимальным. Б. Рейхани сказал, что в этой связи народ должен разбить коварные замыслы врагов и избрать именно того лидера, который больше всего разозлит и расстроит Запад. Указав на историю страны в XX в., он напомнил, что Иран во время правления династии Пехлеви оказался превращен в колонию ведущих держав, а народ был погружен в нищету. Только после Исламской революции, благодаря Р. Хомейни и А. Хаменеи, Иран стал по-настоящему независим, и, несмотря на старания всех мировых сил зла по свержению исламского режима, он остается устойчивым⁴.

Следует отметить, что критике преступлений западных стран, совершенных во время их колониального прошлого, уделяется серьезное внимание иранскими СМИ. В Иране сохраняется негативное отношение к колониальной деятельности Великобритании в их стране, поэтому тема британских преступлений в Иране поднимается постоянно. Представитель Верховного лидера в Альборзе аятолла С. М. М. Хосейни заявил: «В течение многих лет Великобритания, как злая лиса, постоянно плела интриги против народов мира, особенно против

1 Раиси: Иран готов сотрудничать и развивать отношения со странами Африки в различных областях // ParsToday. 23 февраля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://parstoday.com/ru/news/iran-i152376> (дата обращения: 17.04.2022).

2 Президент Ирана Раиси заявил, что Тегеран противостоит американскому господству // RT на русском. 20 января 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/951516-prezident-iran-raisi> (дата обращения: 22.04.2022).

3 «تشهد اد رواب استقىق ح ار چدم (ره) امام: هي مضق فوق سىغدر» (Head of Judiciary: Imam (ra) Really Believed in the People), IRNA, May 31, 2021, accessed April 22, 2022, <https://www.irna.ir/news/84350346/>.

4 «تسا نان پشد لباقم رد ىلم گرزب شىامز تبابختن» (Elections are a Great National Exercise Against the Enemies), IRNA, June 2, 2021, accessed April 22, 2022, <https://www.irna.ir/news/84352677/>.

Ирана. Всякий раз, когда она найдет возможность, она нанесет удар по исламу и исламской революции»¹.

Осуждается Ираном британский колониализм и в других странах. Так, Х. Рухани в феврале 2018 г. в ходе визита в Индию посетил мемориал лидера индийского национально-освободительного движения М. Ганди и заявил, что основными принципами его деятельности были борьба за свободу и справедливость против колониализма ненасильственным путем, что в итоге привело к достижению Индией независимости².

Традиционно в колониализме обвиняют самую большую и влиятельную страну Запада – США. Сюда относятся попытки дестабилизации ситуации в Венесуэле – одном из союзников Ирана в Латинской Америке. Нарративом является то, что США хотят свергнуть независимое патриотическое правительство Н. Мадуро и колонизировать страну. После очередных выборов президента Венесуэлы в 2018 г. США, пользуясь поддержкой лидера оппозиционной партии Х. Гуайдо, старались создавать разногласия в этой богатой нефтью стране и вмешиваться в ее внутренние дела³.

Иранские политики и эксперты также активно обвиняют в колониализме Израиль, вменяя ему в вину оккупацию исторической территории Палестины и преступления над палестинцами. В связи с этим в Иране широко отмечается день Аль-Кудс (день солидарности с народом Палестины), учрежденный Р. Хомейни в 1982 г. В этот день по всей стране организуются антиизраильские демонстрации. Однако в Иране считается, что сам по себе Израиль не имеет никакой реальной мощи и побеждает мусульман только благодаря всесторонней поддержке и помощи США, которые стараются максимально ослабить Иран санкциями, чтобы подавить его волю к сопротивлению и не дать ему возможность помогать палестинцам, а также стоят за всеми крупными ближневосточными конфликтами, поддерживая убийства народов Ближнего Востока.

В частности, по мнению профессора А. Маранди, США подпитывают саудовский геноцид в Йемене, а Иран, наоборот, поддерживает угнетенный народ Йемена. США также поддерживают террористов в Сирии и Ираке, а Иран помогает иракскому и сирийскому народам в борьбе с терроризмом. Вашингтон поддерживает Израиль в убийстве палестинцев в Газе, а Иран взялся защищать палестинцев и с момента исламской революции выступает против Израиля⁴.

В качестве примера современной колониальной страны также приводятся Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Им иранская пресса вменяет в вину активное участие в военной коалиции против союзных Ирану йеменских хуситов, которая возглавляется Саудовской Аравией и совершила целый ряд преступлений против йеменского народа. Подчеркивается, что ОАЭ в этой войне проявляют себя гораздо более активно и агрессивно, чем даже сама Саудовская

1 "سبأ اروضاع ياد سرد زا دنوادخ تاعاطا و يگدنپ: چرک و عجم امام" (Friday Imam of Karaj: Serving and Obeying God is one of the Lessons of Ashura)," IRNA, August 28, 2020, accessed April 22, 2022, <https://www.irna.ir/news/84019757/>.

2 "ناشنوونده ميونجم و ميهايي ديوقف رهبر: هيندآگ هب ينآچور رشكد مارتحا ادا" (Dr. Rouhani's Tribute to Gandhi; The Deceased Political and Spiritual Leader of India)," IRNA, February 17, 2018, accessed April 22, 2022, <https://www.irna.ir/news/84001858/>.

3 "Amnesty for Political Opponents of the Venezuelan Government with the Aim of National Reconciliation)," IRNA, September 1, 2020, accessed April 22, 2022, <https://www.irna.ir/news/84022684/>.

4 "سبأ هدرکن ري يئخت و افلس هب تشسين: نآري لابلق رد ندياب عضاوم: يينزرم" (Marandi: Biden's Attitude Towards Iran Towards His Predecessor has not Changed)," IRNA, June 27, 2021, accessed April 22, 2022, <https://www.irna.ir/news/84384185/>.

Аравия. Действия Эмиратов по оккупации стратегически важного острова Соко-тра и изменению демографической структуры его населения определяются как колонизаторские и отождествляются с оккупацией Израилем палестинских зе-мель. Утверждается, что ОАЭ преследуют целью окончательно разделить Йемен на Север и Юг и овладеть стратегическими пунктами страны, такими как Сокотра и острова в Баб-эль-Мандебском проливе¹.

Иранские официальные лица подчеркивают, что равноправный и друже-ственный подход Ирана к странам мира коренным образом отличается от грубо-го и колониального подхода США. Так, посол Ирана в Ираке И. Маджиди заявил, что Иран не намерен вмешиваться во внутренние дела Ирака и учитывает на-циональные интересы этой страны лучше, чем кто-либо еще в мире. Иран, по его словам, стремится укрепить порядок и безопасность в Ираке и ускорить его послевоенное восстановление, в то время как присутствие американцев в лю-бой точке мира приводит лишь к большей незащищенности, росту террориз-ма и фактической колонизации. Посол осудил убийство американцами в январе 2020 г. командира подразделения «Кудс» Корпуса стражей исламской революции К. Солеймани, который воевал в Ираке по официальному приглашению его пра-вительства, а также убийство заместителя руководителя иракской коалиции Сил народной мобилизации А. М. аль-Мухандиса, и заявил, что США стремятся таким образом превратить Ирак в поле битвы с Ираном².

Если обратиться к истории послереволюционного Ирана, можно видеть, что он в основном помогал (дипломатически, финансово и оружием) шиитским дви-жениям и режимам, таким как ливанская Хезболла, иракские шиитские партии и военные группировки, йеменские хуситы, сирийские алавиты. Все они считаются в Иране национально-освободительными и оказывающими сопротивление аме-риканскому и израильскому влиянию в регионе. Иран также оказывает помощь суннитской палестинской организации ХАМАС. Однако были в истории Ирана и случаи помощи немусульманам в их освободительной борьбе. До исламской революции Иран поддерживал тесные отношения с Южно-Африканской Респу-бликой, в которой существовал апартеид. Р. Хомейни после прихода к власти на-звал южноафриканский режим расистским и приказал прервать все отношения с ним, включая продажу нефти. Невзирая на идеологические разногласия, Ислам-ская республика начала помогать оппозиционному социалистическому Афри-канскому национальному конгрессу (АНК), а также марксистскому национально-освободительному движению СВАПО в Намибии, до 1990 г. оккупированной ЮАР. Только после победы АНК и прихода к власти ее лидера Н. Манделы от-ношения между Ираном и ЮАР были восстановлены³.

Большое внимание в Иране на официальном уровне уделяется Сирии как примеру успешной борьбы официальной власти в союзе с иранским правитель-

- 1 "Emirates Desire to Divide Yemen," IRNA, June 2, 2021, accessed April 22, 2022, <https://www.irna.ir/news/84350363/>.
- 2 "Masjidi: Iran Recognizes Iraq's Interests Better than any other Side," IRNA, August 29, 2020, accessed April 22, 2022, <https://www.irna.ir/news/84020441/>.
- 3 "Rereading the Struggle of the Iranian Revolution Against Racial Discrimination in a 30-degree Orbit," Tasnim, June 29, 2020, accessed April 28, 2022, <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1399/04/09/2296317>.

ством против иностранных колониальных сил. Так, Х. Рухани в апреле 2018 г. в письме, адресованном Б. Асаду, одному из ключевых союзников Ирана на Ближнем Востоке, поздравил президента и народ Сирии с национальным праздником годовщины независимости Сирийской Арабской Республики. Он отметил, что как народ Сирии боролся за свободу и изгнание колонизаторов в прошлом, так же он борется и сейчас с заговорами врагов, чтобы спасти свою страну от терроризма, поддерживаемого Западом. Исламская Республика Иран, подчеркнул Х. Рухани, находится на стороне сирийского правительства и народа в этой борьбе и будет продолжать оказывать помощь до тех пор, пока «силы зла» не будут отброшены, а безопасность и стабильность не будут восстановлены на всей территории Сирии¹.

Сам Б. Асад придерживается близких правительству Ирана взглядов на колониализм и тоже убежден, что Запад стремится свергнуть независимых и свободлюбивых лидеров и в том числе виновен в разжигании войны против его собственного режима. По словам высших сирийских чиновников, участие Б. Асада на президентских выборах в мае 2021 г. в пригороде Дамаска Дума, который спустя почти 10 лет вернулся под контроль режима, означает, что Сирия одержала победу над террористами, которых поддерживал Запад. По их мнению, западные лидеры, будучи разочарованы, что им так и не удалось свергнуть режим Б. Асада и установить в Сирии удобную им власть, ложно заявляют о несоответствии этих президентских выборов демократическим стандартам. Б. Асад, со своей стороны, высказался о том, что большинство западных стран имеют долгую колониальную историю, и поэтому их критика внутренних сирийских процессов неприемлема. Корреспондент агентства ИРНА перед выборами опросил молодежь Дамаска, и большинство опрошенных сообщили, что поддерживают Б. Асада. Основной причиной его поддержки они назвали возвращение безопасности в страну².

Сирийские политические силы, оппозиционные правительству Б. Асада и определяющие себя как умеренные, в частности Сирийский национальный совет (в него входят как многие светские организации, состоящие из известных представителей сирийских интеллектуальных кругов, так и организации, позиционирующиеся как умеренно исламистские), видят роль Ирана в Сирии совершенно по-другому. Они обвиняют режим Б. Асада в диктатуре и массовых преступлениях против собственного народа, в первую очередь против мусульман-суннитов. Также они считают, что Иран помогает Б. Асаду вовсе не из любви к сирийскому народу, а из прагматичного желания сохранить в Сирии свой марионеточный режим и влияние в Восточном Средиземноморье, и что такая иранская политика противоречит интересам большинства сирийского народа³.

Важным аспектом современного колониализма в Иране называют культурный колониализм, под которым подразумевается распространение новых за-

- 1 «تفنگ کجربیت از «میروس لالالقیس ادراگلس و یدلم زور ندیسر ارف یناجور رتکد» (Dr. Rouhani Congratulated the National Day and the Anniversary of Syria's Independence), IRNA, April 21, 2018, accessed April 28, 2022, <https://www.irna.ir/news/84002831/>.
- 2 «Syrian Presidential Election from Another Perspective», IRNA, June 2, 2021, accessed April 28, 2022, <https://www.irna.ir/news/84352562/>.
- 3 Коц, А., Стешин, Д. Сирийский оппозиционер: «Огромная ошибка России в том, что вы недооценили, что сирийцы не любят Запад» // Комсомольская правда. 17 июля 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26511/3422968/>. (дата обращения: 28.04.2022).

падных ценностей, противоречащих культурным и религиозным принципам других государств. Одним из таких проявлений культурного колониализма, свидетельствующим о моральном вырождении современных западных элит, в Иране считают навязывание однополых браков под предлогом демократии и прав человека, поскольку такие браки противоречат традиционным религиозным ценностям большинства обществ мира. Целью продавливания и нормализации однополых браков, а также в целом распространения индустрии развлечений и гедонизма во всем мире, по мнению некоторых иранских аналитиков, является достижение контроля над людьми, чтобы они прекратили сопротивляться западному господству и превратились в послушных исполнителей колониаторской и гегемонистской политики Запада¹.

Выдающиеся примеры борьбы против колониализма в истории Ирана

В современном Иране с большим уважением относятся к выдающимся деятелям прошлого, которых считают борцами против колониализма. Одним из важнейших деятелей XIX в. считается М. М. Таги-хан Фарахани, известный также как Амир-Кабир, занимавший должность премьер-министра Ирана в 1847–1951 гг. Иранские историки говорят, что Амир-Кабир был эффективным реформатором, который смог за короткий срок начать осуществление множества необходимых Ирану преобразований, чтобы преодолеть его отсталость от России и Запада в целом. Они подчеркивают, что Амир-Кабир боролся как против внутренней тирании, ослаблявшей Иран, так и против внешней колонизации со стороны европейских держав. Но его реформы были прерваны, а сам он пал жертвой заговора недовольных его преобразованиями придворных. Кроме того, важную роль в устранении Амир-Кабир сыграла Великобритания, которая не хотела допустить усиления Ирана².

Среди тех, кто сражался с колонизаторами с оружием в руках, в Иране выделяют Р.-А. Делвари, считая его символом борьбы иранского народа против колониализма. Годовщина его гибели отмечается 2 сентября. Эта дата объявлена Национальным днем борьбы с британским империализмом в Иране. Пресс-секретарь Министерства иностранных дел Ирана С. Хатибзаде написал, что Р.-А. Делвари является символом противостояния оккупантам и максимальной стойкости. В сентябре 1915 г. Р.-А. Делвари погиб в возрасте 33 лет в ходе столкновения с британскими военнослужащими в Бушире³.

Важным этапом в борьбе с колониализмом считается Конституционная революция, в которой очень важную роль сыграл Исфahan. Иранские ученые считают, что именно в исфahanском движении в рамках Конституционной революции больше всего проявилось аутентичное иранское национальное и религиозное

- 1 "پناهج نیاون مطن یاش گهار، یقالخ طاطحن" (Moral Degeneration Paves the Way for a New World Order)," IRNA, February 10, 2013, accessed April 28, 2022, <https://www.irna.ir/news/80538172/>.
- 2 "دش رانگريشات یچراخ تنس ایس رد تنس ناوتن ری بکریما" (Amir Kabir could not Influence Foreign Policy)," IRNA, October 22, 2021, accessed April 28, 2022, <https://www.irna.ir/news/84514227/>.
- 3 Раис-Али Делвари: Символ борьбы иранского народа против колониализма // ParsToday. 3 сентября 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://parstoday.com/ru/news/iran-i117784> (дата обращения: 22.04.2022).

начало. Восстание в Исфахане было одним из действенных факторов падения М. Али-шаха Каджара. В Исфахане на стороне революции активно действовало духовенство¹.

Одним из крупных антиколониальных выступлений, которое также выделяют иранские ученые, является восстание 5-6 июня 1963 г. против ареста Р. Хомейни, которое было жестоко подавлено шахской полицией и службой безопасности САВАК. М. Санамзаде, автор книги «Происхождение, итоги и последствия восстания 6 июня 1963 года», сообщает, что основной характеристикой этого восстания была ведущая роль в нем духовенства. Оно и до этого активно участвовало в иранском антиколониальном движении, однако именно в июне 1963 г. стало главной движущей силой массовых протестов. Восстание 6 июня вызвало негативную реакцию со стороны аналитиков из США и Советского Союза, которые объявили его реакционным.

Речи лидера восстания аятоллы Р. Хомейни, обращенные как к интеллектуалам, так и к широким слоям иранского общества, имели патриотическую, антиколониальную и антисионистскую направленность, призывали жителей Ирана отказаться от западной культуры и ценностей, критиковали культурную политику шаха, подчеркивали, что ислам является основой существования Ирана, а политика династии Пехлеви по конфликту с духовенством наносит ущерб независимости страны².

В результате проведенного статистического анализа материалов агентства ИРНА выявлены наиболее часто употребляющиеся термины, связанные с тематикой колониализма. Всего было проанализировано 15224 статей, где встречаются какие-либо из этих терминов. Самыми частыми среди них оказались «колониализм» или «колонизация» (*este'mār*), которое встретилось 10508 раз, «колониальный» или «колонизаторский» (*este'māri*) – 5116 раз, «колонизатор, колонизаторы» (*este'mārgar, este'mārgarān*) – 3972 раза, «антиколониальный» (*zedd-e este'māri*) – 662 раза. Среди наиболее часто встречающихся выражений выделяются: «колониализм Англии» (*este'mār-e Englis*), «деспотия и колониализм» (*estebdād va este'mār*) и один из его вариантов – «внутренняя деспотия и внешняя колонизация» (*estebdād-e dāxeli va este'mār-e xāreji*), а также «империализм (или высокомерие) и колониализм» (*estekbār va este'mār*) и «тирания и колониализм» (*zolm va este'mār*).

Все эти слова имеют арабское происхождение, за исключением исконно персидского суффикса *gar*, что отражает мощное влияние арабского языка на историческую и публицистическую лексику фарси. Впрочем, и большинство соответствующих русских слов имеют иностранное (латинское или греческое) происхождение. Это словоупотребление отражает особенности иранского социально-политического дискурса, в котором важную роль играет акцент на негативных сторонах колониализма и способствующих ему диктаторских режимов и на антиколониальной борьбе.

1 «طورشم بالقرن رد ناھضنا یخبرات شرقن یناوخزاب یارب ییحصرف نادرم ۱۴» (August 5, an Opportunity to re-read the Historical Role of Isfahan in the Constitutional Revolution), IRNA, August 5, 2021, accessed April 28, 2022, <https://www.irna.ir/news/84427098/>.

2 «بانتک نیا رد دادرخ مہذزناپ» (Reflection of the 15th Khordad in Books), IRNA, June 5, 2021, accessed April 28, 2022, <https://www.irna.ir/news/84348586/>.

Тематика колониализма очень подробно освещается в современном иранском дискурсе. Колониализм трактуется очень широко и подразумевает также и косвенные формы зависимости. Иран в своей истории подпадал под серьезную зависимость от Российской Империи и Великобритании, а впоследствии – США. Согласно официально принятой в Иране точке зрения, режим Пехлеви служил Великобритании, а затем США, позволял им грабить иранские природные богатства и ради обеспечения господства этих колониальных сил в стране не останавливался перед массовыми убийствами несогласных. Исламская революция положила конец национальному унижению страны и иностранному господству. Духовные лидеры Ирана после революции, Р. Хомейни и А. Хаменеи, а вслед за ними и президенты Ирана в своих выступлениях делают акцент на преступлениях стран Запада и на мужественной борьбе иранского народа за свою независимость против западных стран, а также выступают за подлинную культурную независимость Ирана. Иранская пресса осуждает страны Запада и союзные им монархии Персидского залива за жестокое подавление воли народов Ближнего Востока и представляет Иран в качестве выразителя истинных чаяний этих народов и их верного друга и защитника от угнетения. Среди антиколониальных выступлений иранцы больше всего чтут Конституционную революцию 1905–1911 гг., восстание 6 июня 1963 г. и Исламскую революцию, а среди выдающихся исторических личностей – борцов с колониализмом – Амир-Кабир, Раис-Али Делавари, а также Рухоллу Хомейни, Джелала Але Ахмада и Али Шариати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алиев, А.А. Иран vs Ирак: история и современность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

Aliev, Arif A. *Iran vs Irak: istorija i sovremennost'*. Moscow: Moscow University Press, 2002 [In Russian].

Беляев, И.П., Примаков, Е.М. Египет: время президента Насера. – М.: Мысль, 1981.

Belyayev, Igor' P., Primakov, Evgeniy M. *Egipet: vremya prezidenta Nasera*. Moscow: Mysl', 1981 [In Russian].

Ионова, А.И. Проблема антиколониальной борьбы в общественно-политических взглядах Агуса Салима // Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии: Сборник статей памяти академика А. А. Губера. – М.: Наука, 1972.

Ionova, Alla I. "Problema anticolonial'noj bor'by v obshchestvenno-politicheskikh vzglyadakh Agusa Salima." In *Kolonializm i nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v stranakh Yugo-Vostochnoy Azii: Sbornik statey pamyati akademika A.A. Gubera*, 73–89. Moscow: Nauka, 1972 [In Russian].

Юртаев, В.И. Особенности современной внешней политики Ирана // Вестник РУДН, Серия Международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 13–19.

Yurtayev, Vladimir I. Peculiarities of Iran's Modern Foreign Policy // *Bulletin of RUDN University, International Relations Series*, no. 2 (2012): 13–19 [In Russian].

Ghaderi, Farah. "Iran and Postcolonial Studies: Its Development and Current Status." *Interventions: International Journal of Postcolonial Studies* 20, no. 4 (2018): 455–469. <https://doi.org/10.1080/1369801X.2018.1487797>.

Khomeini, Sayyid Ruhollah Musavi. "Speech Delivered to Religious Students, Clergymen and Members of the Public: The Crimes of the Shah and of those who Claim to Support Human Rights (18.02.1978)". In *Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's Speeches, Messages, Interviews, Decrees, Religious Permissions, and Letters*. Volume 3. Translated by Abdol-Husayn Shirazi, 342–362. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department), 2008.

Khomeini, Sayyid Ruhollah Musavi. "Last Message (Politico-Divine Will) to Iranian Nation, Muslims and Peoples of the World and next Generations: Politico-divine will (ever-lasting message of Imam Khomeini to the Contemporary ones and Next Generations) (15.02.1983)". In *Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's Speeches, Messages, Interviews, Decrees, Religious Permissions, and Letters*. Volume 21. Translated by Mansoor Limba, 394–452. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department), 2008.

Сведения об авторах

Филин Никита Александрович,

д.ист. н., доцент, заведующий кафедрой современного Востока и Африки факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук Российского государственного гуманитарного университета, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6.

e-mail: n.filin@rggu.ru

Кокликов Владимир Олегович,

преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38,
преподаватель кафедры современного Востока и Африки факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук Российского государственного гуманитарного университета, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6.

e-mail: azzuro@list.ru

Ходунов Александр Сергеевич,

преподаватель кафедры современного Востока и Африки факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук Российского государственного гуманитарного университета, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6.

e-mail: nalim13s@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 9 июня 2022.

Переработана: 23 августа 2022.

Принята к публикации: 20 сентября 2022.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Филин, Н.А., Кокликов, В.О., Ходунов, А.С. Осмысление колониализма и деколонизации в современном социально-политическом дискурсе Ирана // *Международная аналитика*. – 2022. – Том 13 (3). – С. 30–47.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-30-47>

Understanding Colonialism and Decolonization in Iran's Contemporary Socio-Political Discourse

ABSTRACT

The article analyzes the perception of colonialism and anti-colonial struggle in modern Iran. The Iranian authorities attach particular importance to the anti-colonial struggle and condemnation of the colonial practices of the West, taking into account not only formal colonization, but also the actual subordination of formally independent states to the will of Western powers. In this regard, particular importance is attached to liberate the oppressed of the whole world. The purpose of the study is to examine the history of colonialism in Iran, the views of the spiritual leaders, presidents and senior officials of Iran on issues of colonialism and anti-colonial struggle, to identify historical events and personalities who played a key role in the anti-colonial movement in Iran. For this purpose, the materials of the Iranian agency IRNA and the speeches of Iranian spiritual leaders were analyzed. A statistical analysis of the most common terms on the subject of colonialism was also carried out. As a result, it was found that the Iranian discourse focuses on condemning the crimes of the West, especially the United States and Israel, against Muslims, as well as praising the resistance of the Iranian people to colonialism in the past and present, with an emphasis on the special role of Ayatollah Khomeini in the Iranian anti-colonial movement. Western colonialism in Iran is divided into several aspects: war crimes committed in the countries conquered by the West, preventing the free development of weaker countries, the struggle to change independent and patriotic regimes and impose rulers ineffective and obedient to Western elites on the peoples, and the imposition of destructive manifestations of Western culture. In addition, the Iranian policy in the Middle East is praised as being driven by noble motives and aiming to provide all possible assistance to the peoples of the region to achieve liberation from the colonialists. The case of Syria is cited as an important example of Iran's anti-colonial struggle in the Middle East, when Iran helped the government of Bashar al-Assad to regain control of the country and to defeat the armed opposition.

KEYWORDS

Iran, colonialism, Islam, revolution, UK, USA

Authors

Nikita A. Filin,

Doctor of historical sciences, associate professor,
Head of the Department of the Modern East and Africa of the Faculty of Oriental
Studies and Social and Communicative Sciences of the Russian State University for the Humanities,
Russia, Moscow, Miuskaya sq., 6.

e-mail: n.filin@rggu.ru

Vladimir O. Koklikov,

Lecturer at the Department of Oriental Languages Faculty of Translation, Moscow State Linguistic
University, Russia, Moscow, st. Ostozhenka, 38,

Lecturer at the Department of the Modern East and Africa of the Faculty of Oriental
Studies and Social and Communicative Sciences of the Russian State University for the Humanities,
Russia, Moscow, Miuskaya sq., 6.

e-mail: azzuro@list.ru

Aleksandr S. Khodunov,

Lecturer at the Department of the Modern East and Africa of the Faculty of Oriental
Studies and Social and Communicative Sciences of the Russian State University for the Humanities,
Russia, Moscow, Miuskaya sq., 6.

e-mail: nalim13s@mail.ru

Additional information

Received: June 9, 2022. Revised: August 23, 2022. Accepted: September 20, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Filin, Nikita A., Koklikov, Vladimir O., and Aleksandr S. Khodunov. "Understanding Colonialism and
Decolonization in the Contemporary Socio-Political Discourse of Iran."

Journal of International Analytics 13, no. 3 (2022): 30–47.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-30-47>

Историческая память в контексте внешней политики США: случай президентства Дж. Байдена

Сокольщик Лев Маркович, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Галимуллин Эдуард Зульфатович, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Бондаренко Анна Валентиновна, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Семенов Владислав Максимович, Химки, Россия, Независимый исследователь

Контактный адрес: lsokolshchik@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Современные политики нередко обращаются к исторической памяти в целях выстраивания и / или корректировки внешнеполитического курса. Все больший научный интерес в рамках исследований международных отношений привлекает анализ исторической памяти как одного из инструментов конструирования внешнеполитических нарративов. В условиях глубокого общественно-политического раскола в США и фрагментации американской идентичности представители демократической администрации активно обращаются к исторической памяти, пытаются объяснить меняющиеся международные реалии и обосновать осуществляемый внешнеполитический курс. В статье предпринимается попытка выявить ключевые исторические нарративы администрации Дж. Байдена и проанализировать, какое влияние их использование оказывает на внешнеполитический курс США на современном этапе. Для достижения поставленной цели авторами при помощи метода интерпретации нарративов был произведен качественный анализ широкой источниковой базы (выступления, интервью, пресс-конференции ключевых представителей исполнительной власти США). В результате выявлен ряд внешнеполитических нарративов с наиболее характерными для текущей администрации историческими сюжетами. Установлено, что американские лидеры обращаются к исторической памяти в рамках дискурса о продвижении либеральной демократии в мире; границах «жесткой силы» и борьбе с международным терроризмом; правах и свободах человека; отношениях с Россией; защите либерального мирового порядка. Определено, что исторические нарративы нередко используются США для легитимизации своих односторонних и дискриминационных внешнеполитических действий. Авторы приходят к выводу о том, что для действующей администрации конструирование внешнеполитических нарративов через выборочное обращение к сюжетам американской исторической памяти становится одним из ключевых инструментов адаптации к развитию международной многополярности, мобилизации своих ресурсов и консолидации союзников для обороны «свободного мира» от «нелиберальных» оппонентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

историческая память, внешняя политика США, Дж. Байден, российско-американские отношения, исторический нарратив, Россия

Введение

В последние десятилетия исследователи все чаще стали обращаться к конструктивистской теории международных отношений (ТМО). Большое внимание данное направление ТМО уделяет нарративному подходу как аналитическому инструменту, обладающему существенным эвристическим потенциалом. Согласно мнению Р. Барта и Л. Дюизи, нарратив как концепция существовал во все времена и во всех обществах, так как он начинается вместе с историей человечества¹. Исследования, основанные на нарративном подходе, исходят из предпосылки о том, что факты, события и процессы международной реальности не говорят сами за себя, их значение для нас является продуктом интерпретации политических акторов². Данный подход применяется для анализа характера и степени взаимосвязи между нарративной реальностью и определенным политическим курсом. В контексте данной работы особое значение имеет исторический нарратив как один из факторов, в определенной степени влияющих на формирование и реализацию внешней политики США.

Междисциплинарные исследования, связывающие нарративную и когнитивную теории, выявляют способы взаимодействия памяти и нарратива и приводят к выводу о том, что «люди способны создавать сложные интерпретации историй на основе очень небольшого количества текстовых или дискурсивных реплик»³. Политики для описания окружающей социополитической реальности, обоснования своих решений и объяснения действий других участников международного процесса нередко апеллируют к историческим сюжетам, которые в той или иной степени резонируют с общественным сознанием широких слоев населения или определенных социальных групп.

Исторические нарративы – один из ключевых инструментов для создания социально разделяемого значения коллективного прошлого, для придания смысла текущим событиям и описания возможного будущего. Таким образом, нарративы функционально могут использоваться акторами для формирования и придания смысла событиям прошлого и настоящего, определения будущих ролей и постановки задач для участников политического процесса⁴. Согласно исследованию Т. Бимиша, Д. Молоха и Х. Флэкса⁵, историческая память и нарратив могут быть использованы властью с целью получения выгод. Исторические нарративы во многом задают рамки возможного и невозможного в политике, в том числе и внешней, оправдывая одни политические решения и отвергая другие⁶. Нередко политики обращаются к различным историческим сюжетам для мобилизации своей поддержки⁷. С этой точки зрения любая реконструкция исторического прошлого – результат интерпретации, совершаемой акторами с определенной целью. При этом, как отмечает Х. Вагенар, интерпретация и содержание исторических нарративов не являются исторической «правдой», а представляют

1 Barthes, Duisit 1975, 237–272.

2 Krebs 2015, 810.

3 Herman 2013, 3.

4 Zheng 2018, 102.

5 Beamish et al. 1995, 346–352.

6 Cadier, Szulecki 2020, 990–1011.

7 Zheng 2018, 102.

собой аналитические конструкты, перманентно оспариваемые и трансформирующиеся¹.

В научной литературе существует дискуссия о взаимосвязи между концепциями памяти и истории. Ряд ученых занимают позицию, что память и история – это две разные, хотя и взаимосвязанные концепции, которые дополняют друг друга. Я.-В. Мюллер² считает, что историческое знание происходит из памяти, тогда как память часто нуждается в «исправлении» историческим знанием. Мнения о том, что память тесно связана с историей, хотя и отделима от нее, придерживается Д. Белл³. Сторонники другой точки зрения, в частности Ф. Клаудио и В. Канштайнер⁴, утверждают, что ни память, ни история не являются объективными, поскольку они подвергаются социальной интерпретации. Подобная позиция во многом перекликается с конструктивистским взглядом на исторический нарратив.

В рамках исследования взаимосвязи исторической памяти и международных процессов внимание исследователей сосредоточено на таких ключевых проблемных сферах, как анализ роли исторической памяти в формировании внешней и мировой политики (статьи А.В. Баранова⁵, Д.С. Буневича⁶, Д. Кадье и К. Шулецкого⁷, П. Эшен⁸, монография Ван Йень⁹); *деятельности многосторонних структур*¹⁰; *продвижении интересов стран в рамках публичной дипломатии* (работы Д. Бекер¹¹, К. Бахляйтнер¹²); *выстраивании двусторонних и многосторонних отношений* (статьи Джина Цю¹³, К.Е. Кузьмина¹⁴ и Б. Свердруп-Тигесена¹⁵), *формировании национальной идентичности* (работы Л. Клименко¹⁶¹⁷, Й. Суботича¹⁸, монография Э. Розенберг¹⁹).

Настоящая статья дополняет активно развивающуюся область ТМО, изучающую взаимосвязь между исторической памятью и внешней политикой. В работе на основе комплексного анализа широкого круга источников по историческим нарративам администрации Дж. Байдена предпринимается попытка выявить степень и характер их влияния на внешнеполитический курс США на современном этапе.

Методы

В социально-гуманитарных науках существует множество подходов к изучению исторической памяти. В рамках политических исследований она нередко изучается как инструмент политики памяти, включающей в себя как «*политику*

1 Wagenaar 2011, 210–216.

2 Muller 2002, 22–25.

3 Bell 2006, 2.

4 Lebow et al. 2006, 310.

5 Баранов 2010, 51–63.

6 Буневич 2016, 123–133.

7 Cadier, Szulecki 2020, 990–1011.

8 Von Eschen 2016, 304–316.

9 Zheng 2012, 312.

10 Бафоев 2017, 4.

11 Becker 2020, 301–305.

12 Bachleitner 2019, 492–508.

13 Qiu 2006, 25–53.

14 Кузьмин 2021, 238–248.

15 Sverdrup-Thygeson 2017, 54–72.

16 Klymenko 2020, 973–989.

17 Klymenko 2019, 133–150.

18 Subotić 2013, 306–326.

19 Rosenberg 2003, 247.

запоминания», направленную на те события, явления, персоны и процессы, которые включаются в коллективную историческую память, так и «*политику забвения*», вычеркивающую «противоречивые» вехи прошлого¹.

Ключевую роль в формировании коллективной исторической памяти играют акторы, обладающие политической и дискурсивной властью. В качестве акторов могут выступать как лица (политические лидеры, историки, журналисты), так и институты (органы государственной власти, образовательные заведения, учреждения культуры, СМИ, организации некоммерческого сектора). Они конструируют коллективную историческую память в процессе публичной социальной коммуникации².

Фокус данной работы согласуется с исследовательской стратегией целого ряда авторов, работающих в русле рассматриваемой проблематики (Л. Клименко и М. Сидди³, Дж. Биалли-Мэтерн⁴ и др.). Он сосредоточен на акторах-лицах, формирующих «нарративные конструкты»⁵ и обладающих существенным политическим и дискурсивным влиянием как на коллективную историческую память, так и на внешнюю политику США. Акторы создают и обосновывают различные идентичности американского общества, ключевой из которых в контексте исследования является внешнеполитическая. В работе анализируются выступления, интервью, заявления, пресс-конференции ключевых представителей исполнительной власти США (президента Дж. Байдена, вице-президента К. Харрис), влияющих на выработку и реализацию американской внешней политики. В качестве источниковой базы в работе используются материалы, размещенные на официальном сайте Белого дома в разделе «Выступления и комментарии» (*Speeches and Remarks*)⁶. Хронологические рамки работы охватывают период с 20 января 2021 г. по конец июля 2022 г. Нижняя граница изучаемого периода связана с началом работы Дж. Байдена на посту президента США и приходом его администрации, поскольку в соответствии с вышеуказанной методологией выбранным акторам необходимо обладать как дискурсивной, так и реальной политической властью. Верхняя граница обусловлена датировкой последних доступных на сайте Белого дома источников на момент написания работы.

Ключевым методом работы является парадигматический метод интерпретации нарративов на основе качественного анализа текстов в рамках теории конструктивизма в политических науках. Согласно данному методу, наиболее тщательно описанному Д. Полкингорном⁷, в базе источников путем индукции выделяются наиболее релевантные, с экспертной точки зрения автора, нарративы, содержащие схожие темы, идеи, концепты и имеющие потенциальную важность для целей исследования. В случае данного исследования, таковыми являются исторические нарративы, сопряженные с выработкой и реализацией внешней политики Соединенных Штатов. Затем данные нарративы анализируют

1 Савельева, Полетаев 2004, 44–45.

2 Klymenko, Siddi 2020, 946.

3 Ibid.

4 Bially Mattern 2005, 12–13.

5 Ibid.

6 "Speeches and Remarks", The White House, accessed August 20, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/>.

7 Polkinghorne 1995, 12–15.

ются в разрезе их составляющих элементов и характеристик: хронологические и геополитические рамки, акторы, событийные процессы, эмоциональная окраска. После чего проводится анализ связи данных нарративов с современной внешней политикой Соединенных Штатов. Наиболее близко и подробно используемый метод был также описан Х. Вагенаром¹, М. Паттерсоном, К. Монро².

Результаты

Американская внешнеполитическая идентичность сегодня пребывает в состоянии фрагментации³. Исследователи выделяют три основные позиции, конкурирующие за влияние на национальный дискурс и практическую политику в США: 1) продолжение либеральной глобализации с сохранением за Америкой доминирующих позиций; 2) сверхдержавность, ресурсное доминирование за счет других стран и навязывание мира посредством американской силы и оружия; 3) согласование интересов США с другими растущими державами и выстраивание нового, соответствующего реалиям XXI в. глобального баланса сил⁴. Каждая из перечисленных позиций, выступающих источником нарративов о международной системе, отражает взгляды конкретных политических сил: либералов, националистов и реалистов соответственно.

Продвижение либерально-демократических ценностей

Рассматриваемая в данной работе текущая демократическая администрация во многом относится к сторонникам либеральной глобализации. Своего рода манифестом восстановления принципов либерализма во внешней политике после правления республиканца Д. Трампа служит предвыборная статья Дж. Байдена⁵. Исходя из этого допустимо предположить, что производимые первыми лицами апелляции к исторической памяти имеют целью оказать влияние на формирование внешней политики и принятие решений, согласующихся с либеральным подходом.

Действительно, в значительной части проанализированных данных было обнаружено активное продвижение Дж. Байденом и К. Харрис нарративов о защите «демократического мира» и либерального миропорядка, в частности – через постоянное упоминание «общих» (либеральных) ценностей и идеалов в контексте ряда двусторонних и многосторонних отношений. Так, президент Дж. Байден в ходе совместных брифингов с иностранными лидерами активно упоминал о тесном историческом партнерстве между государствами. Характерным для выступлений подобного рода можно считать тезис о том, что «две страны связаны глубоко укоренившимися общими ценностями»⁶. В ходе виртуального сам-

1 Wagenaar 2011, 216–222.

2 Patterson, Monroe 1998, 315–317, 326–330.

3 Соколыцки, Л.М. Американская идентичность на распутье: сквозь призму цивилизации // Российский совет по международным делам. 26 апреля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikanskaya-identichnost-na-raspute-skvoz-prizmu-tsivilizatsii/> (дата обращения: 03.08.2022).

4 Цыганков 2020, 28–44.

5 Joseph R. Biden, Jr., “Why America Must Lead Again,” *Foreign Affairs*, March/April, 2020, accessed August 6, 2022, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again>.

6 “Remarks by President Biden and President Jair Bolsonaro of Brazil Before Bilateral Meeting,” *The White House*, June 6, 2022, accessed August 8, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/06/09/remarks-by-president-biden-and-president-jair-bolsonaro-of-brazil-before-bilateral-meeting/>.

мита группы I2U2 14 июля 2022 г. с лидерами Израиля, ОАЭ и Индии Дж. Байден подчеркивал необходимость работать сообща и «продвигать общую приверженность миру, стабильности и растущему процветанию»¹.

Схожим образом К. Харрис высказывалась в ходе Форума тихоокеанских островов, отмечая «исторические узы длинной в поколения» и разделяемую странами борьбу за гражданские и личные свободы². В выступлении в ходе XIV бизнес-саммита США – Африка, проходившего с 20 по 22 июля 2022 г. в Марокко, вице-президент сделала особый акцент на «принципах взаимного уважения и разделяемых общих интересах и ценностях»³, среди которых: восстановление после пандемии, преодоление климатического кризиса, расширение доступа к энергии, поддержка демократии, укрепление свободного и открытого международного порядка⁴. Несмотря на то что такие страны, как Куба, Никарагуа и Венесуэла не приняли участие в прошедшем с 6 по 10 июня 2022 г. в Лос-Анджелесе Саммите Америк, на его площадке К. Харрис и Дж. Байден стремились продвинуть идею объединения Западного полушария на базе демократических ценностей⁵.

Для того чтобы подчеркнуть общность позиций США с той или иной страной, представители администрации нередко делают отсылки к историческим примерам длительного сотрудничества, ставя при этом акцент на общие либеральные ценности и принципы, что является характерной чертой нынешней американской администрации. Например, Дж. Байден на встрече с премьер-министром Австралии утверждал, что их «страны стояли плечом к плечу в каждом конфликте со времен Первой мировой войны»⁶. На совместной пресс-конференции с премьер-министром Сингапура Ли Сяньлуном американский президент обратился к двустороннему Меморандуму о взаимопонимании в области оборонного сотрудничества, подписанному в 1990 г. и продленному в 2019 г., который предоставил США доступ к военно-воздушной и военно-морской базе в этой стране⁷.

Подобное конструирование внешнеполитического нарратива о тесном и длительном сотрудничестве и общих ценностях производимое через обращение к исторической памяти, конечно является широко распространенным дипломатическим приемом. Однако члены администрации Дж. Байдена используют его не

- 1 "Remarks by President Biden, Prime Minister Lapid, President bin Zayed Al Nahyan, and Prime Minister Modi at I2U2 Virtual Event," The White House, July 14, 2022, accessed August 8, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/07/14/remarks-by-president-biden-prime-minister-lapid-president-bin-zayed-al-nahyan-and-prime-minister-modi-at-i2u2-virtual-event/>.
- 2 "Remarks by Vice President Harris at the Pacific Islands Forum," The White House, July 12, 2022, accessed August 8, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/07/12/remarks-by-vice-president-harris-at-the-pacific-islands-forum/>.
- 3 "Remarks by Vice President Harris to the 2022 U.S.-Africa Business Summit," The White House, July 20, 2022, accessed August 10, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/07/20/remarks-by-vice-president-harris-to-the-2022-u-s-africa-business-summit/>.
- 4 Jennifer Hansler, "Blinken Draws Distinctions between U.S. and Russia as He Seeks to Make Case for U.S. Partnership in Africa," CNN, August 8, 2022, accessed August 11, 2022, <https://edition.cnn.com/2022/08/08/politics/blinken-africa-policy/index.html>.
- 5 "Remarks by Vice President Harris at the CEO Summit of the Americas," The White House, June 8, 2022, accessed August 11, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/06/08/remarks-by-vice-president-harris-at-ceo-summit-on-progress-made-addressing-the-root-causes-of-migration/>.
- 6 "Remarks by President Biden and Prime Minister Anthony Albanese of the Commonwealth of Australia Before Bilateral Meeting Tokyo, Japan," The White House, May 24, 2022, accessed August 11, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/05/24/remarks-by-president-biden-and-prime-minister-anthony-albanese-of-the-commonwealth-of-australia-before-bilateral-meeting-tokyo-japan/>.
- 7 "Remarks by President Biden and Prime Minister Lee Hsien Loong of Singapore in Joint Press Conference," The White House, March 29, 2022, accessed August 11, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/29/remarks-by-president-biden-and-prime-minister-lee-hsien-loong-of-singapore-in-joint-press-conference/>.

только в отношении традиционных союзников, для которых подобное изложение истории в большей или меньшей степени может соответствовать историческим фактам, но и применительно к другим странам. Так, помимо упомянутых высказываний вице-президента о странах Африки, первые лица США продвигают дискурс о прочной и давней дружбе между США и, например, Польшей, основанной на общих ценностях и приоритетах¹. Не подвергая сомнению наличие точек соприкосновения во внешнеполитических позициях двух стран, в особенности в отношении России, апелляция американской стороны именно к «общим» либеральным ценностям, учитывая политику находящихся у власти право-популистских и консервативных сил в Польше, представляется во многом противоречивой².

В целях продвижения нарративов о защите «демократического мира» и либерального порядка с главенствующей ролью США американские первые лица активно используют исторические отсылки к ряду сюжетов, рассмотренных нами более подробно ниже.

Границы «жесткой силы» и борьба с международным терроризмом

В риторике представителей администрации Дж. Байдена присутствуют обращения к следующим историческим событиям: войны в Корее 1950–1953 гг., Вьетнаме 1965–1973 гг., Афганистане 2001–2021 гг., Ираке 2003 г.– н.в., а также события 11 сентября 2001 г. Так, начиная с первой речи в качестве президента Дж. Байден, как и его предшественники, подчеркивал важность трагедии 11 сентября как крупнейшего террористического акта за всю историю США, который «мы [американцы] никогда не забудем»³ и который демонстрирует борьбу за американские идеалы⁴. Кроме того, Дж. Байден призывал американцев к «единству, которое было продемонстрировано гражданами после [этих терактов]»⁵ и которое так необходимо современным Соединенным Штатам во время усиливающегося общественно-политического раскола.

Одним из знаковых внешнеполитических шагов текущей администрации стал вывод войск из Афганистана в августе 2021 г. Лейтмотивом дискурса о войнах США для Дж. Байдена и его команды стала идея, согласно которой современное американское лидерство требует прекращения «вечной войны» в Афганистане⁶.

Прослеживается устойчивый дискурс о том, что, несмотря на необходи-

1 "Remarks by Vice President Harris and President Andrzej Duda of Poland in Joint Press Conference," The White House, March 10, 2022, accessed August 11, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/10/remarks-by-vice-president-harris-and-president-andrzej-duda-of-poland-in-joint-press-conference/>.

2 Michael C. Zeller, "Poland is Moving Further towards Autocracy," Open Democracy, September 1, 2020, accessed August 11, 2022, <https://www.opendemocracy.net/en/global-extremes/poland-moving-further-towards-autocracy/>.

3 "Remarks by President Biden After Visiting with Firefighters and Their Families on the 20th Anniversary of the September 11th Attacks," The White House, September 11, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/11/remarks-by-president-biden-after-visiting-with-firefighters-and-their-families-on-the-20th-anniversary-of-the-september-11th-attacks/>.

4 "Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr.," The White House, January 20, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/>.

5 "Remarks by President Biden After Visiting with Firefighters and Their Families on the 20th Anniversary of the September 11th Attacks," The White House, September 11, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/11/remarks-by-president-biden-after-visiting-with-firefighters-and-their-families-on-the-20th-anniversary-of-the-september-11th-attacks/>.

6 "The Power of America's Example: The Biden Plan for Leading the Democratic World to Meet the Challenges of the 21st Century," Biden Harris Democrats, accessed August 15, 2022, <https://joebiden.com/americanleadership/>.

мость военных действий после событий 11 сентября 2001 г., США в Афганистане не преследовали цель демократического переустройства страны. В послании к Конгрессу от 28 апреля 2021 г. Дж. Байден подчеркивал: «Война в Афганистане никогда не должна была стать делом государственного строительства. <...> После 20 лет американской доблести и самопожертвования пришло время вернуть наши войска домой»¹. Задачей военной операции, по утверждениям президента-демократа, была исключительно борьба с международным терроризмом, которая, с его точки зрения, была выполнена². Парируя критике внешней политики США в отношении Афганистана последних двух десятилетий, Дж. Байден настаивал: «Единственный жизненно важный американский национальный интерес в Афганистане сегодня остается таким же, каким он был всегда – предотвращение террористической атаки [на США]»³. Таким образом, выводя задачу силового продвижения либеральной демократии за скобки американо-афганского уравнения, администрация Дж. Байдена стремилась смягчить имиджевый провал и снять с США ответственность за дальнейшую судьбу этой страны.

Война в Ираке, как и многие другие конфликты, в которых участвовали Соединенные Штаты, нередко упоминается в обращениях американских официальных лиц к ветеранам и в брифингах на День памяти (*Memorial Day*). При этом каждый раз президент Дж. Байден акцентировал внимание аудитории на том, что ветераны «сражались за демократию»⁴. Более того, когда речь президента касалась тем, связанных с войнами, он неизменно вспоминал своего сына Б. Байдена, который служил в Ираке в 2009 г., подчеркивая тот факт, что он «первый президент за 40 лет, ребенок которого служил в зоне боевых действий»⁵. Подобная риторика во многом была призвана продемонстрировать солидарность главы исполнительной власти с семьями военнослужащих и повысить его рейтинг поддержки. В немалой степени члены демократической администрации использовали дискурс об окончании «бесконечных войн» для обоснования дальнейшего сокращения американского контингента в ближневосточном регионе.

Общность истории, а именно участие в Корейской войне 1950–1953 гг., упоминалась Дж. Байденом во время встречи с президентом Республики Кореи Мун Чжэ Ином. Президент США подчеркнул важность партнерских отношений с Южной Кореей и «расширения сотрудничества и формирования общего будущего в соответствии с демократическими ценностями»⁶. Однако более война в Корее в риторике Дж. Байдена и К. Харрис не использовалась. Во многом это связано с тем, что конфликт в Корее находит гораздо меньший отклик в истори-

1 “Remarks as Prepared for Delivery by President Biden – Address to a Joint Session of Congress,” The White House, April 28, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/28/remarks-as-prepared-for-delivery-by-president-biden-address-to-a-joint-session-of-congress/>.

2 “Remarks by President Biden on Afghanistan,” The White House, August 16, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/16/remarks-by-president-biden-on-afghanistan/>.

3 Ibid.

4 “Remarks by President Biden at the 153rd National Memorial Day Observance,” The White House, May 31, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/05/31/remarks-by-president-biden-at-the-153rd-national-memorial-day-observance/>.

5 “Remarks as Prepared for Delivery by President Biden – Address to a Joint Session of Congress,” The White House, April 28, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/28/remarks-as-prepared-for-delivery-by-president-biden-address-to-a-joint-session-of-congress/>.

6 “Remarks by President Biden and H.E. Moon Jae-in, President of the Republic of Korea at Press Conference,” The White House, May 21, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/05/21/remarks-by-president-biden-and-h-e-moon-jae-in-president-of-the-republic-of-korea-at-press-conference/>.

ческой памяти американских граждан, чем два других хронологически близких к нему события – Вторая мировая война и война во Вьетнаме. Показательно, что Корейскую войну в американской научной литературе называют «забытой» и «неизвестной»¹.

Российское направление внешней политики США

Целый ряд исторических сюжетов администрацией Дж. Байдена используется для выстраивания внешнеполитического курса на российском направлении. Апелляция к исторической памяти как к инструменту внешней политики США интенсифицировалась в риторике американских официальных лиц после обострения украинского кризиса в 2022 г.

В связи с конфликтом на территории Украины первыми лицами США неоднократно упоминается Вторая мировая война. Российские внешнеполитические действия в данном контексте расцениваются как «самое серьезное злоупотребление властью со времен Второй мировой войны»², «прямой вызов основанному на правилах международному порядку, установленному после окончания Второй мировой войны»³, а также как «что-то, чего не было со времен Второй мировой войны»⁴. Проведение подобных исторических параллелей и сравнение острой фазы российско-украинского противостояния с крупнейшим конфликтом в мировой истории, безусловно, призваны сформировать негативный образ России и героический образ США как защитников «свободного мира».

Обращения к исторической памяти через упоминание Второй мировой войны в контексте событий на Украине американские лидеры конструируют внешнеполитическую повестку для других стран: как и тогда, сейчас США и союзники должны сплотиться в борьбе против общих «врагов». При этом под «свободным миром», как следует из логики данного дискурса, подразумеваются те страны, которые разделяют взгляды США на мировой порядок независимо от их политического устройства и практической реализации либерально-демократических ценностей.

Важное место в антироссийском дискурсе занимают отсылки к реалиям холодной войны, которые, с точки зрения американской администрации, оправдывают расширение и укрепление Североатлантического альянса (НАТО). «НАТО был создан для обеспечения мира и стабильности в Европе после Второй мировой войны», – заключает президент Дж. Байден⁵. Современный внешнеполитический нарратив США изобилует аналогиями между Россией и негативными

1 Gaddis 1997, 332.

2 “Remarks by President Biden and King Felipe VI of the Kingdom of Spain Before Bilateral Meeting, Madrid, Spain,” The White House, June 28, 2022, accessed August 13, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/06/28/remarks-by-president-biden-and-king-felipe-vi-of-the-kingdom-of-spain-before-bilateral-meeting-madrid-spain/>.

3 “Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine,” The White House, March 26, 2022, accessed August 13, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/>.

4 “Remarks by President Biden on Gas Prices and Putin’s Price Hike,” The White House, June 22, 2022, accessed August 13, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/06/22/remarks-by-president-biden-on-gas-prices-and-putins-price-hike/>.

5 “Remarks by President Biden in State of the Union Address,” The White House, March 2, 2022, accessed August 13, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/02/remarks-by-president-biden-in-state-of-the-union-address/>.

характеристиками Советского Союза. В одной из речей Дж. Байден говорит, что СССР действовал на международной арене «железным кулаком» (*“iron fist”*)¹. Подобное сравнение употребляется и в отношении президента В.В. Путина: «Вы хотите сказать, что мы предпочли бы более низкие цены на газ в Америке и железный кулак Путина (Putin’s iron fist) в Европе?»². Тем самым конструируется образ продолжения холодной войны как соперничества между Москвой («наследницей СССР») и «свободным миром» во главе с США.

Для подкрепления нарратива об историческом российско-западном противостоянии производятся конкретные символические экскурсы в период биполярной конфронтации. Украинский кризис 2022 г. сравнивается с событиями, произошедшими в Венгрии и Польше в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г.³ Проводятся параллели в духе распространенного на Западе дискурса о жестком пресечении в СССР любых попыток самоопределения и господствующей атмосферы несвободы. По мнению Дж. Байдена, «битва за демократию не завершилась с окончанием холодной войны»⁴, а падение Берлинской стены и железного занавеса были результатом борьбы европейцев на протяжении десятилетий. Подобные высказывания во многом поддерживают идеи демократической администрации о необходимости укрепления существующих и создания новых международных альянсов под эгидой США как в Европе, так и других частях света.

История США и либеральный мировой порядок

Важным сюжетом исторического нарратива в период президентства Дж. Байдена стал дискурс о том, что США – это страна, в которой на протяжении всей ее истории путем борьбы расширились права и свободы граждан, в особенности непривилегированных групп – женщин, сексуальных меньшинств, небелого населения.

Хронологические рамки данной борьбы политические акторы начинают от появления первых колоний на североамериканском континенте. По словам Дж. Байдена, «расовая несправедливость [в США] существует уже на протяжении более 400 лет»⁵. Во многом данный дискурс совпадает с продвигаемыми американской леволиберальной общественностью идеями о зарождении Америки в 1619 г. (в момент прибытия в Виргинскую колонию первых рабов-африканцев) и об исключительной важности преодоления неравенства для развития американского общества⁶. Подобные воззрения на роль американского государства совмещаются в историческом нарративе администрации Дж. Байдена с пред-

1 “Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine,” The White House, March 26, 2022, accessed August 13, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/>.

2 “Remarks by President Biden on Gas Prices and Putin’s Price Hike,” The White House, June 22, 2022, accessed August 13, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/06/22/remarks-by-president-biden-on-gas-prices-and-putins-price-hike/>.

3 “Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine,” The White House, March 26, 2022, accessed August 13, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/>.

4 Ibid.

5 “Biden J. Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr.,” The White House, March 26, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/>.

6 Wood 2020, 9–13, 169–173.

ставлением о США как стране, изначально воплощавшей идеалы равноправия. Более того, согласно данному изложению истории, появление Соединенных Штатов стало исключительно важной вехой на пути утверждения либерализма. И лишь расизм, сексизм и другие предубеждения привели, по мнению Дж. Байдена, к продолжающейся «240-летней битве за душу этого [американского] народа»¹.

При этом официальные лица развивают дискурс о том, что, несмотря на отклонения в процессе демократического развития США, непривилегированные группы активно участвовали в построении американской нации. Так, Дж. Байден утверждал, что «на протяжении веков американцы азиатского происхождения, коренные гавайцы, жители островов Тихого океана помогали строить [США, хотя] их постоянно забывали или игнорировали»². В свою очередь К. Харрис приводила примеры активности и героизма американских женщин, «добивавшихся перемен и защищавших свою страну на протяжении всей ее истории»³. «Во время Американской революции женщины <...> доставляли военные секреты. Во время Гражданской войны они <...> сражались на стороне армии Союза. Во время Второй мировой войны служили в составе SPARS⁴, WAC⁵, WAVES⁶ и WASPS⁷. И сегодня женщины-военнослужащие несут службу по всему миру», – отметила вице-президент⁸.

Дискурс о защите прав человека в истории США содержит идею о том, что помощь угнетенным слоям населения оказывалась со стороны американского государства на протяжении всей истории. В этом контексте Дж. Байден ссылается на слова отца-основателя Т. Джефферсона, писавшего: «Сама идея Америки состоит в том, что мы все заслуживаем того, чтобы к нам относились одинаково на протяжении всей жизни»⁹. Важной вехой видит Дж. Байден Прокламацию об освобождении рабов, подписанную президентом А. Линкольном в 1863 г.¹⁰ К. Харрис описывает усилия американского государства по освобождению рабов во время Гражданской войны, завершившиеся утверждением Прокламации об освобождении рабов в штате Техас в 1865 г., в память о чем в США в 2021 г. был учрежден федеральный праздник «День освобождения рабов» (*Juneteenth*)¹¹. Деятельность Э. Рузвельт, сыгравшей одну из ключевых ролей в создании Всеобщей

1 "Remarks by President Biden on the Verdict in the Derek Chauvin Trial for the Death of George Floyd," The White House, April 20, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/20/remarks-by-president-biden-on-the-verdict-in-the-derek-chauvin-trial-for-the-death-of-george-floyd/>.

2 "Remarks by President Biden at Signing of the COVID-19 Hate Crimes Act," The White House, May 20, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/05/20/remarks-by-president-biden-at-signing-of-the-covid-19-hate-crimes-act/>.

3 Kamala Harris, "Remarks By Vice President Harris On International Women's Day," The White House, May 8, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/03/08/remarks-by-vice-president-harris-on-international-womens-day/>.

4 Женский резерв береговой охраны США.

5 Женский армейский корпус.

6 Женщины на добровольной чрезвычайной службе.

7 Женская служба пилотов Военно-воздушных сил США.

8 Kamala Harris, "Remarks By Vice President Harris On International Women's Day," The White House, May 8, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/03/08/remarks-by-vice-president-harris-on-international-womens-day/>.

9 "Remarks by President Biden at the 10th Anniversary Celebration of the Dedication of the Dr. Martin Luther King, Jr., Memorial," The White House, October 21, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/10/21/remarks-by-president-biden-at-the-10th-anniversary-celebration-of-the-dedication-of-the-dr-martin-luther-king-jr-memorial/>.

10 "Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr.," The White House, March 26, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/>.

11 Kamala Harris, "Remarks by Vice President Harris at Signing of the Juneteenth National Independence Day Act," The White House, June 17, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/06/17/remarks-by-vice-president-harris-at-signing-of-the-juneteenth-national-independence-day-act/>.

декларации прав человека и активно борющейся за права женщин, также упоминается представителями демократической администрации в первую очередь в контексте продвижения США их видения либеральных ценностей¹. Zenitom правозащитной борьбы в США американские официальные лица называют эпоху расширения гражданских прав и реформ в 1960-е гг.² По мнению действующего президента, поддерживал заложенные в эпоху становления страны идеи и М. Л. Кинг, призывавший, как напоминал Дж. Байден, «жить в соответствии со смыслом и обещаниями Декларации независимости [США]»³.

Вместе с этим верхняя хронологическая граница дискурса о борьбе за права акторами не закрывается. Переноса исторический правозащитный сюжет на международный уровень, представители администрации Дж. Байдена подчеркивают, что борьба за либеральные ценности носит перманентный характер и, по их логике, должна привести к утверждению максимально широких прав и свобод для различных меньшинств по всему миру. Как отмечала К. Харрис, «мы не можем принимать этот прогресс как должное»⁴. В подтверждение своего тезиса она приводила высказывание вдовы М. Л. Кинга о том, что «борьбу за гражданские права нужно вести и выигрывать с каждым новым поколением»⁵. Одной из знаковых фигур для современного дискурса США о правах человека стал Дж. Флойд, молодой афроамериканец, чья смерть во время задержания полицейскими⁶ 25 мая 2020 г. стала поводом для массовых протестов, заметную роль в которых играло движение «Жизни черных важны» (*Black Lives Matter*)⁷. В частности, Дж. Байден пообещал, что «наследие Дж. Флойда будет не только в его смерти, но и в том, что [американцы] должны сделать, чтобы почтить его память»⁸, с чем соглашалась и К. Харрис⁹.

При этом рассматриваемые акторы тесно связывают историю расширения прав с демократическим режимом, всячески подчеркивая неразделимость данных концептов. Так, К. Харрис говорила, что «уровень [развития] демократии

- 1 Kamala Harris, "Pre-Taped Remarks by Vice President Kamala Harris As Delivered to the Commission on the Status of Women," The White House, March 16, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/03/16/pre-taped-remarks-by-vice-president-kamala-harris-as-delivered-to-the-commission-on-the-status-of-women/>.
- 2 "Remarks by President Biden on the Verdict in the Derek Chauvin Trial for the Death of George Floyd," The White House, April 20, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/20/remarks-by-president-biden-on-the-verdict-in-the-derek-chauvin-trial-for-the-death-of-george-floyd/>.
- 3 "Remarks by President Biden at the 10th Anniversary Celebration of the Dedication of the Dr. Martin Luther King, Jr., Memorial," The White House, October 21, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/10/21/remarks-by-president-biden-at-the-10th-anniversary-celebration-of-the-dedication-of-the-dr-martin-luther-king-jr-memorial/>.
- 4 Kamala Harris, "Pre-Taped Remarks by Vice President Kamala Harris As Delivered to the Commission on the Status of Women," The White House, March 16, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/03/16/pre-taped-remarks-by-vice-president-kamala-harris-as-delivered-to-the-commission-on-the-status-of-women/>.
- 5 Kamala Harris, "Remarks by Vice President Harris Before a Listening Session with Civil Rights and Voting Rights Groups," The White House, June 23, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/06/23/remarks-by-vice-president-harris-before-a-listening-session-with-civil-rights-and-voting-rights-groups/>.
- 6 "State of Minnesota v. Derek Michael Chauvin," Hennepin County District Court, April 20, 2021, accessed September 10, 2022, <https://mncourts.gov/mncourtsgov/media/High-Profile-Cases/27-CR-20-12646/Verdict104212021.pdf>; State of Minnesota v. Derek Michael Chauvin, Hennepin County District Court, April 20, 2021, accessed September 10, 2022, <https://mncourts.gov/mncourtsgov/media/High-Profile-Cases/27-CR-20-12646/Verdict204212021.pdf>.
- 7 Соколыцки, Л.М. США – страна победившего протеста? // Российский совет по международным делам. 9 июля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-strana-pobedivshego-protesta/> (дата обращения: 03.08.2022).
- 8 "Remarks by President Biden on the Verdict in the Derek Chauvin Trial for the Death of George Floyd," The White House, April 20, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/20/remarks-by-president-biden-on-the-verdict-in-the-derek-chauvin-trial-for-the-death-of-george-floyd/>.
- 9 Kamala Harris, "Remarks by Vice President Harris on the Verdict in the Derek Chauvin Trial for the Death of George Floyd," The White House, April 20, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/20/remarks-by-vice-president-harris-on-the-verdict-in-the-derek-chauvin-trial-for-the-death-of-george-floyd/>.

существенно зависит от расширения прав и возможностей женщин, [поскольку] <...> участие женщин укрепляет демократию. И это справедливо по всему миру»¹. Дж. Байден открыто называл ослабляющими демократию меры ограничения голосования «Дж. Кроу 21-го века»².

Дискурс о продолжающейся борьбе за права человека стремится вписать историю страны в общемировые процессы с особым акцентом на глобальную значимость США. Дж. Байден подчеркивал, что еще во времена Американской революции «слова Т. Джефферсона о свободе и равенстве буквально изменили» не только новосозданные США, но и «весь мир»³. «Изменило весь мир», в представлении президента-демократа, также принятие в 1964 г. в США Закона о гражданских правах⁴. Характерно, что источником глобального могущества Америки Дж. Байден считает историческую борьбу за права человека в США⁵. Весь мир видится представителем исполнительной власти США как главная арена борьбы за либеральные ценности, права и свободы в их американской интерпретации, и поражение в этой борьбе в одной части света неизбежно приведет к поражениям в других. К средствам продвижения американского дискурса о правах человека относится лидерская роль Соединенных Штатов как страны-гаранта и международные институты (ВОЗ, ООН). К ключевым оппонентам США которым приписывается систематическое нарушение прав человека, относят в первую очередь Россию и Китай⁶.

Таким образом, описанный исторический нарратив борьбы за права является важной частью политической стратегии администрации Дж.Байдена. Согласно ей, США призваны защищать либеральные ценности по всему миру и выполняют эту роль с момента своего основания. Она опирается, с одной стороны, идею о том, что отцы-основатели рассматривали США как источник свободы, закрепив ключевые либерально-демократические принципы в Декларации независимости и Конституции страны, а с другой – на изначальном и развивающемся разнообразии американского общества. Подобная интерпретация позволяет и даже обязывает США расширять борьбу за права на весь остальной мир, формируя во многом современную внешнюю политику страны.

Дискуссия

Проведенный анализ внешнеполитических нарративов, конструируемых текущей администрацией через обращение к исторической памяти, в ряде

1 Kamala Harris, "Pre-Taped Remarks by Vice President Kamala Harris As Delivered to the Commission on the Status of Women," The White House, March 16, 2021, accessed August 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/03/16/pre-taped-remarks-by-vice-president-kamala-harris-as-delivered-to-the-commission-on-the-status-of-women/>.

2 "Statement by President Biden on the Attack on the Right to Vote in Georgia," The White House, March 26, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/03/26/statement-by-president-biden-on-the-attack-on-the-right-to-vote-in-georgia/>.

3 "Remarks by President Biden Celebrating Independence Day and Independence from COVID-19," The White House, July 5, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/07/05/remarks-by-president-biden-celebrating-independence-day-and-independence-from-covid-19/>.

4 "Remarks by Vice President Harris at the United States Naval Academy Graduation and Commissioning Ceremony," The White House, May 28, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/05/28/remarks-by-vice-president-harris-at-the-united-states-naval-academy-graduation-and-commissioning-ceremony/>.

5 "Remarks by President Biden on America's Place in the World," The White House, February 4, 2021, accessed August 15, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/>.

6 Ibid.

аспектов подтверждает мнение экспертов¹ о том, что США переживают кризис национальной идентичности. Среди причин этого кризиса можно выделить как внутренние – усиление общественно-политической и экономической поляризации и социальных волнений в Соединенных Штатах, экономические трудности, серьезные вызовы в инновационной и технологической сферах; так и внешние – глобальные последствия пандемии коронавируса, перераспределение потенциалов силы в пользу стран Азиатско-Тихоокеанского региона, эрозия системы контроля над вооружениями, активизация крупных региональных игроков, демонстрирующих способность игнорировать американское лидерство там, где, как они считают, это отвечает их национальным интересам.

Становится все более очевидным ослабление позиций США в качестве мировой державы, продолжающееся на протяжении последних десятилетий². Вкупе с утратой роли мирового гегемона и размыванием внешнеполитической идентичности это приводит к переносу кризисных явлений в США на внешний контур и поиску «виновников» плачевного положения дел в стране среди «опасных других» на международной арене³, что в конечном итоге обостряет противоречия между ключевыми международными игроками. Во внешнеполитическом нарративе США акцент делается на исторические примеры сплочения перед «общим» серьезным вызовом. В этом направлении наблюдается и некоторый пересмотр внешнеполитического инструментария, осуществляемый в соответствии с современными требованиями. Так, Вашингтон подменяет согласование интересов использованием дискурсивных конструктов дихотомии «свободный мир – авторитарные страны» для консолидации союзников и партнеров против нелиберальных режимов.

Здесь возникает важный вопрос о том, насколько может быть эффективна подобная стратегия сплочения западного мира в текущем моменте и в перспективе. Отказываясь в условиях многочисленных вызовов и отсутствия внутреннего консенсуса элит от поиска и предложения новой версии «демократического» будущего страны и международной системы, администрация Дж. Байдена пытается реконструировать версию прошлого, в которой США являются победителями в холодной войне, а так называемый «конец истории» и триумф либеральной демократии в общемировом масштабе – безальтернативной перспективой развития человечества. Как мы видим, важным инструментом конструирования соответствующих внешнеполитических нарративов становятся апелляции американских властей к исторической памяти.

Вместе с тем анализ нарративов администрации Дж. Байдена демонстрирует, что по некоторым аспектам внешней политики прослеживается осознание изменившегося положения вещей со стороны правящего политического класса США. Это касается в первую очередь вопроса об участии американских воен-

- 1 См. Сокольщик, Л.М. Американская идентичность на распутье: сквозь призму цивилизации // Российский совет по международным делам. 26 апреля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikanskaya-identichnost-na-raspute-skvoz-prizmu-tsivilizatsii/> (дата обращения: 03.08.2022); Цыганков 2020, 28–44; Richard Haas, “The Dangerous Decade: A Foreign Policy for a World in Crisis,” *Foreign Affairs*, September/October 2022, accessed September 8, 2022, <https://www.foreignaffairs.com/united-states/dangerous-decade-foreign-policy-world-crisis-richard-haas>.
- 2 Wertheim 2020, 21; Richard Haas, “The Dangerous Decade: A Foreign Policy for a World in Crisis,” *Foreign Affairs*, September/October 2022, accessed September 8, 2022, <https://www.foreignaffairs.com/united-states/dangerous-decade-foreign-policy-world-crisis-richard-haas>.
- 3 Цыганков 2020, 28–44.

ных сил в операциях за рубежом. Концепция интервенционизма с целью продвижения демократии за рубежом не оправдала себя в полной мере, результатом чего стал вывод войск из Афганистана, преподносимый как одно из главных достижений президента Дж. Байдена. Кроме того, обращение демократической администрации к дискурсу о прекращении «вечных войн» отражает смещение приоритетов во внешней политике США с Ближнего Востока на другие регионы, среди которых один из основных – Азиатско-Тихоокеанский.

Трансформация внешнеполитического нарратива США с переносом акцента от распространения демократии по всему миру к защите «свободного мира» свидетельствует об изменении характера американского лидерства. На фоне осыпающегося миропорядка США при президенте Дж. Байдене во внешней политике переходят к концепции лидерства «из-за океана», которая призвана выстроить системную оборону международных позиций США и их союзников и сконцентрировать основные ресурсы на стратегическом направлении противостояния с Китаем¹.

Заключение

Анализ собранного массива данных наглядно свидетельствует о том, что первые лица США систематически апеллируют к исторической памяти в вопросах, касающихся внешней политики и международных отношений. Так, в двусторонних и многосторонних отношениях с партнерами обращение американских лидеров к исторической памяти создает нарратив о длительном и тесном сотрудничестве между странами, основанном на общих ценностях, под которыми подразумеваются ценности либерального миропорядка с ведущей ролью в нем США. Конструирование подобной нарративной реальности с использованием исторической памяти во многом служит цели обоснования необходимости консолидации союзников в борьбе против нелиберальных режимов России и Китая.

«Демонизация» России и Китая и создание образа исходящей от них угрозы либерально-демократическим ценностям посредством дискурсивного переосмотра итогов Второй мировой войны и обращения к конфронтации времен холодной войны также служат инструментами сплочения стран-партнеров под руководством США и сохранения американоцентричного миропорядка. Одновременно данный нарратив нивелирует возможность наличия у стран, входящих в американскую сферу влияния, иных, противоположных провозглашенным «общим» ценностям приоритетов и внешнеполитических интересов.

Конструирование на основе американской исторической памяти нарратива о необходимости продвижения либеральных ценностей и борьбы против авторитаризма на глобальном уровне играет важную роль в легитимизации односторонних и дискриминационных внешнеполитических действий США. В частности, политики экстерриториальных экономических ограничительных мер (санкций) против неугодных стран и шагов по дипломатической изоляции Рос-

1 Richard Haass. "The Age of America First," *Foreign Affairs*, November/December, 2021 accessed August 3, 2022, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-09-29/biden-trump-age-america-first>.

сии. В рамках нарратива об исторической роли США и их союзников по защите либерально-демократических принципов в мире подобная политика представляется как общее и даже обязательное дело для всего «свободного мира», поскольку она отвечает ценностям продвигаемым Америкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баранов, А.В. Влияние исторической памяти на формирование внешней политики Исламской Республики Иран // История и историческая память. – 2010. – №1. – С. 51–63.
- Baranov, Alexey. V. "Vliyaniye istoricheskoy pamyati na formirovaniye vneshney politiki Islamskoj Respubliki Iran." *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, no. 1 (2010): 51–63 [In Russian].
- Бафоев, Ф.М. Историческая память в мировой политике. Роль ООН и других международных организаций // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – №1–4. – С. 1–4.
- Bafoyev, Feruz M. "Istoricheskaya pamyat' v mirovoj politike. Rol' OON i drugih mezhdunarodnyh organizacij." *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 1–4. (2017): 1–4 [In Russian].
- Буневич, Д.С. Историческая политика как интеллектуальный ресурс внешней политики Республики Польша в 2000-е годы // Интеллигенция и мир. – 2016. – №2. – С. 123–133.
- Bunevich, Dmitriy. S. "Istoricheskaya politika kak intellektual'nyy resurs vneshney politiki Respubliki Pol'sha v 2000-e gody." *Intelligenciya i mir*, no. 2 (2016): 123–133 [In Russian].
- Кузьмин, К.Е. Проблема исторической памяти в современных китайско-японских отношениях // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – №2. – С. 238–248.
- Kuzmin, Kirill. E. "Problema istoricheskoy pamyati v sovremennykh kitajsko-yaponskih otnosheniyah." *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij*, no. 2 (2021): 238–248 [In Russian].
- Савельева, И.М., Полеаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. – М.: НИУ ВШЭ, 2004.
- Savelyeva, Irina. M., and Andrew V. Poletaev. *Social'nye predstavleniya o proshlom: tipy i mekhanizmy formirovaniya*. Moscow: HSE, 2004 [In Russian].
- Цыганков, А.П. Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка // Международная аналитика. – 2020. – Том 11. – №2. – С. 28–44. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>
- Tsygankov, Andrew. P. "Gulliver at the Crossroads: American Strategy and the Change of the World Order." *Journal of International Analytics* 11, no. 2 (2020): 28–44 [In Russian].
- Bachleitner, Kathrin. "Diplomacy with Memory: How the Past is Employed for Future Foreign Policy." *Foreign Policy Analysis* 15, no. 4 (2019): 492–508. <https://doi.org/10.1093/fpa/ory013>
- Barthes, Roland, and Lionel Duisit. "An Introduction to the Structural Analysis of Narrative." *New Literary History* 6, no. 2 (1975): 237–272.
- Beamish, Thomas, Molotch, Harvey, and Richard Flacks. "Who Supports the Troops? Vietnam, the Gulf War, and the Making of Collective Memory." *Social Problems Journal* 42, no. 3 (1995): 346–352. <https://doi.org/10.2307/3096852>
- Becker, Douglas. "Historical Memory and Public Diplomacy: The Case of Russia." In *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, 301–305. New York: Routledge, 2020.
- Bell, Duncan. *Memory, Trauma and World Politics*. London: Palgrave Macmillan, 2006. <https://doi.org/10.1057/9780230627482>
- Bially Mattern, Janice. *Ordering International Politics: Identity, Crisis and Representational Force*. New York: Routledge, 2005. <https://doi.org/10.4324/9780203998014>
- Cadier, David, and Kacper Szulecki. "Populism, Historical Discourse and Foreign Policy: The Case of Poland's Law and Justice Government." *International Politics* 57, (2020): 990–1011. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00252-6>
- Gaddis, John Lewis. *We Now Know: Rethinking Cold War History*. New York: Oxford University Press, 1997.
- Herman, David. "Cognitive Narratology." In *The Living Handbook of Narratology*, edited by John Pier, Wolf Schmid, and Jörg Schönert. Hamburg, Germany: Hamburg University, 2013.
- Klymenko, Lina. "Forging Ukrainian National Identity through Remembrance of World War II." *National Identities* 22, no. 2 (2019): 133–150. <https://doi.org/10.1080/14608944.2019.1590810>
- Klymenko, Lina. "The Role of Historical Narratives in Ukraine's Policy towards the EU and Russia." *International Politics* 57, no. 6 (2020): 973–989. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00231-x>
- Klymenko, Lina, and Marco Siddi. "Exploring the Link between Historical Memory and Foreign Policy: An Introduction." *International Politics* 57, no. 6 (2020): 945–953. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00269-x>
- Krebs, Ronald. "How Dominant Narratives Rise and Fall: Military Conflict, Politics, and the Cold War Consensus." *International Organization* 69, no. 4 (2015): 809–845. <https://doi.org/10.1017/S0020818315000181>
- Lebow, Richard Ned, Wulf Kansteiner, and Claudio Fogu. *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Duke University Press, 2006. <https://doi.org/10.2307/j.ctv11cw204>
- Muller, Jan-Werner. *Memory and Power in Postwar Europe Studies in the Presence of the Past*. Cambridge University Press, 2002. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491580>
- Patterson, Molly, and Kristen R. Monroe. "Narrative in Political Science." *Annual Review of Political Science* 1, no. 1 (1998): 315–331. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.1.1.315>
- Polkinghorne, Donald Elmer. "Narrative Configuration in Qualitative Analysis." *International Journal of Qualitative Studies in Education* 8, no. 1 (1995): 5–23. <https://doi.org/10.1080/0951839950080103>

Qiu, Jin. "The Politics of History and Historical Memory in China-Japan Relations." *Journal of Chinese Political Science* 11, (2006): 25–53 <https://doi.org/10.1007/BF02877032>

Rosenberg, Emily. S. *A Date Which Will Live: Pearl Harbor in American Memory*. Duke University Press, 2003. <https://doi.org/10.2307/j.ctv11vc87q>

Subotić, Jelena. "Stories States Tell: Identity, Narrative, and Human Rights in the Balkans." *Slavic Review* 72, no. 2 (2013): 306–326. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.72.2.0306>

Sverdrup-Thygeson, Bjornar. "The Chinese Story: Historical Narratives as a Tool in China's Africa Policy." *International Politics* 54, (2017): 54–72. <https://doi.org/10.1057/s41311-017-0014-3>

Von Eschen, Penny M. "Memory and the Study of U.S. Foreign Relations." In *Explaining the History of American Foreign Relations*, edited by Frank Costigliola,

and Michael J. Hogan, 3rd ed., 304–316. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107286207.019>

Wagenaar, Hendrik. *Meaning in Action: Interpretation and Dialogue in Policy Analysis*. London: Routledge, 2011. <https://doi.org/10.4324/9781315702476>

Wertheim, Stephen. "The Price of Primacy: Why America Shouldn't Dominate the World." *Foreign Affairs* 99, (2020): 19–29.

Wood, Peter. W. *1620: A Critical Response to the 1619 Project*. New York: Encounter Books, 2020.

Zheng, Wang. *Memory Politics, Identity and Conflict. Historical Memory as a Variable*. Palgrave Macmillan Cham, 2018.

Zheng, Wang. *Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations*. New York: Columbia University Press, 2012.

Сведения об авторах

Лев Маркович Соколыщик,

к.ист.н., доцент Департамента зарубежного регионоведения, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,

Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17, Проспект Вернадского, 76, 119017.

e-mail: lsokolschik@hse.ru

Эдуард Зульфатович Галимуллин,

научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,

Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17, Проспект Вернадского, 76, 119017.

e-mail: galimullin-eduard@mail.ru

Анна Валентиновна Бондаренко,

стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,

Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17, Проспект Вернадского, 76, 119017.

e-mail: avbondarenko@hse.ru

Владислав Максимович Семенов,

независимый исследователь,

Россия, Московская область, г. Химки, ул. Панфилова, 16, 141407.

e-mail: vlad.semenov97@protonmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 12 августа 2022.

Переработана: 12 сентября 2022.

Принята к публикации: 15 сентября 2022.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Соколыщик, Л.М., Галимуллин, Э.З., Бондаренко А.В., Семенов, В.М. Историческая память в контексте внешней политики США: случай президентства Дж. Байдена // *Международная аналитика*. – 2022. – Т. 13 (3). – С. 48–66.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-48-66>

Historical Memory in the Context of U.S. Foreign Policy: The Case of the Presidency of Joseph Biden

ABSTRACT

Modern day politicians often refer to historical memory in order to construct and/or adjust foreign policy. The analysis of historical memory as one of the tools for constructing foreign policy narratives is attracting increasing scientific interest in the study of international relations. Under conditions of deep socio-political split in the USA and fragmentation of American identity, representatives of the Democratic administration actively turn to historical memory, trying to explain the changing international realities and justify the implemented foreign policy course. The article attempts to identify the key historical narratives of the Biden Administration and analyze how their use influences the foreign policy of the U.S. at the present stage. To achieve this goal, the authors used the method of narrative interpretation to conduct a qualitative analysis of a broad source base (speeches, interviews, press conferences of key representatives of the U.S. executive branch). As a result, a number of foreign policy narratives with the most characteristic historical subjects for the current administration were identified. It has been established that U.S. leaders address historical memory as part of discourses on the promotion of liberal democracy in the world; the limits of "hard power" and the fight against international terrorism; human rights and freedoms; relations with Russia; and the defense of a liberal world order. It is determined that historical narratives are often used by the United States to legitimize its unilateral and discriminatory foreign policy actions. The authors conclude that for the current administration the construction of foreign policy narratives through selective reference to the subjects of American historical memory becomes one of the key tools of adaptation to the development of international multipolarity, mobilization of its resources and consolidation of allies to defend the "free world" from "illiberal" opponents.

KEYWORDS

historical memory, U.S. foreign policy, J. Biden, U.S.–Russian relations, historical narrative, Russia

Authors

Lev M. Sokolshchik,

PhD in History, Associate Professor, School of International Regional Studies, Research Fellow, Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics, 17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017.

e-mail: Isokolshchik@hse.ru

Eduard Z. Galimullin,

Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics, 17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017.

e-mail: galimullin-eduard@mail.ru

Anna V. Bondarenko,

Research Assistant, Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics, 17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017.

e-mail: avbondarenko@hse.ru

Vladislav M. Semenov,

Independent researcher, 16 Panfilova Str., Khimki, Moscow Oblast, 141407.

e-mail: vlad.semenov97@protonmail.com

Additional information

Received: August 12, 2022. Revised: September 12, 2022. Accepted: September 15, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Sokolshchik, Lev M., Galimullin, Eduard Z., Bondarenko, Anna V., and Vladislav M. Semenov.

“Historical Memory in the Context of U.S. Foreign Policy: The Case of the Presidency of Joseph Biden.”

Journal of International Analytics 13, no. 3 (2022): 48–66.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-48-66>

Колониальная политика Германии в современной общественно-политической дискуссии ФРГ

Соколов Артем Павлович, Институт международных исследований
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Давыдов Александр Дмитриевич, Институт международных исследований
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: a.sokolov@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Активизация дискуссии о германском колониальном прошлом на современном этапе совмещает опыт исторических исследований данной темы с внутри- и внешнеполитическими задачами руководства ФРГ. Цель статьи – рассмотреть процесс переосмысления колониального прошлого в ФРГ в качестве элемента идеологического обеспечения внешней политики ФРГ на африканском направлении. В статье исследуется развитие дискуссии о германском колониальном прошлом в последние годы, а также влияние активизации дебатов на политику правительства по отношению к странам Африки. Делается вывод о том, что обращение Берлина к этой теме в целом не выходит за рамки академического и общественно-политического дискуссионного пространства, а реальные шаги руководства остаются преимущественно на уровне декларативных намерений. Выражая готовность признать вину за принесенные разрушения, власти ФРГ стремятся сохранить контроль над их финансовой составляющей, опасаясь потока предъявляемых счетов с потенциально неограниченной суммой. Большинство инициатив находятся на начальной стадии реализации и далеки от того, чтобы удовлетворить все запросы африканских государств. Тем не менее колониальные страницы истории Германии, отмеченные как преступления в отношении местного населения, так и инфраструктурным развитием подконтрольных территорий, являются потенциальным ресурсом для взаимодействия с африканскими странами. Ожидается, что в будущем значение Африки для немецкой внешней политики будет возрастать вследствие экономических, демографических и геополитических факторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

внешняя политика ФРГ, Африка, мягкая сила, колониализм

Наращивание Берлином колониальных владений в Африке и Азиатско-Тихоокеанском регионе являлось важным элементом внешней политики Германской империи в эпоху правления Вильгельма II (1890–1918). Впервые колониальный вопрос возник в Германии как часть актуальной повестки в 1879 г. вместе с работой публициста Ф. Фарби «Нужны ли Германии колонии?»¹. Приоритетные задачи колонизации рассматривались его современниками в сфере преимущественно экономических мер: оптимизации соотношения экспорта и импорта, укрепления платежного баланса, продовольственного обеспечения метрополии и др.² В то же время, как справедливо отмечает Е.Ю. Пуховская, германская колониальная идея развивалась параллельно с геополитической концепцией «жизненного пространства» Ф. Ратцеля³, являясь, таким образом, частью наступательной внешней политики вильгельмовской Германии.

Германская империя активно включилась в гонку за колониями в удаленных регионах мира только в последней четверти XIX в., значительно отстав по количеству подконтрольных территорий от ключевых колониальных держав XIX в. – Великобритании и Франции. Тем не менее за сравнительно короткое время Германии удалось выстроить полноценную систему управления занятыми территориями, сопоставимую с другими европейскими колониальными империями⁴, и наладить торгово-экономическое взаимодействие. Возникшие в Германии колониальные общества стали идеологическими и организационными центрами германской экспансии, объединявшими представителей государственного управления, предпринимателей, деятелей науки и культуры и оказывавшими влияние на идейную атмосферу эпохи.

По итогам Первой мировой войны и Версальского мирного договора 1919 г. Германия утратила все колониальные владения, и они отошли державам-победительницам из блока Антанты. Однако немецкая колониальная идея не закончилась вместе с немецкими колониями. Ревизионизм периода Веймарской республики и попытки руководства Третьего рейха восстановить контроль над утраченными колониальными территориями⁵ завершились вместе с поражением гитлеровской Германии во Второй мировой войне и подписанием Акта о безоговорочной капитуляции в мае 1945 г. Для ФРГ и ГДР, а затем и для воссоединившейся в 1990 г. Германии, вопрос о колониях перестал существовать как часть актуальной политической повестки дня, превратившись главным образом в объект изучения историков.

На протяжении долгого времени проблема германского колониализма оставалась менее популярной в глазах экспертного сообщества, чем такие сюжеты новой и новейшей истории Германии, как кризис Веймарской республики и трагический опыт национал-социалистической диктатуры. Немецкое присутствие в Африке, Юго-Восточной Азии и Океании рассматривалось в широком контексте амбициозной внешней политики Германской империи вильгельмов-

1 Fabri 1879.

2 Dernburg 1907, 49–50.

3 Пуховская 1997, 100.

4 На пике своего территориального расширения колониальные владения Германской империи уступали по площади только британским и французским колониям.

5 Rohrbach 1935.

ского периода, направленной на поиск «места под солнцем» для единого немецкого государства. Работы немецких авторов, вышедшие в свет до Первой мировой войны, обосновывали важность колониальных владений для германской экономики. Исследования же межвоенной эпохи стремились выявить изъяны в организации колоний и подготовить основу для их возврата. Активные действия Берлина в удаленных регионах рассматривались в качестве одной из причин нарастания международной напряженности в конце XIX – начале XX в., которая привела к развязыванию мировой войны. Военных историков интересовала прежде всего показательная активность немецких колониальных войск в Африке в годы Первой мировой войны с учетом их ограниченной численности и дефицита ресурсов.

Колониальная проблематика продолжала рассматриваться как производное от соперничества великих держав в конце XIX – начала XX вв., оставаясь скорее второстепенным сюжетом. Больше внимание уделялось вопросам экономического освоения колониальных территорий в рамках взаимоотношений «центр-периферия». Такие подходы были характерны не только для исторической науки, но и для преподавания колониальной истории Германии в немецких школах¹.

Актуализация колониального дискурса в немецкой исторической науке началась уже в воссоединенной Германии в 1990-е гг. и проходила в рамках широкого переосмысления германской истории². В значительной мере обращение к колониальному прошлому вызвано дебатами вокруг генезиса национал-социализма, знаковой точкой которых стал т.н. «спор историков» второй половины 1980-х гг. Поиск идейно-организационных предпосылок формирования гитлеровской диктатуры заставлял исследователей обращаться к ранним сюжетам истории Германии, связанным с вооруженными конфликтами, территориальной экспансией, дискриминацией по национальному, расовому и др. признакам. Жесткое подавление немецкой колониальной администрацией восстания племен гереро и нама в Намибии в 1904–1908 гг. в общественно-политическом сознании Германской империи рассматривалось отдельными немецкими экспертами как начальная точка пути «из Африки в Освенцим» или, конкретней, «из Виндхука в Освенцим»³⁴. Несмотря на то что подобный взгляд не был принят в немецкой исторической науке в качестве безальтернативного⁵, он задал направление критического осмысления германского колониального прошлого на многие годы вперед.

Одним из аргументов в пользу связи практик германского колониального прошлого и национал-социализма был «персональный» континуитет. Его подтверждением обычно выступали биографии функционеров НСДАП или идейных нацистов, связанных с работой в африканских колониях. Показательным примером является деятельность ученого-антрополога О. Фишера, чьи научные изыскания в Намибии в 1908 г. постулировали идею о неполноценности детей

1 Grindel 2012, 272–303.

2 Пименова 2020, 74.

3 Zimmerer 2003, 45–63.

4 Kundrus 2005, 82–91.

5 Gerwarth 2007, 439–466.

от смешанных браков немцев и коренного населения Африки¹. Идеи О. Фишера были с энтузиазмом восприняты нацистским руководством и стали одной из основ Нюрнбергских законов 1935 г. Сам О. Фишер был убежденным сторонником национал-социализма, выступая с одобрением его преступной политики.

Восприятие немецкими колонистами коренного населения подконтрольных территорий позволяет без труда выделить мотивы расового превосходства, впоследствии вошедшие в идейный багаж национал-социализма. Цивилизационная пропасть между немцами и аборигенами была непреодолима в глазах представителей колониальной администрации, даже если по прошествии определенного времени восприятие туземного населения приобретало «очеловеченный» характер². Показательным примером дискриминационного отношения немцев к африканцам могут служить распространенные на рубеже XIX–XX вв. передвижные паноптикумы, где аборигены выставлялись на обозрение публики как необучаемые и неспособные к труду.

Параллелизм между колониальной политикой и национал-социализмом был поддержан на уровне массовой культуры. В 2013 г. режиссер Е. Кнопф выпустила документальный фильм «Путешествие Маюба» (*Majubs Reise*). В картине рассказывалось о судьбе немецкого актера африканского происхождения Маюба бин Мохаммеда Хуссейна, родившегося в 1904 г. в Германской Восточной Африке. Отец Маюба служил в немецких колониальных войсках и погиб в одном из сражений в годы Первой мировой войны. После этого молодой Маюб – на тот момент уже служивший в колониальной армии Германии – покинул Африку и устроился в качестве обслуживающего персонала на один из кораблей компании *Deutsche Ost-Afrika Linie*. В 1929 г. ему удалось обосноваться в Берлине и начать карьеру актера, а также преподавать суахили в Университете Фридриха Вильгельма³. Получив определенную известность, он неоднократно участвовал в пропагандистских мероприятиях в поддержку возврата германских колоний. Из-за внебрачной связи с немецкой девушкой, в соответствии с расовыми законами Третьего рейха, Маюб был отправлен в концентрационный лагерь Заксенхаузен, где умер в 1944 г.

Снятый Е. Кнопф фильм получил умеренно положительные оценки зрительской аудитории и несколько премий⁴. Лента спровоцировала дискуссию не только о колониальном прошлом Германии, но и о положении выходцев из Африки в современной ФРГ. С 2014 г. фильм распространяется с субтитрами на нескольких европейских языках через Гете-Институт.

Утрата Германией своих колоний после Первой мировой войны позволила избежать ФРГ и ГДР издержек движения деколонизации 1960-х гг. Два германских государства не стали местом массового притока мигрантов из бывших владений в Африке, Азии и Океании. С другой стороны, фактор германского колониального прошлого не был значимой частью внутривнутриполитической дискуссии в государствах, образовавшихся на месте бывших колоний Германской империи.

1 Fischer 1913.

2 Калистратов 2018, 28.

3 С 1949 г. – Берлинский университет имени Гумбольдта.

4 Warmbold 2015, 159–169.

Две проигранные мировые войны на долгое время лишили Германию статуса державы, способной оказывать политическое влияние на удаленные от нее регионы мира, в том числе и в глазах тех политических сил, которые могли использовать этот фактор в собственных интересах.

Активизация дискуссии о германском колониальном прошлом на современном этапе совмещает опыт исторических исследований данной темы с внутри- и внешнеполитическими задачами руководства ФРГ. Актуализация колониального вопроса в Германии происходит под воздействием совокупности различных факторов, находящихся на пересечении политики, экономики и идеологии. Данное обстоятельство помещает немецкий постколониальный вопрос в промежуточное положение между обсуждением в академических кругах и внешнеполитической практикой ФРГ.

Прежде всего, состояние современной внутригерманской колониальной дискуссии с позиции измерения современных международных отношений развивается под влиянием трансформации немецкой внешней политики в Африке. На фоне нарастающей активности на континенте КНР, России и ряда других игроков Берлин заинтересован в интенсификации связей со странами африканского региона, в том числе и с государствами, образованными на территории бывших германских колоний. Несмотря на стремление Германии проводить собственную внешнюю политику в рамках единого европейского внешнеполитического курса, в Африке Берлин вынужден считаться со значительным французским влиянием и потому во многих случаях опираться исключительно на собственные ресурсы и целеполагание. Укрепление немецких позиций в Африке в данных обстоятельствах происходит с учетом использования Германией своих конкурентных преимуществ, связанных с развитыми инструментами «мягкой силы» и риторикой «политики ценностей»¹. Обращение к переосмыслению колониального прошлого выступает в данном случае одним из элементов идеологического обеспечения внешней политики ФРГ на африканском направлении.

Миграционный кризис 2015 г., в ходе которого в Германию прибыли сотни тысяч мигрантов с территории Африки и Ближнего Востока, поставил перед немецким правительством задачу по работе с оказавшимися в ФРГ беженцами и обновлению сотрудничества с государствами – источниками массовой миграции. Наряду с политикой по предотвращению проникновения на территорию ЕС и ФРГ незаконных мигрантов, Берлин считал необходимым оказывать содействие социально-экономическому развитию африканских стран с целью снижения среди их населения миграционных настроений. Несмотря на то что идея прямой зависимости размера экономической помощи и миграционных потоков из африканских стран не находит полного одобрения в немецком экспертном сообществе², целесообразность данного направления работы пока не была пересмотрена Берлином.

Результатом развития африканского вектора немецкой внешней политики стало возникновение внутри министерств и ведомств немецкого пра-

1 Павлов 2015.

2 Rudolf T. Matete, "Migration and 'Marshall Plan with Africa,'" Flossbach von Storch Research Institute, July 16, 2019, accessed June 30, 2022, <https://clck.ru/rftEA>.

вительства различных инициатив по развитию Черного континента. 2017 г. стал для Берлина «годом Африки», когда было объявлено о начале работы трех крупных проектов: *Compact with Africa*, *Pro!Africa* и «План Маршалла для Африки». Ни один из них в своих программных документах не увязывал экономическую помощь африканским государствам с последствиями германской колониальной политики. Перенасыщенность программными инициативами, а также дефицит согласованности в действиях профильных структур снизил реальную ценность и эффективность большинства проектов на африканском направлении.

При этом «антиколониальная» тема в отношениях между Германией и странами Африки на современном этапе ограничивается в основном символическими шагами. Особенности нового колониального дискурса немецкого правительства наиболее ярко проявляются в контексте развития германо-намибийских связей. В 1884–1919 гг. Намибия являлась колониальным владением Германской империи – Германской Юго-Западной Африкой¹. В 1904–1907 гг. на территории колонии вспыхнуло восстание местных племен гереро и нама, жестко подавленное германскими колониальными войсками. В 2004 г. власти ФРГ впервые признали данные действия геноцидом, что, впрочем, не привело к конкретным финансовым или юридическим последствиям.

Дискуссия о формах и размерах компенсации долгое время являлась важной темой германо-намибийских отношений и внутривластных дебатов в самой Намибии². Подтвердив в 2021 г. геноцид коренного населения Намибии в 1904–1908 гг., Берлин тем не менее не стал увязывать напрямую с этим фактом предоставление финансовой помощи Виндхуку в размере 1,1 млрд евро, направленной на развитие сельского хозяйства, инфраструктуры и образования. Балансирование немецкой дипломатии между ценностным и прагматичным подходом вызвало негативную реакцию намибийской общественности, посчитавшей усилия Берлина недостаточными³.

Примечательным символическим жестом со стороны немецкого руководства стала передача Намибии вывезенных ранее предметов культуры: гербовой колонны с мыса Кейп Кросс и оригинальной версии Библии на языке нама. Ранее, в 2011 г., берлинская клиника Шарите передала Намибии черепа представителей намибийских племен, использовавшиеся немецкими учеными для антропологических исследований в колониальную эпоху⁴. При этом действующие в Намибии представительства немецких политических фондов не имеют отдельных программ, затрагивающих колониальный вопрос, а сосредоточены на вопросах экономического развития страны, защиты прав женщин и анализе партийно-политической обстановки.

1 Контроль над колонией был фактически утрачен Берлином в 1915 г. после вступления на ее территорию войск Южно-Африканского союза.

2 Natalie Russmann, "Abschluss des Aussöhnungsabkommen zwischen Namibia und Deutschland in Sicht? (Conclusion of the Reconciliation Agreement between Namibia and Germany in Sight?)," Konrad Adenauer Stiftung, May 26, 2021, accessed June 30, 2022, <https://cutt.ly/dKXp46F->.

3 Грюнхаген, Ф. Как искупить вину за геноцид? Берлин готов нести ответственность за убийство народов гереро и нама // Международная политика и общество. 8 июня 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/rfuct> (дата обращения: 30.06.2022).

4 Küpper von Mechthild, "Eine Geste des Bedauerns (A Gesture of Regret)," Frankfurter Allgemeine Zeitung, October 1, 2011, accessed June 30, 2022, <https://clck.ru/rfqS3>.

Другие африканские государства, расположенные на территории бывших колоний Германской империи, не стремятся развивать сюжет собственного колониального прошлого в отношениях с ФРГ. В 2018 г. глава МИД Танзании А. Махига на переговорах со своим немецким коллегой Х. Маасом отказался предъявлять Берлину требования о денежной компенсации за колониальный период и о возвращении вывезенных в колониальную эпоху предметов культуры и искусства¹. Аналогичная ситуация складывается и в отношениях с государствами Океании.

Активную роль в продвижении постколониального дискурса внутри самой ФРГ играют некоммерческие ассоциации, действующие с середины 2000-х гг. Подобные организации сформированы на городском (например, *Berlin postkolonial*, *Hamburg postkolonial* и др.), земельном (*Hessen postkolonial*) и общегерманском уровне. Они объединяют проживающих в Германии выходцев из Африки, их потомков и немецких граждан.

Одним из наиболее резонансных направлений работы данных НКО при поддержке идейно близких политиков являются инициативы по изменению городской топонимики с учетом критики колониального прошлого Германии. В берлинском районе Веддинг предполагалось сменить названия улиц, связанные с деятелями колониального периода Германии, убрав наименования *Petersallee*, *Lüderitzstraße*, *Nachtigalplatz*. В центральном столичном районе *Mitte* предлагали переименовать улицу и станцию метро *Mohrenstraße* из-за «дискриминирующего» характера термина *Mohr* (нем. “Мавр”, “арап”). Несмотря на широкую общественную дискуссию, процедура переименования так и не была завершена из-за бюрократического торможения процесса².

Строительство в центре Берлина Гумбольдт-форума на месте бывшего Дворца Республики ГДР сопровождалось предложением разместить в нем федеральный мемориал, посвященный германскому колониализму. Несмотря на поддержку президента ФРГ Х. Келлера, проект мемориала вызвал резкую критику в немецком обществе³. В некоторой степени компромиссным решением стало размещение на территории Гумбольдт-форума Этнологического музея и Музея азиатского искусства с коллекциями предметов из бывших колоний.

Основными политическими силами, выступающими драйвером актуализации «постколониальной политики», являются «Зеленые» и СвДП. В последние годы обе партии последовательно призывали немецкие власти «признать колониальную несправедливость» и «взять на себя большую ответственность перед мировым сообществом» за преступления колониализма⁴. Благодаря позиции «экологов» и либералов культурный раздел коалиционного договора 2021 г. содержит упоминание о необходимости продолжения политики воз-

1 “Tansania will keine Entschädigung von Deutschland (Tansania Does Not Want Any Compensation from Germany),” Zeit Online, May 4, 2018, accessed June 30, 2022, <https://clck.ru/rfqby>.

2 На момент подготовки данной статьи все объекты сохраняли свои исторические наименования на картах и указателях.

3 “50 Jahre Stiftung Preußischer Kulturbesitz – Grußwort von Bundespräsident Horst Köhler beim Festakt im Konzerthaus Berlin (50 Years of the Prussian Cultural Heritage Foundation – Greeting by German President Horst Köhler at the Ceremony in the Berlin Konzerthaus),” Bundespräsidialamt, September 7, 2007, accessed June 30, 2022, <https://clck.ru/rfsCi>.

4 “Grüne fordern Anerkennung kolonialen Unrechts (Greens Call for Recognition for Colonial Injustice),” Deutscher Bundestag, Parlamentsnachrichten, November 18, 2020, accessed June 30, 2022, <https://clck.ru/rfqtr>; “Kulturpolitische Aufarbeitung des Sammlungsgutes aus kolonialen Kontexten (Cultural-political Reappraisal of the Collection from Colonial Contexts),” Fraktion der Freien Demokraten im Deutschen Bundestag, March 19, 2019, accessed June 30, 2022, <https://clck.ru/rff6w>.

вращения предметов африканского искусства и внимательного отношения к определению происхождения коллекционных материалов, полученных во время колониализма¹.

При этом обращение к проблеме реституции предметов культурного наследия колониального происхождения началась еще в годы работы четвертого правительства А. Меркель (2018–2021). Уполномоченный федерального правительства по делам культуры и СМИ М. Грюттерс (*Monika Grütters*, ХДС) инициировала разработку конкретных принципов обращения с предметами культуры колониального происхождения². В 2018 г. была сформирована рабочая группа по обращению с предметами колониального наследия³. В 2019 г. на заседании министров культуры федеральных земель ФРГ было принято решение создать контактный центр по вопросам предметов колониального наследия, в задачи которого входило бы информирование о происхождении предметов культуры эпохи колониализма⁴.

Между тем реальное количество возвращенных Германией предметов искусства своим бывшим колониям сравнительно невелико. Кроме уже упомянутого возврата культурных ценностей Намибии, другие аналогичные проекты находятся на стадии планирования. Среди анонсированных немецкой стороной инициатив можно выделить возвращение 1 100 бронзовых объектов Бенинского царства Нигерии, статуи богини Нгонсо – Камеруну, некоторых этнографических объектов – Танзании, а также передачу новой серии объектов культурного наследия Намибии⁵.

Несмотря на очевидную активизацию дебатов о германском колониальном прошлом в последние годы, обращение Берлина к этой теме пока редко покидает рамки академического и общественно-политического дискуссионных пространств. Немногочисленные исключения составляют жесты символического характера, притом как показывает практика переименования улиц в Берлине, даже они остаются преимущественно на уровне декларативных намерений. Осуждение злоупотреблений эпохи колониализма не находит отражения в программах сотрудничества с государствами – бывшими германскими колониями. Напротив, ФРГ на примере Намибии стремится оставить колониальную дискуссию за пределами финансового измерения даже при готовности оказывать денежную поддержку африканскому государству.

В значительной степени ситуация с немецкими выплатами за годы колониального господства повторяет позицию Германии по выплатам денежных ком-

1 “Mehr Fortschritt Wagen, Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit, Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen der SPD, Bündnis 90 / die Grünen und den FDP (Dare More Progress, Alliance for Freedom, Justice and Sustainability, Coalition Agreement 2021–2025 between the SPD, Bündnis 90 / die Green and the FDP),” SPD, December 7, 2021, accessed June 30, 2022, <https://clck.ru/rfrFm>.

2 “Umgang mit Sammlungsgut aus kolonialen Kontexten – Vorstellung des Leitfadens des Deutschen Museumsbundes mit Kulturstatsministerin Grütters (Dealing with Collections from Colonial Contexts – Presentation of the Guidelines of the German Museums Association with Minister of State for Culture Grütters),” Bundesregierung, May 14, 2018, accessed June 30, 2022, <https://clck.ru/rfrXG>.

3 “Koloniales Erbe: Arbeitsgruppe zum Umgang mit Sammlungsgut vereinbart (Colonial Heritage: Working Group Agreed on Handling Collection Items),” Bundesregierung, October 12, 2018, accessed June 30, 2022, <https://clck.ru/rfrf5>.

4 “Länder, Bund und kommunale Spitzenverbände beschließen Kontaktstelle für Sammlungsgut aus kolonialen Kontexten (Federal States, Federal Government and Municipal Associations Decide on Contact Point for Collections from Colonial Contexts),” Bundesregierung, October 16, 2019, accessed June 30, 2022, <https://clck.ru/rfrfK>.

5 “Preußen-Stiftung macht Weg frei für mehrere Rückgaben (Preußen-Stiftung Clears the Way for Multiple Restitutions),” Zeit Online, June 27, 2022, accessed June 30, 2022 <https://clck.ru/rfs5Y>.

пенсаций после Второй мировой войны. Выражая готовность признать вину за принесенные разрушения, власти ФРГ стремятся сохранить контроль над их «монетизацией», опасаясь потока предъявляемых счетов с потенциально неограниченной суммой. Претензии Греции или Украины на особые денежные компенсации за разорения военных лет, диктуемые стремлением решить собственные экономические проблемы за счет ФРГ, не находят поддержки со стороны немецкого правительства и других государств.

Тем не менее половинчатость и непоследовательность практического воплощения пересмотра Германией своего колониального прошлого можно рассматривать как следствие издержек первых шагов немецкого правительства в этом направлении, а не как устоявшийся на неопределенно долгое время тренд. Значение Африки для немецкой внешней политики будет возрастать вследствие экономических, демографических и геополитических факторов. Даже если анонсированная О. Шольцем реформа бундсвера приведет к усилению возможностей ФРГ проецировать свою военную мощь в удаленных регионах мира, Германия продолжит уделять особое внимание инструментарию «мягкой силы» в своей дипломатической работе. Колониальные страницы истории Германии, отмеченные как преступления в отношении местного населения, так и инфраструктурным развитием подконтрольных территорий, все же являются потенциальным ресурсом для взаимодействия с африканскими странами.

Декларируемая Берлином приверженность концепции многостороннего подхода («мультилатерализма») создает возможности для взаимодействия с другими бывшими колониальными державами, прежде всего, Францией. При всех отличиях колониального опыта Франции и Германии, а также их нынешней политики на африканском континенте, франко-германский тандем заинтересован в согласованной активности в регионе для противодействия влиянию Китая и других внешних игроков. Критический подход к колониальному прошлому формирует основу для совместных африканских инициатив Берлина и Парижа. До известной степени этот интерес распространяется и на Великобританию.

Развитию колониальной дискуссии в академической и общественно-политической среде ФРГ способствуют и более широкие тренды внутригерманских дебатов. Немецкие левые активисты с энтузиазмом восприняли появившиеся в США ценности «культуры отмены» и лозунги движения *Black Lives Matter* и активно используют их в идеологической работе. Пришедшие из-за океана концепции сочетаются с собственно немецкой традицией «проработки прошлого» и дополняют ее радикализированными положениями.

Благоприятные условия для развития антиколониальной риторики создает конфигурация коалиционного правительства О. Шольца, в рамках которой МИД ФРГ перешел под контроль партии «Зеленые». Вынужденная идейная трансформация «экологов» в пацифистских установках побуждает партию компенсировать идеологический дрейф усилением ценностной риторики на тех направлениях, где это не противоречит актуальным целям и задачам немецкой политики. Обращение к сюжетам колониального прошлого выглядит для «Зеленых» оправданным как с точки зрения подтверждения последовательности их идейного развития, так и с учетом роста внимания Берлина к Африканскому континенту.

Важную роль в контексте переосмысления колониального вопроса играет и эскалация украинского кризиса в феврале 2022 г. Африканские государства воздержались от того, чтобы присоединиться к антироссийским санкциям, и предпочли сохранить открытые экономические и политические контакты с Москвой. Эта позиция делает их объектом воздействия со стороны стран Запада, в том числе и ФРГ, с целью усилить международную изоляцию России. Берлин получил дополнительный стимул для активизации диалога с африканскими странами, в том числе и через постколониальный дискурс.

Кроме того, развитие темы ответственности Германии за преступления на территории собственных колоний позволяет размыывать сюжет ответственности за преступления Третьего рейха в годы Второй мировой войны. В первую очередь это отразится на восприятии ответственности за преступления нацистской Германии на оккупированных территориях СССР как на сюжете, долгое время остававшемся для немецких исследователей и общественности в тени Холокоста и поэтому не сформировавшем вокруг себя устойчивое эмоциональное восприятие. Деформация констант общей исторической памяти может дополнить картину обрушения российско-германских отношений после февраля 2022 г.

В целом процесс сопряжения немецкой колониальной дискуссии с практическим измерением внутренней и внешней политики пребывает в стадии поиска оптимальных для Берлина подходов. Повышая статус издержек колониального периода своей истории, немецкое правительство тем не менее не намерено проводить знак равенства между преступлениями колониализма и национал-социалистической диктатуры с точки зрения международных обязательств. Отказ Берлина признавать компенсационный статус выплат Намибии выставляет перед государствами, входившими в состав германской колониальной империи, четкие границы ожидаемой поддержки.

Временным выходом из привычной для немецкой политики дихотомии ценностей и интересов является обращение к символическим шагам, значение которых повышается немецкой стороной через работу инструментов «мягкой силы». Реституция предметов искусства в страны Африки пока реализована только в отношении Намибии и затрагивает немногочисленный набор объектов культурного наследия. Аналогичные инициативы в отношении других стран находятся на начальной стадии реализации и далеки от того, чтобы удовлетворить все запросы африканских государств. При этом очевидно, что, несмотря на безусловное символическое значение, реституция предметов искусства уступает в перечне приоритетов африканских государств запросам в сфере экономики, инфраструктурного и социального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Калистратов, А.Ю., Черноперов, В.Л. Германский колониальный офицер Эрих фон Шаурот и его представления об африканцах в период подавления восстания нама 1904–1907 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – № 6. – 2018. – С. 23–31.

Kalistratov, Andrei Yu., and Vasilij L. Chernopyorov. "The German Colonial Officer Erich von Schauroth and his Ideas of Africans During the Suppression of the Nama 1904–1907 Uprising." *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 6 (2018): 23–31 [In Russian].

Павлов, Н.В., Хохлов, В.Ю. Экспансионизм во внешней политике ФРГ: миф или реальность? // Современная Европа. – 2015. – № 4(64).

Pavlov, Nikolai V., and Vladimir Yu. Hohlov. "Ekspansionizm vo vneshnej politike FRG: mif ili real'nost'?" *Sovremennaya Evropa*, no. 4(64) (2015): 69–80 [In Russian].

Пименова, Е.В. Страна, которая отказалась от прошлого? Древность, средневековье и новое время в современном политическом дискурсе ФРГ // Свободная мысль. – 2020. – № 1. – С. 63–77.

Pimenova, E.V. "Strana, kotoraya otkazalas' ot proshlogo? Drevnost', srednevekov'e i novoe vremya v sovremennom politicheskom diskurse FRG." *Svobodnaya mys'*, no. 1 (2020): 63–77 [In Russian].

Пуховская, Е.Ю. Немецкая колониальная идея: основные этапы развития // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Второй Международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. – Москва–Иркутск–Тэгу: Иркутский государственный педагогический университет, 1997.

Pukhovskaya, Elena Yu. "Nemeckaya kolonial'naya ideya: osnovnye etapy razvitiya." In *Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'. Doklady Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 11–14 avgusta 1997 g.* Moscow, Irkutsk, Tegu: Irkutsk state pedagogical university, 1997 [In Russian].

Dernburg, Bernhard. *Zielpunkte des Deutschen Kolonialwesens*. [Destination Points of German Colonialism] Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1907 [In German].

Fabri, Friedrich. *Bedarf Deutschland der Colonien?* [Does Germany Need Colonies] Gotha: Perthes, 1879 [In German].

Fischer, E. "Die Rehobother Bastards und das Bastardierungsproblem beim Menschen. [The Rehoboth Bastards and the Bastardisation Problem in Humans] Anthropologische und Ethnographische Studien am Rehobother Bastardvolk in Deutsch-Südwestafrika, ausgeführt mit Unterstützung der Kgl.

preuß. Akademie der Wissenschaften. [Anthropological and Ethnographic Studies on the Rehoboth Bastard People in German Southwest Africa under Kgl. Preuss. Academy of Sciences]" *Zeitschrift für Induktive Abstammungs- und Vererbungslehre*, no. 10 (1913): 280. <https://doi.org/10.1007/BF01943440> [In German].

Gerwarth, Robert, and Stephan Malinowski. "Der Holocaust als kolonialer Genozid? Europäische Kolonialgewalt und nationalsozialistischer Vernichtungskrieg. [The Holocaust as Colonial Genocide? European Colonial Violence and National Socialist War of Extermination]" *Geschichte und Gesellschaft* 33, no. 3 (2007) [In German].

Grindel, Susanne. "Kolonialismus im Schulbuch als Übersetzungsproblem. Deutsche, französische und englische Geschichtslehrwerke im Vergleich. [Colonialism in Textbooks as a Translation Problem. German, French and English History Textbooks in Comparison]" *Geschichte und Gesellschaft* 38, no. 2 (2012): 272–303 [In German].

Kundrus, Birthe. "From the Herero to the Holocaust? Some Remarks on the Current Discussion." *Afrika Spectrum* 40, no. 2 (2005): 299–308.

Rohrbach, Paul. *Deutschlands koloniale Forderung*. [Germany's Colonial Demand] Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1935 [In German].

Warmbold, Joachim. "'Majubs Reise' – From Colony to Concentration Camp. A New Approach at Narrating Germany's Colonial Past?" *Colloquia Germanica* 48, no. 3 (2015).

Zimmerer, Jürgen. "Krieg, KZ und Völkermord in Südwestafrika. Der erste deutsche Genozid. [War, Concentration Camps, and Genocide in Southwest Africa. The first German Genocide]" In *Völkermord in Deutsch-Südwestafrika. Der Kolonialkrieg (1904–1908) in Namibia und seine Folgen*, [Genocide in German Southwest Africa. The Colonial War (1904–1908) in Namibia and its Consequences] edited by Jürgen Zimmerer, Joachim Zeller. Berlin, 2003 [In German].

Сведения об авторах

Соколов Артем Павлович,

к.ист.н., н.с., Центр европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России, Москва, просп. Вернадского 76, корп. В.

e-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Давыдов Александр Дмитриевич,

эксперт, Институт международных исследований МГИМО МИД России, Москва, просп. Вернадского 76, корп. В.

e-mail: a.davydov@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 9 июня 2022.

Переработана: 23 августа 2022.

Принята к публикации: 20 сентября 2022.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Соколов, А.П., Давыдов, А.Д. Колониальная политика Германии в современной общественно-политической дискуссии ФРГ // Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (3). – С. 67–78. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-67-78>

Germany's Colonial Policy in Contemporary German Social and Political Discourse

ABSTRACT

The intensification of the discussion on the German colonial past at the present stage combines the experience of historical research on this topic with the domestic and foreign policy objectives of Germany's leadership. The purpose of this article is to examine the process of rethinking the colonial past in the Federal Republic of Germany as a part of ideological support for the FRG's foreign policy on the African direction. The article examines how the debate over Germany's colonial past has evolved in recent years, and how the intensification of the debate affects the government's policy towards African countries. The conclusion is that Berlin's address to this topic so far rarely goes beyond academic and socio-political debate, while the tangible steps of the government remain mostly at the level of declarative intentions. While expressing willingness to admit responsibility for the destruction wrought, the authorities of the Federal Republic of Germany seek to maintain control over its "monetization," as they fear to get a flow of bills with potentially unlimited sums. Most initiatives are in the first stages of implementation and far from meeting the requests of African states. Germany's colonial history, marked by both crimes against the local population and the infrastructure development of its controlled territories, is a potential resource for engagement with African countries. The importance of Africa for German foreign policy as expected will increase in the future due to economic, demographic and geopolitical factors.

KEYWORDS

German foreign policy, Africa, soft power, colonialism

Authors

Artem Pavlovich Sokolov,

Ph.D. Historical sciences, Research associate,

Center for European Studies at the Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations, Russia, Moscow, 76 Prospect Vernadskogo.

e-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Alexander D. Davydov,

Expert, the Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations, Russia, Moscow, 76 Prospect Vernadskogo.

e-mail: a.davydov@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: June 9, 2022. Revised: August 23, 2022. Accepted: September 21, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Sokolov, Artem P., and Alexander D. Davydov. "Germany's Colonial Policy in Contemporary German Social and Political Discourse." *Journal of International Analytics* 13, no. 3 (2022): 67-78.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-67-78>

Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики

Фадеева Любовь Александровна, ПГНИУ, Пермь, Россия

Контактный адрес: afadeeva2007@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Автор предлагает характеристику политики памяти и политики идентичности как аналитических категорий, формируемых в высококонкурентном поле смыслов и интерпретаций. В качестве методологического подхода используется социальный конструктивизм, представляющий мейнстрим в исследовании политики памяти и идентичности. Однако автор считает необходимым учесть социокультурную рамку действий различных акторов, влияющих на конструирование памяти и идентичности.

Кроме того, методологически новаторским является предложенный И.С. Семененко подход к определению и анализу политики идентичности, который автор поддерживает и применяет к объекту своего исследования. В статье предложено использовать понятие секьюритизации применительно не только к политике памяти, но и к политике идентичности, проводимой Европейским союзом. Конструирование европейской идентичности на базе политики памяти сопряжено с множеством проблем как наднационального, так и национального уровня. В статье речь идет прежде всего о наднациональном измерении политического курса, однако во внимание принимаются и национальные дискурсы политики памяти и идентичности. В этом контексте сами понятия, обладающие категориальной сопряженностью, оказываются связаны с курсами, отличающимися значительной рассогласованностью. Казавшиеся незыблемыми основания политики памяти, сформированные после Второй мировой войны, подвергаются оспариванию со стороны новых стран-членов Европейского союза, что формирует иные практики памяти и забывания. В результате диалоговая память, включающая возможность разных интерпретаций и согласования дискурсов, как основание европейской идентичности уступает место секьюритизации политики памяти и политики идентичности, что предполагает их инструментальное применение для легитимации конкретных политических курсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политика памяти, коллективная память, европейская идентичность, диалоговая память, секьюритизация политики памяти

Сопряженность памяти и идентичности

Память, идентичность, культура тесно переплетены, а в последнее время все чаще политизированы¹. Исследовательское направление – *memory studies* – характеризуется, например, в описании одноименного журнала как исследование такого феномена: «социальные, культурные, когнитивные, политические и технологические сдвиги, влияющие на то, как, что и почему отдельные люди, группы и общества помнят и забывают»². Вместе с тем это научное поле вызывает множество дискуссий по причине его сложности и постоянного расширения объектов исследования – от фокуса на национальной памяти и идентичности до социальных общностей разного типа³. Не будет преувеличением сказать, что создание и развитие Европейского союза сформировало один из важных объектов такого рода.

Исследования коллективной памяти и политики по ее выстраиванию посвящены как отдельным европейским странам, так и памяти Европы в целом⁴. Политика памяти включает в себя государственный и негосударственный (осуществляемый негосударственными акторами) курс по выстраиванию исторической памяти, общих представлений членов политического сообщества о своем прошлом⁵. Одна из важнейших целей такой политики – формирование и поддержание ориентиров коллективной идентичности⁶. Для этого требуется обретение некоего консенсуса по поводу взглядов на собственное прошлое. Для Европы, которую на протяжении веков раздирали конфликты и войны, такой консенсус – дело особенно сложное⁷. В данной статье характеризуется сопряженность политики памяти и идентичности как аналитических категорий и политических курсов, проводимых в Европейском союзе, и определяется характер их согласованности. В методологических подходах к анализу политики памяти и идентичности доминирует социальный конструктивизм, предполагающий влияние социальных и политических акторов на формирование и изменение конструктов памяти и идентичности, которые могут быть использованы в инструментальных целях. Важно учитывать, что акторы действуют в определенных социокультурных и политико-институциональных рамках. В связи с этим столь значима роль культурного контекста в целом и культурной политики в частности.

Представляется не утратившей значения точка зрения, которую высказала английский историк М. Маколи более 10 лет назад: рассуждая о влиянии исторической памяти на европейцев, она отметила, что каждая значительная дата в европейской истории может иметь различное значение и различные интерпретации для наций и государств и что переписывание истории происходит постоянно, поскольку история часто служит политическим целям. Она сфокусировала внимание на том, насколько важно для общества сограждан формирование

1 Erli et al. 2008; Историческая политика 2012.

2 "Journal Description: Memory Studies," SAGE Journals, accessed May 5, 2022, <https://journals.sagepub.com/description/mss>.

3 Васильев 2012.

4 Ассман 2018; Bernhard, Kubik 2014; Malinova 2021.

5 Идентичность 2017, 666.

6 Cerutti, Rudolph 2001; Spohn, Eder 2005.

7 Giesen 2004; Müller 2004; Mälksoo 2009.

среды, «в которой допускаются сомнения и конкурирующие интерпретации»¹. Идеи диалога в политике памяти, диалоговой политики памяти выдвигают и другие исследователи. Так, И.С. Семененко предлагает рассматривать «воспроизводство исторической памяти европейцев как носителей общих ориентиров идентичности», которое оптимально осуществлять в форме диалоговой памяти².

Особая роль в политике памяти неслучайно отводится войнам (и не только мировым) как драматическим событиям, травмирующим все, в том числе и память. Нередко посвященные этим событиям публикации и фильмы (научные / художественные / документальные) имеют в названиях определения «неизвестная», «забытая», «утраченная», что подчеркивает различия в подаче материала и интерпретации событий. Первую мировую войну в Британии и Франции предпочитают называть Великой, в отличие от Германии и ряда других стран. В СССР ее характеризовали как империалистическую, а современные исследователи называют «утраченной» (И.И. Глебова). В Венгрии до сих пор «Трианон» – символ потерь, которые венгры считают самыми крупными и болезненными из кем-либо когда-либо пережитых в мировой истории. «Трианон», как и «Версаль», символизирует противоречивость результатов войны и памяти как коллективного феномена³.

Во всех документах Европейского союза декларируется важность памяти о Второй мировой войне как всечеловеческой трагедии, уроки которой необходимо усвоить, чтобы никогда ее не повторить. Выстраивание соответствующего исторического нарратива происходило на протяжении длительного времени и в значительной мере совпадало с усилиями по формированию (конструированию) европейской идентичности. С целью усиления европейской составляющей в идентичности граждан государств – членов ЕС в Европе предпринят комплекс разнонаправленных мер, институциональных и символических. Институциональные рамки задали учредительные договоры и акты Европейского союза, программные документы, реализующие мероприятия в рамках направлений совместной политики государств – членов ЕС, однако их потребовалось усилить с помощью культурной политики.

Актуализация политики идентичности в Европейском союзе

Лидеры ЕС неоднократно указывали на тесную связь европейской культуры и европейской идентичности. Многократно процитированы известные фразы флагманов европейской интеграции Ж. Монне – «Если бы было надо начинать [европейскую интеграцию – Л.Ф.], я бы начал с культуры» – и Ж. Делора – «Поднимая вопрос о культурном измерении Европы, вы одновременно поднимаете вопрос о европейской идентичности или идентичностях»⁴. Впрочем, от таких деклараций до имплементации провозглашаемых ценностей и идей обычно путь небыстрый и нелегкий. Активизация политики утверждения и укрепления европейской идентичности, актуализация политики памяти и масштабная поддержка

1 Маколи 2011, 147.

2 Семененко 2018.

3 Фадеева, Плотников 2019, 214.

4 Fadeeva 2022, 313.

соответствующей культурной политики пришлось на новый подъем интеграционного процесса (1985–2004).

Разговор о выстраивании европейской идентичности как политического курса обычно начинают с того, что в декабре 1973 г. девять министров иностранных дел стран – членов Европейских сообществ подписали Декларацию европейской идентичности¹. В этой декларации утверждается, что, несмотря на вражду и конфликты в прошлом, сегодня европейские страны имеют общие цели и интересы, именно поэтому они смогли объединиться в единую организацию, фундаментальными принципами которой являются демократия, закон и права человека. 26 июня 1984 г. на саммите в Фонтенбло был предложен ряд мер, чтобы усилить европейскую идентичность. Эти меры носили как инструментальный, так и символический характер. Они включали взаимное признание дипломов о высшем и профессиональном образовании (1985); установление соответствия профессиональных стандартов в европейских государствах, участвующих в интеграции, в ряде профессий и сфер²; введение единого европейского паспорта; принятие в 1986 г. единых символов Европейских сообществ – флага и гимна. Значительные усилия были направлены на развитие единого образовательного пространства. С 2001 г. 26 сентября ежегодно отмечается Европейский день языка. Специально ориентирована на развитие европейской идентичности программа «Европа для граждан» (*Europe for citizens*). Исследователи, публицисты, активисты включились в дискуссию о европейской идентичности как многоплановом и многоуровневом феномене. Споры обострились в процессе обсуждения Конституции ЕС и прошедших по этому поводу референдумов³. И дискуссия, и итоги референдумов показали, что предлагаемый Брюсселем вариант политики был оценен европейской общественностью неоднозначно, вызвав упреки в том, что он может угрожать национальной идентичности и национальной культуре.

Это объясняет то обстоятельство, что после Маастрихта дополнительную институциональную и финансовую поддержку получила в ЕС именно культурная политика⁴. Культурная манифестация европейской идентичности оказалась полезной в продвижении политики идентичности как широкого общественного проекта. Смещение акцента с политических на культурные компоненты курса по формированию европейской идентичности дало положительный результат, и большинство европейцев связывают политику идентичности ЕС с новой культурной политикой. Социокультурные основания европейской идентичности важны в связи с тем, что, по опросам общественного мнения, культура и культурные факторы занимают приоритетное место в системе ценностей европейцев. 80% граждан ЕС считают необходимым культурное сотрудничество в Европе при

1 Декларация европейской идентичности, обнародованная девятью министрами иностранных дел 14 декабря 1973 в Копенгагене // CVCE [Электронный ресурс]. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (дата обращения: 18.05.2022).

2 Обердорфф 2001, 21.

3 Alain Badiou, "The European Constitution," Lacan, May 18, 2005, accessed June 29, 2022 <https://www.lacan.com/badeu.htm>; Zygmunt Bauman, "Quo vadis, Europa?," OpenDemocracy, June 2, 2014, accessed June 27, 2022, <https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/quo-vadis-europe/>.

4 Stoicheva 2016.

сохранении наследия национальной культуры¹. Многие исследователи полагают, что усилия по укреплению социокультурных оснований идентичности способствовали «распространению европейской идентичности не только на уровне элит, но и на уровне обычных граждан»².

Европейский взгляд на политику идентичности как *politics of belonging*

Исследователи из стран ЕС стремятся отделить курс на выстраивание европейской идентичности от пришедшего из США научного и публичного дискурса, нацеленного на интерпретацию политики идентичности как защиты маргинализованных / девиантных групп (что не означает отказа от такого понимания).

Поиски новых научных категорий направлены на обозначение европейской идентичности на основе общей памяти, системы ценностей и культурного наследия. Одной из таких категорий является понятие *politics of belonging*, которое должно помочь преодолеть «диссонанс» исторического наследия, политик памяти в разных странах и тем самым способствовать реальной интеграции.

«Наследие и память как тесно связанные понятия имеют большое значение для нашего мира и европейского общества сегодня. Современная Европа стоит перед лицом политических, экономических, социальных и гуманитарных вызовов, влияющих на то, как люди справляются со своим прошлым и как они строят свою идентичность», – отмечают авторы коллективной монографии о политике памяти и сохранении исторического наследия³. Они используют как ключевое понятие «диссонанс наследия», полагая, что этот концепт «позволяет понять, как используется прошлое в современных ситуациях, несмотря на то что диссонанс понимается как некомфортное чувство дисгармонии, неловкости и конфликта»⁴. В соответствии с разъяснением авторов, политика принадлежности больше относится к желанию человека принадлежать к какому-то сообществу, что отличает ее от политики идентичности как социального конструкта. И в то же время, по их мнению, и та, и другая политики являются важной частью более общей интеграционной политики ЕС. Этим их подход отличается от того понимания принадлежности и политики принадлежности, которое предложила Н. Юваль-Дэвис, включая эти понятия в контекст глобализации, неолиберализма и выбирая в качестве измерений свойственные для классической интерпретации политики идентичности гендерные и расовые проблемы⁵.

Рассматривая как наследие и материальные, и нематериальные памятники, авторы особенно высоко оценивают открытие в 2017 г. в Брюсселе Дома европейской истории, который должен был воплотить общие основания истории Европы и предложить дискурс интерпретаций европейского прошлого. Однако сразу после открытия развернулась дискуссия по поводу политизированности

1 "European Year of Cultural Heritage 2018: why it is important," News European Parliament, January 11, 2018, accessed June 27, 2022, <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/eu-affairs/20180109STO91388/european-year-of-cultural-heritage-2018-why-it-is-important>.

2 Котта 2017, 190.

3 Lähdesmäki et al. 2019, 1.

4 Ibid., 13.

5 Yuval-Davis 2011.

экспозиции музея – это не музей истории, а музей пропаганды, поскольку в нем представлена одна, одобренная официально Европейскими институтами, интерпретация истории.

Свое понимание политики идентичности, предложенное в книге о диссонансе европейского наследия, развили финские авторы в монографии о культурных проектах в ЕС, которые помогают обрести чувство принадлежности и обеспечить эффективность политики принадлежности¹. Эта книга – хороший пример исследования диалоговой памяти, корректного выстраивания европейской идентичности. Итак, введение новых терминов не есть выработка единого подхода, а только создание еще более сложного инструментария анализа.

Смыслообразующие конструкты политики памяти о Второй мировой войне

Один из самых болезненных и важных аспектов европейской политики памяти связан с проблемой коллективной ответственности немцев за преступления гитлеровской диктатуры. Преодоление, искупление, покаяние, культурная травма – именно в таких категориях шло обсуждение этой темы². В результате усилий публичных интеллектуалов – историков, философов, политиков, представителей различных групп немецкого общества – были выработаны историческая политика, государственная политика в области образования, процедуры и технологии коммеморации (публичных актов «вспоминания»)³. В 2005 г. в самом центре Берлина был воздвигнут центральный немецкий Мемориал жертвам Холокоста в память о евреях, убитых в Европе. В восточных землях пост-объединенной Германии места памяти были реконструированы в соответствии с западными представлениями и стандартами. Были снесены многочисленные памятники социалистического прошлого, закрыты марксистско-ленинские институты и переименованы улицы. Правда, как отмечает Ю. Шеррер, «ландшафт немецкой памяти дает порой трещины»⁴, но все же государственная политика памяти позволила ФРГ занять свое место в европейском сообществе. Холокост был центральной темой и в ней, и в образовательной политике ФРГ⁵.

На основе опыта ФРГ была сформирована общеевропейская политика памяти о Второй мировой войне с признанием Холокоста символом общей ответственности, с институционализацией памяти о Холокосте посредством создания и развития музеев и мемориальных комплексов, в которых представлен широкий круг документальных свидетельств и средств эмоционального воздействия. В 1990-е гг. была создана рабочая группа по международному сотрудничеству в области преподавания, изучения и по увековечению памяти о Холокосте. 27 января 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН объявила Между-

1 Lähdesmäki et al. 2021.

2 Борозняк 1999.

3 Борозняк 2014; Шеррер 2009.

4 Ibid.

5 Однажды в общении с молодыми немецкими коллегами в Берлине я выяснила, что они не знают ни Фридриха Великого, ни Гогенцоллернов. Они раздраженно реагировали на мое недоумение: «Нас этому не учили. Нас учили только Холокосту». Я сочла возможным воспроизвести данный эпизод во время одной из публичных дискуссий по исторической политике, организованной немецким журналом "Osteuropa", и хотя никто не сделал мне замечания, из текста моей публикации в сборнике по итогам дискуссии соответствующий фрагмент оказался вычеркнутым.

народным днем Холокоста, который должен отмечаться ежегодно. Как подчеркивает Д.В. Ефременко, ключевой темой политики памяти стала именно коллективная память о Холокосте, а «основной задачей – проработка трагического опыта Второй мировой войны и преступлений нацизма. На основе осознания коллективной вины и ответственности европейских народов (включая и население оккупированных нацистами территорий) за трагедию Холокоста становилось возможным формирование консолидирующего исторического нарратива. Тем самым Холокост должен был стать нитью, связывающей общеевропейский исторический нарратив XX в. в одно целое»¹. «Старая Европа» полагала, что такое единство позиций сохранится и при масштабном расширении ЕС в 2004 г.²

Начиная с 1990-х гг. в ЕС предпринимались усилия к тому, чтобы прописать общеевропейскую историю не только как реализацию Европейской идеи, но и как общее пространство памяти. Возникшие проблемы в такого рода исторической политике объясняются рядом обстоятельств. Если «старые» члены ЕС высказывали опасения за свою национальную историю и идентичность, которая может быть поглощена наднациональной общеевропейской, то еще больше разногласий выявилось в прочтении, интерпретации, историческом нарративе между странами «старой» и «новой» Европы.

Иные алгоритмы политики памяти: опыт *East Central Europe*

Алгоритмы политики памяти выстраивались в странах *East Central Europe* (их граждане не любят называться восточноевропейскими, поскольку Восточная Европа ассоциируется в их общественном сознании с проигравшими в холодной войне³) совершенно иначе. В балтийских странах и Польше доминирующим вектором стало выстраивание негативной политической идентичности на основе противостояния Другому в лице России. Утверждение собственного суверенитета происходило здесь на основе размежевания с Россией, образ которой целенаправленно связывался и продолжает связываться с наследием СССР и наделяется сугубо негативными коннотациями. Осью их политики памяти стал виктимизм – представление своих стран как жертв двух тоталитарных диктатур (острый на язык американский журналист Ф. Тэйпун определяет такую модель памяти как «нацистско-советский сэндвич»)⁴.

К. Эдер называет Европу лабораторией нарратива⁵. Он, разумеется, прав, только общеевропейский нарратив существенно меняется под влиянием новых стран – членов ЕС. «В странах Восточной Европы этот нарратив [культурной травмы – Л.Ф.] стал доминирующим на рубежах нового тысячелетия, – констатирует И.С. Семененко. – Память оказывается ареной ожесточенной “борьбы за

1 Политика памяти 2020.

2 Касьянов, Г. Единый учебник истории ЕС и своя правда Восточной Европы // Московский центр Карнеги. 12 апреля 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75960> (дата обращения: 20.12.2021).

3 Taron 2012.

4 Ibid.

5 Eder, Carlson 2020.

идентичность”, а практики коммеморации (увековечивания памяти) – ключевым инструментом государственной политики идентичности»¹.

В случае «скрытой Европы» (по Ф. Тэйпону) политика памяти и выстраиваемая на ее основе политика идентичности имели несколько целей, но одно направление. Прежде всего необходимо было изменить исторический нарратив: как предельно четко сформулировала М. Мальксоо при анализе документального фильма “*Soviet Story*”, созданного на средства группы депутатов Европейского парламента, надо разрушить нарратив, будто «добрые союзники побили злых нацистов»².

Польша после вступления в 2004 г. в Евросоюз явилась инициатором обсуждения вопроса о том, что страны Восточной Европы стали жертвами двух тоталитарных режимов: нацистского и советского. Результатом стала резолюция ПАСЕ «Необходимость международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов», принятая 25 января 2006 г. «Политические и культурные элиты бывшей Восточной Европы теперь не просто объясняли, они требовали признания своих стран жертвой коммунизма, фактически претендуя на особый статус. Более того, они в некотором смысле противопоставляли себя бывшей “Старой Европе”: она ведь пострадала только от нацизма, а мы – двойная жертва: и нацизма, и коммунизма», – так объяснял ситуацию украинский историк Г. Касьянов.³

Это нашло отражение в символической политике Польши и балтийских стран, где были введены новые праздники и памятные даты, чтобы напомнить об этих жертвах. Начиная с 2011 г. в Польше 1 марта отмечается «день проклятых солдат» – участников антикоммунистической борьбы и борьбы против нацистов как в период Второй мировой, так и во времена существования «социалистической» Польши. День приурочен к вынесению смертного приговора 1 марта 1951 г. семи участникам подпольной антикоммунистической организации «Свобода и независимость»⁴. В Латвии 8 мая отмечается «День победы над нацизмом и день памяти жертв Второй мировой войны»⁵, 25 марта официальная Рига отмечает как «День памяти жертв коммунистического геноцида»⁶. Введены наказания за «приписывание» политики Холокоста лидерам и населению этих стран. В них созданы музеи, где рассказывается о жестокостях не столько фашистского, сколько советского режима – Музей Террора в Венгрии, Музей оккупации Латвии, Музей жертв геноцида (КГБ) в Эстонии, Мемориал жертв коммунизма и сопротивления в Румынии. «Институты национальной памяти» (Комиссия по расследованию преступлений против польского народа, Институт по расследованию коммунистических преступлений в Румынии и т.п.), специальные исторические общества и ассоциации, разнообразные медийные программы призваны поддержать то, что, по меткому выражению С.М. Маркедонова, можно отнести к направлению «научного национализма»⁷.

1 Семеновко 2018.

2 Mälksoo 2018.

3 Касьянов, Г. Единый учебник истории ЕС и своя правда Восточной Европы.

4 Воронцов, В. День памяти «проклятых солдат» в Польше // Regnum. 4 марта 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2584726.htm>. (дата обращения: 12.05.2022).

5 Латвия отмечает День поражения нацизма и памяти жертв Второй мировой войны // ТАСС. 8 мая 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4238573>. (дата обращения: 12.05.2022).

6 День памяти жертв коммунистического геноцида в Латвии // Календарь праздников. [Электронный ресурс]. URL: <https://dailyevent.ru/latviya>. (дата обращения: 12.05.2022).

7 Маркедонов et al. 2020.

Акцент в политике памяти на преступлениях коммунистических режимов в странах ЦВЕ сопряжен с вытеснением из коллективной памяти роли СССР в победе над фашизмом. Эта политика дает результаты: все меньше европейцев считают советский вклад в победу ключевым, все больше склонны приписывать главную роль англо-американским союзникам¹.

Политика памяти и идентичности не менее активно используется лидерами ЦВЕ в геополитическом контексте как важный политический инструмент в обосновании своих претензий, в торге с руководством ЕС и с элитами стран «Старой Европы», как отмечает А.И. Миллер, чтобы добиться «преимуществ или компенсации за прежние несправедливости»². Политические лидеры этих стран чувствуют себя все уверенней и достигают успеха в противостоянии европейскими тяжеловесами по разным вопросам, а виктимизация превращается в политическую стратегию³.

Разнообразие исторических нарративов в современной Европе

Некоторые нарративы – как восточноевропейский, так и западноевропейский – находятся в прямом столкновении в отношении к войне. Д.В. Ефременко справедливо замечает, что новые члены ЕС способны «пересилить» старый европейский нарратив о Холокосте в политическом контексте, но в историческом это создает значительные коллизии и может провоцировать новые «войны памяти»⁴. Нет единого исторического нарратива в странах, переживших опыт фашизма и авторитаризма. Если в ФРГ этот нарратив был четко выстроен уже к началу 1990-х гг., то в Италии отсутствует однозначно негативное отношение к Муссолини и его политике. Кинематографическое воплощение молодого Муссолини А. Бандерасом («Его звали Бенито», 1993 г., режиссер Дж. Кальдерони) – лишь одна из иллюстраций такой неоднозначности, но весьма показательная.

«Говорят, что победители пишут историю, – замечает наблюдательный Ф. Тэйпун. – Это не значит, что проигравшие должны читать или помнить ее. Они расскажут своим детям, как все было на самом деле»⁵. «Современные сложно устроенные общества производят разную память об одних и тех же событиях, – констатирует исследователь политики памяти и символической политики О.Ю. Малинова. – При этом в отличие от истории, стремящейся к объективной реконструкции событий, коллективная память характеризуется принципиальной неполнотой и избирательностью»⁶. Исследователь объясняет особую остроту и болезненность споров об истории тем, что идентичности групп нередко опираются на разные мифы об одних и тех же исторических событиях, мнемонические конфликты воспринимаются особенно эмоционально и нередко с успехом используются для конструирования “другого” как “врага” и в целях негативной мобилизации»⁷.

Как уже отмечалось, не только Вторая, но и Первая мировая война оставила разные следы в памяти народов. В исторической и символической политике

1 Фадеева, Плотников 2019.

2 Политика памяти 2020, 10.

3 Malinova 2021.

4 Политика памяти 2020, 71–72.

5 Тароп 2012, 12.

6 Политика памяти 2020, 28.

7 Ibid., 31.

Венгрии память о Трианоне занимает значительно больше места, чем об участии страны во Второй мировой войне, которое оценивается неоднозначно¹. (Карты, на которых отражены территориальные потери Венгрии в XX в., напечатаны большими тиражами и представлены не только в музеях, но даже в пабах и общественном транспорте). В Австрии национальный музей – Дом истории Австрии – был открыт только в 2018 г., к 100-летию основания Первой республики. Выставка в честь открытия была названа «Отправление в неизвестность – Австрия с 1918 года» и призвана представить «противоречивый век австрийской истории».

Еще одно измерение коллективной памяти и политики памяти – постколониальное. Колониальное прошлое обычно характеризуют в политике памяти применительно к крупным империям – Британской или Французской. Однако исследователи считают, что оно имеет значение и для других стран и обществ. Так, анализируя «северную идентичность» скандинавских стран, они обнаружили постимперский синдром Швеции и Дании, память о подчиненном положении как части империи в Финляндии и Норвегии. Характерной особенностью *“Nordic Identity”* считают то, что «к своему общему прошлому сами скандинавы относятся с долей здорового критицизма и не пытаются сгладить или вычеркнуть из истории междоусобные войны, конфликты и периоды, когда одна из стран находилась под властью другой против своей воли»². В других случаях память о великом прошлом питает национальные чувства, гордость, подогревая претензии на более значимую роль сегодня. Это относится, например, к Литве, в которой история Великого княжества Литовского хорошо известна и почитаема: «Литовцы помнят, что Литва простиралась от Балтийского до Черного морей, молодежь знает эту историю и гордится ею»³. В поведении литовских политиков это тоже находит отражение.

Политика памяти оказывается секьюритизирована, когда «мнемонические бойцы» «настаивают не столько на том, что их нарратив полон и достоверен, сколько на своем праве считать так, а не иначе», – считает А.И. Миллер, рассказывая, в частности, и о своей профессиональной трансформации, которая выразилась в переходе от нормативного подхода к политике памяти к пониманию того, что настаивать на исторической достоверности равнозначно вступлению в войну интерпретаций и смыслов⁴. Участники дискуссии зачастую считают необходимым «защитить свою идентичность как основу дееспособности политического актора».

Политика идентичности: конкуренция интерпретаций и курсов

Выделяя «политику памяти как ключевое направление проводимой сегодня национальным государством политики идентичности»⁵, И.С. Семенов предлагает новое понимание категории «политика идентичности» как «деятельности субъектов политического процесса по формированию и поддержанию... макрополитической идентичности»⁶. Это существенно отличается от распространившейся благодаря

1 Rev 2018.

2 Berger 2016.

3 Тарон 2012, 66–71.

4 Политика памяти 2020, 10–35.

5 Семенов 2020, 16.

6 Идентичность 2017, 645.

американской традиции трактовки политики идентичности как борьбы социально ущемленных групп (расовых, гендерных, сексуальных) за свои права и идентичность. Члены этих групп, отстаивая свою идентичность, консолидируются в сообщества и настаивают на закреплении своей особой идентичности законодательно. В сфере этнонациональных отношений это нашло выражение в продвижении преференциальной политики и «позитивной дискриминации» (*affirmative action*)¹.

Начиная с 2012 г. в ЕС серьезные усилия затрачиваются для защиты сексуальных меньшинств и их идентичности². В ходе политических дебатов 2021 г. к числу фундаментальных ценностей, таких как равенство, уважение и толерантность, лидерами Европейского союза была отнесена защита прав сексуальных меньшинств. Новый план по защите сексуальных меньшинств состоит из четырех пунктов: «обуздание дискриминации», «укрепление безопасности» *LGBTIQ+*, «создание инклюзивного общества» (максимально комфортных условий для вовлечения секс-меньшинств в общественную жизнь) и «ведение этой борьбы за права *LGBTIQ+* во всем мире»³. Важным направлением такой политики является борьба против тех, кто не признает эти ценности в качестве европейских; прежде всего это относится к венгерским и польским политическим лидерам, которые ссылаются на значимость традиционных ценностей для сохранения национальной идентичности их стран и проводят политику, ограничивающую права *LGBTIQ+*, в особенности пропаганду их идентичности. И Польша, и Венгрия представляют себя в качестве современных крестоносцев, которые отстаивают христианские ценности в борьбе против нехристианских паттернов поведения *LGBTIQ+* европейцев, а также массового наплыва мигрантов, грозящих уничтожить европейскую идентичность⁴. Отметая упреки в том, что он тащит страну в темное средневековье, В. Орбан после триумфальной победы на парламентских выборах в апреле 2022 г. торжественно заявил: «Мы одержали крупную победу. Ее видно даже с Луны, и точно – из Брюсселя. Христианские демократы, буржуазные консерваторы, патриотическая политика победили. Мы посылаем сообщение Европе, что это не прошлое, это будущее»⁵.

Такой политический курс скорее соответствует более широкой трактовке политики идентичности, которая используется в политическом дискурсе⁶, но востребована и политической наукой⁷. Тенденции последнего времени в осуществлении лидерами Европейского союза политики идентичности дают основания говорить, что она подвергается секьюритизации, подобно политике памяти, в силу их состязательности и высокой конкурентности. Секьюритизация полити-

1 Курилла 2021.

2 Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в Европе // Издательство Совета Европы. Март 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/t/Commissioner/Source/LGBT/LGBTStudy2011_Russian.pdf. (дата обращения: 18.07.2022).

3 *LGBTIQ+* обозначает включение в категорию сексуальных меньшинств квир-общности, а + предполагает возможное расширение категории. Именно такая аббревиатура используется сейчас в ЕС.

4 Традиционные ценности 2021.

5 *Лакстыгал, И., Мишутин, Г.* Как Виктор Орбан победил на выборах в Венгрии. Оппозиция не смогла найти столь же яркого лидера // Ведомости. 4 апреля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/04/04/916519-kak-viktor-orban-pobedil>. (дата обращения: 17.05.2022).

6 *Пташкина, Е.* Конспект открытого интервью посла Европейского Союза в России // Европейский диалог. 2 ноября 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2018/11/02/snob-konspekt-otkrytogo-intervyu-posla-evropejskogo-soyuza-v-rossii/>. (дата обращения: 17.05.2022)

7 Семененко 2016; Капицын 2018; Мчедлова, Казаринова 2020.

ки памяти объясняет ожесточенность полемики, переходящей в войны памяти (в последнее время и войны в отношении памятников). Секьюритизация политики идентичности проявляется в переводе представлений о ценностных основаниях политического сообщества в разряд категорий безопасности, а дискуссии о подобных основаниях – в политические дебаты об угрозах и необходимости борьбы против тех, кто эти угрозы создает. Конкурентность ценностных оснований политики идентичности проявляется как внутри стран – членов ЕС, так и между ними (в частности, заметный феномен представляют собой идентитаристы¹).

Секьюритизация идентичности трактуется в исследованиях, начиная с копенгагенской школы, как дискурсивный процесс, в котором актор делает заявление об угрозе со стороны значимого Другого. На наш взгляд, политика идентичности как политический курс, осуществляемый на уровне ЕС и включающий дискурсивные практики, подкрепленные политически, приобретает в качестве составных элементов определение ключевых угроз по отношению к коллективной идентичности, предложение вариантов реакции на такие угрозы. В таком случае политика идентичности переводит представления о ценностных основаниях политического сообщества в разряд категорий безопасности, а дискуссии о подобных основаниях – в политические дебаты об угрозах и необходимости борьбы против тех, кто эти угрозы создает².

Политика памяти и политика идентичности связаны и как аналитические категории, и как политические курсы. Политика памяти, проводимая Европейским союзом на наднациональном уровне, призвана была сформировать консолидирующие основания европейской идентичности. Европейский союз стал лабораторией исторического нарратива, в которой проводились эксперименты в отношении коллективной памяти.

Если вернуться к *memory studies*, к определению того, что и почему должны помнить, а что забыть современные европейцы, то ход этих экспериментов привел к тому, что помнить они должны о преступлениях тоталитарных режимов, рассматриваемых исключительно в качестве внешнего фактора европейской истории. Забыть же оказалось необходимо старый нарратив о победе антифашистской коалиции над странами Стального пакта, поскольку совместить эти нарративы невозможно.

Секьюритизация политики памяти закономерно повлекла за собой и секьюритизацию политики идентичности со стороны лидеров ЕС, когда фокус делается на угрозах европейским ценностям со стороны внешних политических акторов и необходимости жестко противостоять таким угрозам. Однако не все ценности, провозглашаемые как общеевропейские, разделяются и внутри ЕС. Таким образом, вместо консолидации может нарастать напряжение, а сопряженные понятия оказываются воплощены в рассогласованных практиках.

1 Marion Jacquet-Vaillant, "An Identitarian Europe? Successes and Limits of the Diffusion of the French Identitarian Movement," *Illiberalism*, May 24, 2021, accessed June 14, 2022, <https://www.illiberalism.org/an-identitarian-europe-successes-and-limits-of-the-diffusion-of-the-french-identitarian-movement/?fbclid=IwAR1RGdLPe58aPAHBvO066g6fncgMa>.

2 Фадеева 2021.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Assmann, A. *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. Moscow: New Literary Review, 2018 [In Russian].
- Борозняк, А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? – М.: Независимое издательство «Пик», 1999.
- Boroznyak, Alexander I. *Iskuplenie. Nuzhen li Rossii germanskii opyt preodoleniya totalitarnogo proshlogo?* Moscow: Nezavisimoe izdatel'stvo «Pik», 1999 [In Russian].
- Борозняк, А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX века и начала XXI века. – М.: Политическая энциклопедия, 2014.
- Boroznyak, Alexander I. *Zhestokaya pamyat'. Natsistskii reikh v vospriyatii nemtsev vtoroi poloviny XX veka i nachala XXI veka*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014.
- Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5 (117). – С. 461–480.
- Vasiliev, Aleksey. "Memory Studies: Paradigm Unity – Object Variety". *New literary review*, no. 5 (117) (2012): 461–480 [In Russian].
- Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание. / под ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017.
- Identichnost'. Lichnost'. Obshchestvo. Politika*, edited by Irina S. Semenenko. Moscow: Ves' mir, 2017 [In Russian].
- Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера и М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Istoricheskaya politika v XXI veke*, edited by Aleksey Miller, and Maria Lipman. Moscow: New Literary Review, 2012 [In Russian].
- Котта, М. Европейская идентичность: вызовы современности // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 184–193.
- Kotta, Maurizio. "Evropejskaya identichnost': vyzovy sovremennosti.". In *Identichnost'. Lichnost'. Obshchestvo. Politika*, edited by Irina S. Semenenko, 184–193. Moscow: Ves' mir, 2017 [In Russian].
- Курилла, И.И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. – М.: Альпина Паблишер, 2021.
- Kurilla, Ivan I. *Bitva za proshloe. Kak politika menyaet istoriyu*. Moscow: Al'pina Pablisher, 2021 [In Russian].
- Маколи, М. Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. – 2011. – Т. 15. – № 1–2 (51). – С. 134–149.
- McAuley, Mary. "Historical Memory and the Community of Citizens." *Pro et Contra* 15, no. 1–2 (51) (January – April, 2011): 134–149 [In Russian].
- Маркедонов, С.М., Шнирельман, В.А., Фадеева, Л.А., Граля, Х., Липман, М.А., Тесля, А.А. Дискуссия о книге «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» // Новое прошлое. – 2020. – Т. 3. – С. 256–302. <http://www.doi.org/10.18522/2500-3224-2020-3-256-302>.
- Markedonov, Sergey M., Victor A. Shnirelman, Lyubov A. Fadeeva, Hieronim Grala, Maria A. Lipman, and Andrey A. Teslya. "Discussion of the Book 'The Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, Institutes, Narratives.'" *The New Past*, no. 3 (2020): 256–302 [In Russian].
- Мчедлова, М.М., Казаринова, Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13–35. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>
- Mchedlova, Maria. M., and Kazarinova Daria B. "The Identity Politics: Competition of New Theoretical Meanings and Political Strategies." *Political science*, no. 4 (2020): 13–35 [In Russian].
- Обердорфф, А. Политическое становление Европы // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. – Минск, 2001.
- Oberdorff, Henri. "Politicheskoe stanovlenie Evropy." In *Evropejskaya integratsiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy*. Minsk, 2001.
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.
- Politika Pamyati v Sovremennoj Rossii i Stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, Instituty, Narrativy*, edited by Aleksey I. Miller, and Dmitry V. Efremento. St. Petersburg: EUSP Press, 2020 [In Russian].
- Семенов, И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 11. – С. 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>.
- Semenenko, Irina S. "History on the Frontline of Identity Politics." *World Economy and International Relations* 62, no. 11 (2018): 65–76 [In Russian].
- Семенов, И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>.
- Semenenko, Irina S. "Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context." *Polis. Political Studies*, no. 4 (2016): 8–28 [In Russian].
- Семенов, И.С. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 5. – С. 6–32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32>.
- Semenenko, Irina S. "New Dimensions of Identity Politics: Contested Memories in History Museums of the 20th Century." *World Economy and International Relations* 64, no. 5 (2020): 16–32 [In Russian].
- Традиционные ценности в меняющемся мире: Северная Америка, Западная и Восточная Европа / гл. ред. Д.Б. Вершинина. – СПб.: Маматов, 2021. – 272 с.
- Traditsionnye tsennosti v menyayushchemsya mire: Severnaya Amerika, Zapadnaya i Vostochnaya Evropa*, edited by Daria. B. Verшинina. St. Petersburg: Mamatov, 2021 [In Russian].
- Фадеева, Л.А. Современные вызовы политики идентичности в ЕС // Современная Европа. – 2021. – № 7. – с 18–26. <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>.
- Fadeeva, Lyubov. "Contemporary Policy Challenges Identity in the EU." *Contemporary Europe*, no. 7 (December 31, 2021): 18–26 [In Russian]. <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>.

Фадеева, Л.А., Плотников, Д.С. Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток. – М.: Научный консультант, 2019. – С. 213–238.

Fadeeva, Lyubov A., and Dmitry S. Plotnikov. "Opyt mirovykh voyn v politike identichnosti i vystraivaniy strategii bezopasnosti: Rossiya, ES i Blizhnii Vostok, 213–238. Moscow: Nauchnyi konsultant, 2019 [In Russian].

Шеррер, Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // Pro et Contra. – 2009. – Т. 13. – № 3–4 (46). – С. 89–108.

Scherer, Jutta. "Germany and France: Processing the past." *Pro et Contra* 13, no. 3–4 (46) (May – August, 2009): 89–108 [In Russian].

Berger, Stefan. "Nordic National Histories in Comparative European Perspective." *Historisk Tidsskrift* 95, no. 1 (April, 2016): 67–96. <https://doi.org/10.18261/issn.1504-2944-2016-01-04>

Bernhard, Michael, and Jan Kubik, eds. *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press, 2014. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1207308>

Cerutti, Furio, and Enno Rudolph, eds. *A Soul for Europe: On the Political and Cultural Identity of the Europeans*. Leuven: Peeters, 2001.

Eder, Klaus, and Sören Carlsson. "Europe As a Narrative Laboratory. Klaus Eder on European Identity, Populist Stories, and the Acid Bath of Irony." *Culture, Practice & Europeanization*, 5, no. 1 (August, 2020): 102–117.

Erll, Astrid, and Ansgar Nünning, eds. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter, 2008. <https://doi.org/10.1515/9783110207262>

Fadeeva, Liubov. "EU-Russia Cultural Relations and Identity Politics." In *The Routledge Handbook of EU-Russia Relations*, edited by Tatiana Romanova, Maxine David. Routledge, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781351006262-33>

Giesen, Bernhard. *Triumph and Trauma*. Boulder: Paradigm Publishers, 2004.

Lähdesmäki, Tuuli, Luisa Passerini, Sigrid Kaasik-Krogerus, and Iris van Huis, eds. *Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-11464-0>.

Lähdesmäki, Tuuli, Katja Mäkinen, Viktorija L. A. Čeginskas, and Sigrid Kaasik-Krogerus. *Europe from Below: Notions of Europe and the European among Participants in EU Cultural Initiatives*. Brill, 2021.

Malinova, Olga. "Politics of Memory and Nationalism." *Nationalities Papers* 49, no. 6 (November, 2021): 997–1007. <https://doi.org/10.1017/nps.2020.87>

Mälksoo, Maria. "A Baltic Struggle for a "European Memory": The Militant Mnemopolitics of The Soviet Story." *Journal of Genocide Research* 20, no. 4 (2018): 530–544. <https://doi.org/10.1080/14623528.2018.1522828>

Mälksoo, Maria. "The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe." *European Journal of International Relations* 15, no. 4 (December, 2009): 653–680. <https://doi.org/10.1177%2F1354066109345049>

Müller, Jan-Werner, ed. *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491580>

Rév, István. "Liberty Square, Budapest: How Hungary Won the Second World War." *Journal of Genocide Research* 20, no. 4 (2018). <https://doi.org/10.1080/14623528.2018.1522820>

Spohn, Willfried, and Klaus Eder. *Collective Memory and European Identity*. London: Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315259956>.

Stoicheva, Maria. *European Identity. Theoretical Dilemmas and Analytical Approaches*. Sofia: Sofia University, 2016.

Tapon, Francis. *Hidden Europe: What Eastern Europeans Can Teach Us*. S.-F.: WonderLearn, 2012.

Yuval-Davis, Nira. *The Politics of Belonging. Intersectional Contestations*. London: Sage, 2011. <https://doi.org/10.4135/9781446251041>.

Сведения об авторе

Любовь Александровна Фадеева,

д.и.н., профессор кафедры политических наук историко-политологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, город Пермь, ул. Букирева, 15.

e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 марта 2022.

Переработана: 30 апреля 2022.

Принята к публикации: 14 июня 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Фадеева, Л.А. Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики // *Международная аналитика*. – 2022. – Том 13 (3). – С. 79–93. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-79-93>

Memory and Identity Politics in the European Union: Related Concepts, Disparate Practices

ABSTRACT

The author characterizes memory politics and identity politics as analytical categories formed in a highly competitive field of meanings and interpretations. The methodological approach is social constructivism, which represents the mainstream in the study of memory and identity politics. However, the author considers it necessary to take into account the socio-cultural framework of actions performed by various actors that shape memory and identity. In addition, sharing the methodologically innovative approach advanced by I.S. Semenenko to the definition and analysis of identity politics, the author applies it to the object of her research. The article proposes using the concept of securitization to study not only the politics of memory, but also the identity politics pursued by the European Union. The shaping of a European identity on the basis of memory politics involves many problems, both supranational and national. This article deals primarily with supranational policy, but national discourses of memory and identity politics are also taken into account. In this context, the concepts per se, which have categorical conjugacy, turn out to be associated with courses characterized by considerable discord. The seemingly unshakable foundations of memory politics, established after World War II, are being challenged by the new member states of the European Union, shaping different practices of remembrance and forgetting. As a result, implying the possibility of different interpretations and harmonization of discourses, dialogical memory as the foundation of European identity is giving way to the securitization of memory politics and identity politics, which means their instrumental use to legitimize specific policies.

KEYWORDS

memory politics, collective memory, European identity, dialogic memory, securitization of memory politics

Author

Lyubov A. Fadeeva,

PhD in History, Professor at the Political Sciences Department, Faculty of History and Politics,
Perm State University, 614068, Perm, ul. Bukireva, 15.

e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Additional information

Received: March, 31 2022. Revised: April 30, 2022. Accepted: June 14, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Fadeeva, Lyubov A. "Memory and Identity Politics in the European Union: Related Concepts, Disparate Practices." *Journal of International Analytics* 13, no. 3 (2022): 79–93.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-79-93>

Распад Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии

Энтина Екатерина Геннадьевна, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
Пророкович Душан, Институт международной политики и экономики,
Белград, Сербия

Контактный адрес: entinakat@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Распад Югославии стал одним из ключевых событий постбиполярного миропорядка и занял особое место в дискурсе политиков в Сербии и России. Однако трактовки кризиса, его причин и основных движущих сил, а также его использование в качестве референтного объекта в современных академическом и политическом дискурсах значительно различаются в Сербии и России. Одним из важных сюжетов становится то, что в обеих странах в обоих дискурсах наблюдается сближение радикальных версий, а в меняющейся структуре европейских международных отношений особое звучание приобретает роль внешнего фактора в трагедии распада. В данной статье в русле социал-конструктивистского подхода проводится дискурс-анализ нарративов о югославском кризисе в дискурсе интеллектуалов и политиков в кросс-страновом разрезе. В исследовании сделана попытка деконструировать образы «виноватых» в югославском кризисе и рассмотреть особенности использования образа кризиса в современном политическом дискурсе. Исследуется взаимосвязь формальных дискурсов ученых и политиков в российском и сербском случаях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

распад Югославии, исторический дискурс в политике, новый миропорядок, международные отношения в Европе

Распад Югославии стал одним из центральных и наиболее болезненных проявлений в Европе слома биполярной системы международных отношений. В его ходе странам т.н. коллективного Запада удалось надломить систему международного права, которая на деле обеспечивала (и во многом продолжает сейчас) функционирование многополярного мира. Будучи комплексным процессом, распад Югославии вызвал появление множества трактовок, объяснительных моделей происходящего, имевших разную степень связи с реальностью. Кроме того, дезинтеграционные тенденции в Юго-Восточной Европе были неотделимы от распада Советского Союза: даже хронологически эти процессы происходили одновременно.

Оба этих критически значимых процесса обрели самые различные трактовки в национальной историографии, а также по-своему задействуются политической элитой. Настоящее исследование ставит своей целью показать, как в национальных исследованиях и современном политическом дискурсе в России и Сербии представлены основные подходы к распаду Югославии; что общего, а что различного в выделении ключевых посылов дезинтеграции; как эволюционировали данные оценки со временем. Такая постановка вопроса представляется важной не только с исторической точки зрения, но и под углом предметного политического поля: она дает ответ на вопрос, какова реальная степень общности восприятия сербами и русскими ключевых событий их новейшей истории и как она может влиять на будущее региональных международных отношений.

Проблема трактовки и использования комплексных исторических событий в практической политической жизни как теоретическое междисциплинарное направление по-разному изучена представителями исторической, социологической, культурологической и политологической наук. Применительно к балканскому пространству наибольшее внимание исследователей привлекал вопрос политики памяти о Второй мировой войне в странах бывшей Югославии¹. Предсказуемо значительное место занимают исследования, посвященные феномену югоностальгии². Вместе с тем, при всестороннем подходе к изучению процесса распада Югославии, за рамками исследований остается вопрос о том, каким образом его различные трактовки используются в политическом дискурсе как пост-югославских стран, так и окружающего их мира.

Методологической основой данного исследования стал социал-конструктивистский подход к анализу международных отношений, разработанный А. Вендтом, Д. Кэмпбеллом и др.³ Социал-конструктивистский подход изучает, как международные события и процессы воспринимаются государствами, рассматривает, как идентичность и ценности лиц, принимающих решения, влияют на их восприятие. В качестве частной, дополняющей теории, относящейся к конструктивистской школе, была взята теория критической геополитики, очерченная в трудах Дж. Тоала, С. Далби, Дж. Эгню⁴. Теория критической геополитики интересна своим инструментариумом, в частности концептом «геополитического

1 Помигуев, Салахетдинов 2021.

2 Popović 2021; Ефременко, Мелешкина 2020; Pavlaković 2020.

3 Wendt 1999; Campbell 1998.

4 Tuathail, Agnew 1992; Tuathail 1986; Dalby, Toal 1998.

воображения» – историко-политической призмой, через которую государство и общество воспринимают события. Кроме того, теория критической геополитики идентифицирует различные типы дискурсов – практический (практиков политического управления), формальный (бюрократии и научных институтов) и популярный (СМИ и носителей массовой культуры). В случае данной статьи представляется весьма интересным преломление распада Югославии в практическом и формальных дискурсах России и Сербии. Особенностью социал-конструктивистского подхода к международным отношениям в целом и теории критической геополитики в частности является их крайняя текстуальность. В связи с этим обоснованным представляется обращение к дискурс-анализу в качестве основного метода исследования.

Отдельно необходимо выделить, что оценки распада СФРЮ и СССР принципиальным образом роднит выделение трех идентичных по эмоциональному посылу нарративов: «социалистический период был не так уж плох», «лихие/кровавые 90-е» и «распад как трагедия». Вопреки наличию всех трех нарративов в общественном дискурсе, в Сербии и по отношению к ней в России на политическом уровне в большей степени закрепился нарратив «распад как трагедия». Это явление как в сербском, так и в российском обществе, в том числе в политических, связано с неудовлетворенностью положением страны на мировой арене, с одной стороны. С другой – его актуализация в последнее десятилетие дополняется еще одним важнейшим обстоятельством – а именно самоидентификацией «непокоренного Западом народа». В данном случае важно и то, что и сербское, и российское руководство глубоко убеждены в том, что сделали максимум зависящего от них в выстраивании диалога с Западом, но не были услышаны и восприняты. В этом смысле за дискурсом «трагедии распада» как в России, так и в Сербии кроется призыв о возвращении к более справедливому, многостороннему и толерантному миру.

Распад Югославии в научном и исследовательском дискурсах современной Сербии

В сербской научной литературе и в публицистике присутствуют два основных дискурса относительно оценок процесса распада Югославии. Первый, который разделяется сравнительно малым количеством прозападных исследователей и экспертов, основан на тезисе, что сербы несут ответственность за все. В доказательство авторы чаще всего опираются на оценки западной историографии и политологии. Матрица подобных выводов однозначна и выработана еще в начале 1990-х гг. Она заключается в следующем: С. Милошевич, будучи националистом, хотел на месте коммунистической Югославии создать «Великую Сербию», для чего цинично использовал сербское население Хорватии и Боснии и Герцеговины, спровоцировал войны и распад страны. События в Косове и Метохии описываются в контексте необходимости проведения этнических чисток и «освобождения Сербии» от албанцев. Главной причиной распада коммунистической (кон)федерации становится сербский национализм¹. Система доказа-

1 Biserko 2012.

тельств этой концепции должна была выстроиться на базе итогов Гаагского трибунала, в первую очередь суда на самом С. Милошевичем¹.

Вне всяких сомнений, как принято утверждать в Хельсинкском комитете по правам человека в Сербии, «сербское национальное движение, усилившееся в 1980-е гг., спровоцировало войны, которые завершились распадом Югославии. В течение 1990-х гг. экстремизм и насилие были прежде всего связаны с государственными акторами, а также с негосударственными, которые формировались силовыми структурами. Они имели различные формы: от сегрегации меньшинств и дискриминации внутри Сербии до преступлений в отношении несербского населения в Хорватии, Косове и Метохии, включая «геноцид» бошняков. Существенную пропагандистскую роль среди организаций правого толка с тех времен и до настоящего времени играют Сербская православная церковь и интеллектуальные круги главных научно-культурных институтов и университетов»².

Л. Перович объясняет развитие сербской национальной идеи в историческом разрезе тем, что основные нарративы зачастую складывались из мифов, а не событий и фактов, что в конечном итоге и приводило к нерациональному выбору на каждом витке истории. Она ставит следующий вопрос: «В отношении сербов... остается ключевым вопрос: в какой степени предшествующая история – и как объективный процесс, и как его понимание и знание о нем – влияла на ориентацию и неадекватную реакцию сербов на вызовы югославского кризиса. О том, что реакция была неадекватной, свидетельствуют тяжелые последствия кризиса для сербского народа»³. Она добавляет, что «на вопрос С. Йовановича отцу В. Йовановичу (1833–1922), родоначальнику идеи либерализма в Сербии и одновременно великому романтику-националисту, почему его поколение настолько превозносило историю, тот ответил, что больше им не от чего было оттолкнуться. Таким образом, миф имел двойную функцию: достроить скудные представления о прошлом и придать смелый взгляд на вызовы будущего»⁴. Проблема нерациональности в сербской политике получает свое развитие и дальше, частично вследствие изменяющейся структуры международных отношений, а частично в результате того, что распад Югославии и сегодня остается незавершенным процессом.

В описанных выше трактовках предполагается, что сербы должны согласиться и с «независимостью Косова», и с искусственно создаваемой «черногорской идентичностью», которые основаны на экстремально антисербских началах (и по своей логике и структуре прямо напоминают конструирование «украинской идентичности» как противостоящей русской). Это также означает, что и современная внешняя политика Сербии требует новых трактовок и подходов. Лучшим подтверждением этого являются категоричные утверждения Н. Самарджича, который в 2018 г. писал: «Отмечая столетие с момента создания первой Югославии и 75 лет – с момента создания второй, давайте зададимся вопросом, частью какого мира мы хотим быть. Европы, цивилизации, демократии и свободы, братства

1 Булатовић 2021, 7.

2 Kisić 2020, 4–5.

3 Perović 2017, 247.

4 Ibid., 203.

и единства или некоего нового Советского Союза, варварства, тирании, политического рабства, разлада с соседями, которые уже давно сделали свой выбор?»¹. Связывая события 1992 и 2022 гг., он резюмирует: «США поддерживали существование Югославии, но ее дальнейшая судьба в 1990 и 1991 гг. полностью зависела от позиции Югославской народной армии и решений, которые в одностороннем порядке принимались в Хорватии и Словении. Из-за войны в Заливе в 1991 г. США, к сожалению, не могли вовремя вмешаться и остановить С. Милошевича и его «машину зла». СССР в начале 1991 г. был вынужден вмешаться в события в Литве, когда стало очевидно, что М.С. Горбачев не реформатор и ему не под силу запустить качественные изменения. СССР распался в конце 1991 г., но его ядро в России не демократизировалось. Историческое проклятие для нас заключалось бы в том, чтобы вновь стать на сторону путинской России»².

Другой дискурс, который также широко распространен, связан с нарративом, что распад Югославии был неминуем. М. Кнежевич описывает этот процесс через формулирование новой категории «развалораспад». М. Булатович, участник тех событий (возглавлял Черногорию, а после был премьером СРЮ), утверждает: «У СФРЮ не было шансов на сохранение в новых международных условиях. Потеря прежнего геополитического значения совпала по времени с обострением внутренних противоречий, что вкупе продемонстрировало отсутствие общегосударственных механизмов сопротивления. Международное посредничество только углубляло кризис и провоцировало гражданскую войну. Развал СФРЮ был осуществлен в пику международному праву, поэтому последствия были не только тяжелыми и болезненными, но и стратегически губительными»³. Очень похожую трактовку М. Булатович развивает и во введении к своей книге «Правила молчания»: «Больше не существовало симпатичной игры на противоречиях, ни пространства свободы между ними»⁴.

Немало исследователей считают внутренние пороки и де-факто конфедеративное устройство СФРЮ основной причиной ее распада, подчеркивая, что республики как федеративные единицы в большей степени стремились к проведению своей национальной политики, чем общегославской. «Внутри Союза коммунистов Югославии полтора десятилетия продолжался конфликт двух концепций развития. Одна, во главе с Э. Карделем, отстаивала идею все большей самостоятельности республик. Другая – в лице А. Ранковича – выступала за централизованную федерацию с сильной ролью партии и ограниченным самоуправлением. В результате усилился республиканский национализм, все меньшее значение придавалось революционной морали, все чаще возникали ситуации, свидетельствовавшие о незаинтересованности в государственной целостности, искусственно изображались добрые отношения между республиками»⁵. М. Марич, в свою очередь, указывает: «Коммунисты десятилетиями говорили, что они

1 Nikola Samardžić, "Jugoslavijom protiv Jugoslavije (Yugoslavia Against Yugoslavia)," *Danas*, November 30, 2018, accessed June 6, 2022, <https://www.danas.rs/kolumna/nikola-samardzic/jugoslavijom-protiv-jugoslavije/>.

2 Nikola Samardžić, "Pad berlinskog zida ujedinio je srpske komuniste i nacionaliste (The Fall of the Berlin Wall United Serbian Communists and Nationalists)," *Talas*, November 7, 2019, accessed June 6, <https://talas.rs/2019/11/07/pad-berlinskog-zida-ujedinio-je-srpske-komuniste-i-nacionaliste/>

3 Булатовић 2018, 189.

4 Булатовић 2020, 14.

5 Раковић 2019, 97-98.

должны вечно оставаться у власти, иначе Югославия пропадет в братоубийственной войне. В действительности так и произошло, с той лишь разницей, что, уходя, именно они, а не какая-то оппозиция из эмиграции или международный заговор, подожгли общий дом»¹. В том же ключе размышляет известный сербский историк К. Николич: «Решениями о территориальной организации коммунистических партий, как и решением о формировании отдельных национальных партий, были спроектированы будущие национальные державы, пространство которых в случае Хорватии существенно увеличено, предусмотрены специальные статусы Воеводины и Косова, тогда как сербское национальное пространство поставлено под вопрос. Таким образом, вся политика КПЮ в течение многих лет была направлена на дезинтеграцию страны и создание национальных держав на ее месте»². По мнению М. Степића, «однопартийная система и десятилетиями существовавшая неприкосновенность власти одного человека (включая и созданную им номенклатуру) поддерживали по многим параметрам неадекватное внутреннее политико-территориальное деление Югославии»³.

Одновременно процесс распада Югославии напрямую зависел от внешних факторов, прежде всего западного вмешательства в лице Германии и Австрии, а вскоре вслед за ними – Великобритании и США. Никто из них в сохранении феномена Югославии больше не был заинтересован. Как утверждает Ж. Симић, «кажется, что не может быть никаких сомнений в том, что фактор заинтересованного, системного внешнего вмешательства качественно повлиял (если не инициировал) на растаскивание Югославии на куски. Получилось, что последовательное позиционирование сербской стороны вразрез обозначенным интересам (в данном случае неважно каким) великих сил, их инерционное невнимание или стремления наказать сербское нежелание понять данные интересы и сопротивление их реализации продлили процесс распада и дали толчок к триумфально реализованной поддержке сепаратистских устремлений в Косове и Метохии»⁴. Профессор философского факультета Белградского университета Л. Димић подчеркивает: «Распад Югославии осуществлен методом вооруженной сецессии при системной поддержке международного фактора. Принцип территориальной целостности страны и ее международно признанных границ (Устав ООН, Заключительный акт Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе) в случае Югославии не был учтен. Право на самоопределение было истолковано как право на сецессию. Универсальное право народа сведено к федеративным единицам. Вразрез с международным правом, административные границы были признаны государственными. Сербский народ при этом остался вне права на самоопределение. Его желание жить в рамках одной страны попросту проигнорировано»⁵.

Подобным образом описывает процесс и М. Джуркович, научный сотрудник Института европейских исследований. «Необходимость в Югославии на международной арене отпала, поскольку в 1985 г. Горбачев начал перестройку и процесс окончания “холодной войны”, фактически развернув СССР к Западу

1 Marić 1997, 80.

2 Николич 2018, 578.

3 Степић 2004, 9.

4 Симић 2015, 170.

5 Димић 2018, 131.

и отвернувшись от прежних восточноевропейских сателлитов. С того момента началась и подготовка к постепенной ликвидации Югославии, во что в большей или меньшей степени включились западные силы... С самого начала сербам была отведена роль плохих парней как единственным, кто сопротивлялся процессу развала»¹. Много написано и о роли Германии, а заодно с ней – Австрии, в ускорении процесса распада. К. Чавошки причины австро-германских подходов видит в исторических параллелях, в частности в отношении Австро-Венгрии к сербскому вопросу: «По убеждениям австро-венгров, которые в первой Югославии и позже делили подданных двойной монархии, всякое требование сербов, касающееся изменения границ малой Сербии, утвержденных по итогам Берлинского конгресса 1878 г., является излишним и неоправданным. А единственное, на что сербы могут претендовать, это границы т.н. докумановской Сербии»². Поэтому континентализм, геополитический подход к пониманию власти в средней Европе, свойственный немцам, неминуемо ведет к территориальному разделению сербов³.

Ссылаясь на нерадужную историю двусторонних отношений, М. Экмечич называет Германию «географическим неприятелем Сербии», подчеркивая тем самым, что действия канцлера Г. Коля в 1990-е гг. были не исключением, а нормой немецкой внешней политики в регионе⁴. В. Димитриевић указывает на роль Ватикана: «Посреди кровавой войны, несмотря на то что он прекрасно понимал ситуацию, Папа дал полномочия своему государственному секретарю 26 ноября 1991 г. вручить на Конференции по безопасности и сотрудничеству меморандум с требованием признать Словению и Хорватию в границах АВНОЮ (Антифашистского вече народного освобождения Югославии). В меморандуме, помимо всего прочего, говорилось: «Святой престол выражает сожаление по поводу ожесточенной борьбы в Хорватии и призывает сообщество государств вновь рассмотреть необходимость уважения права на независимость народов Хорватии и Словении и народов, которые хотели бы реализовать такое право»⁵. В книге «Развал югославского государства 1989/1992 – преступление против мира» М. Булайич заключает: «Решение о развале югославского государства запустил Ватикан – святой престол меморандумом КБСЕ 26 ноября 1991 г.; после чего на встрече Иоанна Павла II с немецким министром Г. Геншером 29 ноября 1991 г. в Ватикане было принято решение, что это должно произойти до католического Рождества 25 декабря 1991 г.»⁶. М. Кович суммирует: «Югославия развалилась в результате изменения отношений между великими силами, из-за внешнего фактора, а не вследствие природной слабости югославской идеи. Экономическая, медийная, дипломатическая и военная поддержка сецессионизма может развалить любую страну. История это постоянно подтверждает еще с восемнадцатого столетия»⁷.

1 Ђурковић 2018, 482.

2 Чавошки 2018, 135.

3 Пророковић 2012, 456.

4 Экмечич 2010.

5 Димитриевић 2011, 260.

6 Ibid.

7 Ковић 2018, 612.

На Балканах, этих 5% легко разгорающегося европейского пространства, переплетаются три цивилизационных круга, четырнадцать народов и четыре религии¹. Поэтому внешним силам легче управлять таким пространством через кризисы. С. Самарджич указывает, что в этом смысле в поведении ЕС за прошедшие три десятилетия мало что изменилось: «ЕС трансформировался внутренне, серьезно расширился, но “главное направление” его деятельности в отношении распада Югославии осталось тем же: оно полностью совпадает с немецким, британским и американским видением»².

Интересны крайние позиции представителей обоих существующих в сербской научной литературе дискурсов. Точно так же, как среди идейных продолжателей первого дискурса есть авторы, которые прямо или косвенно указывают на Сербскую православную церковь или ведущие околосударственные интеллектуальные круги как несущих основную ответственность за «сокрытие истины» и «пропаганду мифов», так и среди сторонников второго дискурса немало тех, кто любых несогласных с их позицией рассматривает как «руку коллективного Запада». С. Стойичевич считает этот феномен неотъемлемой частью активности тех, кто превращает историю в часть гибридной войны³. В случае с Сербией они получили повсеместное распространение, а их деятельность поддерживает вопрос о распаде Югославии и югославском кризисе конца XX в. в политической повестке.

Специфика оценок распада Югославии в научных трудах российских авторов

Распад Югославии в российской научной литературе (особенно его причины и ход югославского кризиса) изучен весьма детально. Вместе с тем вряд ли можно отрицать, что на конструировании нарративов о югославском кризисе серьезным образом отразились распад самого СССР и внешнеполитический курс на сближение с ЕС и США, взятый новым российским руководством. Отношение к процессам, происходящим в России, напрямую проецировалось на понимание как самого распада Югославии, так и роли внешнего фактора в нем. Подобно сербской историографии, в российской также можно выделить два доминирующих дискурса о распаде Югославии. Первый артикулирован отечественными балканистами. Он сформирован на основе заключения о том, что, как и в случае с Советским Союзом, при всей важности внешнего фактора, основное значение в распаде Югославии имели внутренние причины. Прежде всего это глубокий экономический кризис и рост роли и амбиций республиканских этнократий, которые сделали необратимой полную деградацию системы самоуправления. В работах сотрудников Института славяноведения РАН – В.К. Волкова⁴, К.В. Никифорова⁵, Е.Ю. Гуськовой⁶ – упор делается на сочетании внутренних и внешних

1 Кнежевић 2013, 86.

2 Самарџић 2008, 21.

3 Стојићевич 2015, 25.

4 Волков 1994.

5 Никифоров 2002.

6 Гуськова 2001.

факторов распада Югославии. Особую роль этнополитическим факторам отводит М.Ю. Мартынова. Профессор МГИМО Е.Г. Пономарева акцентирует: «Крах режима, а вместе с ним и федерации, был обусловлен деперсонализацией федеральной власти, что стало непреодолимой помехой для реформирования системы... Более того, социально-экономические, этнополитические и этноконфессиональные конфликты между представителями разных наций и народов достигли в Югославии такого уровня, при котором территориальное и системное единство стало в принципе невозможным»¹.

Наконец, свою интерпретацию дезинтеграции Югославии предлагает С.А. Романенко², который считает, что важнейшей причиной распада Югославии явилось прежде всего совпадение процесса развития национального самоопределения народов Югославии с кризисом тоталитаризма, то есть распределительной экономики в форме «самоуправленческого социализма», однопартийной политической системы как несущей конструкции этнотерриториальной федерации и, наконец, тотальной системы военно-бюрократического контроля, ядром которой была Югославская Народная Армия (ЮНА)³.

Существенное значение имеет то, что с течением времени внутри по-прежнему довольно взвешенной трактовки феномена распада Югославии особый акцент приобретает роль внешнего фактора. Чаще всего это проявляется в статьях российских международников, например, Ф.А. Лукьянова, А.П. Цыганкова, Д.В. Суслова, объясняющих структурные сдвиги международных отношений на перекрестке веков. Примечательно, что эта позиция очень близка по сути (хотя направлена на выделение иных смыслов) радикальным трактовкам распада Югославии, присутствующим у переведенных на русский язык сербских исследователей. Яркий пример – монография В. Джуретича «Развал Югославии»⁴.

Однако наибольшую важность в рассматриваемой проблеме приобретает вопрос о роли России в югославском кризисе и ее интерпретации в отечественных исследованиях и аналитике. При общем единстве взглядов на то, что Россия в тот период продемонстрировала известную слабость, сведя к минимуму свое влияние на балканские процессы, в деталях картина существенно различается. Е.Ю. Гуськова определяющее значение отдает роли А.В. Козырева на посту министра иностранных дел: «Козырев противопоставлял себя тем, кто пытался говорить о национальных интересах на постсоветском пространстве... министр просто разыгрывал сербскую карту, чтобы удержаться в своем кресле»⁵. Не скрывая уничижительных оценок А.В. Козырева, А.Л. Адамишин, бывший в 1992–1994-х гг. первым заместителем министра иностранных дел, пишет уже применительно к посткозыревскому периоду в 1999 г.: «Члены альянса нарушили и свой собственный устав..., и основополагающий акт Россия – НАТО, заключенный в 1997 г. Экономика страны – заводы и электростанции, нефтехранилища, мосты и дороги, системы связи – была покалечена. Погибли тысячи людей. Несмотря на это, в определенный момент стало очевидным, что насилие бессильно. И тогда

1 Пономарева 2007, 33–34.

2 Романенко 1998, 159–178.

3 Кирьяков, Волкова 2007.

4 Джуретич 2003.

5 Гуськова 2022.

выступила Россия, но с какой миссией? Помочь американцам выйти из тупика, заставить Милошевича принять условия НАТО. В конце концов сломали границы уже в самой ослабленной Сербии – она потеряла часть своей территории Косово, историческую родину сербской нации»¹.

А.А. Пивоваренко, Е.Г. Энтина и Д. Новакович в валдайском докладе «Куда идут Балканы?» указывают: «Со времён Петра I, когда были установлены дипломатические отношения с Черногорией, Россия накопила солидный опыт взаимодействия с Балканами. Однако инструменты, которые находились со второй половины XIX в. в арсенале Российской Империи, а затем Советского Союза, оказывались все менее применимы к стоявшим задачам. Наконец, к началу 1990-х гг. они практически полностью истощились»². Одновременно авторы полагают, что предпосылки для прагматичных и в целом позитивных отношений со Словенией и Хорватией в 2000–2010-е гг. сложились не в последнюю очередь благодаря тому, что Москва признала независимость обеих республик в числе первых.

Следствием наложения процессов распада СССР и СФРЮ и по времени, и во многом по содержанию стало то, что в научной среде сформировались комплексные объяснительные модели того, что происходило в каждой из стран. При этом вряд можно говорить, что они являются базой для создания дискурсов в отношении феномена распада Югославии у политических элит. Частично это объясняется культурой взаимодействия власти и научной элиты, сложившейся в постсоветский период, но в большей степени – тем, что подавляющее большинство российского политического истеблишмента было активно вовлечено в практическую политическую деятельность еще в 1990-е гг. и имеет собственный, пусть и селективный, нарратив о распаде балканского пространства.

Нарратив распада Югославии в современной сербской политике

Конструирование нарративов и исторических парадигм неслучайно основывается не на самом ряду событий, а на их желаемой интерпретации в соответствии с актуальными (гео)политическими целями. Кризис в отношениях коллективного Запада и России (в определенной степени и Китая), который вошел в интенсивную фазу к 2014 г. (с пиком в первом квартале 2022), только углубил разрыв между двумя идеологическими группами в Сербии. Первые разделяют точку зрения, согласно которой действия России необходимо осудить, вторые – что СВО на Украине – логичный ответ на вызовы коллективного Запада. При этом М. Ломпар отмечает, что вопреки немногочисленности сторонников первой группы медийное пространство, находящееся в их распоряжении, практически никак не ограничено, поскольку значительная часть медиа и неправительственных организаций имеют финансовую поддержку западных фондов³. С другой стороны, медийный простор для сторонников второй группы очень узок. Одна-

1 Адамишин 2017.

2 Энтина, Е.Г., Пивоваренко, А.А., Новакович, Д. Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Октябрь 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/21567/> (дата обращения: 11.05.2022).

3 Ломпар 2017.

ко их позиция имеет несопоставимо большую популярность среди населения и в политических кругах.

Ключевым периодом трансформации обоих дискурсов можно считать 2008 г. Во-первых, при поддержке Запада косовские албанцы в одностороннем порядке провозгласили независимость. Этим шагом был дезавуирован тезис о том, что косовский кейс связан с проблемой демократии, а не решением национального вопроса, а также до некоторой степени нивелирован постулат, что в 1999 г. Югославия подверглась бомбардировкам НАТО из-за массового нарушения прав албанцев. Наиболее распространенной даже в либеральной среде в Сербии становится трактовка, что акция НАТО имела геополитические цели и была направлена на территориальную рекомпозицию на Балканах. С того момента сначала все чаще, а затем и исключительно так о бомбардировках начинают говорить как об агрессии, а не о военной интервенции.

Во-вторых, мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. приводит к торможению евроинтеграции и снижению объемов западных инвестиций на Балканах наряду с усилением и активизацией Китая и России. Вкупе это вызывало ослабление влияния США и ЕС в Сербии, а вслед за этим – и импульсов, придававших жизнеспособность первому дискурсу. Позиция представителей государственной власти все больше основывается на взглядах сторонников второго дискурса. В значительной мере она становится и официальной позицией государства. В этом контексте центральной датой оказывается 24 марта – день годовщины начала бомбардировок СРЮ силами НАТО. Это принципиально отличает сегодняшнюю ситуацию от положения в Сербии 2008 г., когда премьер-министр В. Коштуница оказался фактически единственным, кто открыто заявлял, что «теперь более чем очевидно, что разрушение Сербии силами НАТО имело одну цель – превратить край Косово и Метохию в первое НАТО-государство в мире»¹.

Четырнадцать лет спустя президент Сербии А. Вучич заявил, что «Сербия должна подпитывать, возвращать культуру памяти в отношении своих героев, ведь если не делать этого, то не будет и оснований ожидать добра и великих дел от других». И добавил: «не испытываем ненависти к обидчикам, но не позволим, чтобы наши жертвы были забыты, как и само преступление»².

Примечательно, что заявления сербского президента нередко бывают противоречивы. В интервью *Wall Street Journal* в мае 2015 г. он сказал, что Сербия извлекла уроки из 1990-х гг., поняв, что произошедшее ее ослабило. «Я видел последствия выбранного пути. Знаю, как подобное сознание функционирует. Помню, каким я был. Нам нужно сохранить мир. Еще одна ошибка означала бы самоубийство»³.

Однако открытым остается вопрос о том, какие последствия могут вызывать подобные заявления. Здесь уместно сравнение с высказываниями по поводу

1 Војислав Коштуница, "Циљ бомбардовања Србије стварање прве НАТО државе на свету (The Aim Of The Bombing Of Serbia Is To Create The First NATO State In The World The Aim Of The Bombing Of Serbia Is To Create The First NATO State In The World)," Влада Републике Србије, March 24, 2008, accessed July 5, 2022, <https://www.srbija.gov.rs/vest/85262/cilj-bombardovanja-srbije-stvaranje-prve-nato-drzave-na-svetu.php>.

2 Александар Вучић, "Не мрзимо целате али не дозвољавамо да се злочин над нама заборави (We Do Not Hate The Executioners But We Do Not Allow The Crime Against Us To Be Forgotten)," Политика, April 23, 2022, accessed July 5, 2022, <https://www.politika.rs/scc/clanak/502960/Vucic-o-bombardovanju-Ne-mrzimo-dzelate-ali-ne-dozvoljavamo-da-se-zlocin-nad-nama-zaboravi>.

3 "Vučić za Vol Strit Džurnal: Srbija zaslužuje nagradu (Vucic for Wall Street Journal: Serbia Deserves an Award)," N1, May 9, 2015, accessed July 11, 2022, <https://rs.n1info.com/vesti/a58834-vucic-za-wall-street-journal/>.

годовщины событий в Сребренице в июле 2015 г.¹ Создаваемый западным сообществом нарратив, по сути, сводится к тому, что это был геноцид. Несомненно, само присутствие сербского президента на годовщине много значило для утверждения подобного нарратива (вопреки тому, что тогда визит закончился скандалом – в сербского премьер-министра бросали камнями). Вместе с тем жесты сербского покаяния никоим образом не повлияли ни на официальные решения сербских государственных органов в отношении преступлений, совершенных в Сребренице, ни на изменение дискурса среди сербской общественности, последовательно отрицающей квалификацию событий как геноцид. Более того, в 2021 г. сам А. Вучич заявил, что, пока он президент, «Сербия не примет резолюцию о Сребренице»². В упомянутом выше интервью А. Вучич подчеркивал, что не видит себя во главе Сербии в 2020-е гг., однако потом выдвигал свою кандидатуру на выборы и в 2017, и в 2022 г. В целом его заявления иностранным СМИ, а также заявления по поводу региональных вопросов очень сложно обобщать и приводить к единому знаменателю, поскольку очевидно, что они меняются в зависимости от целевой аудитории и политического момента. Вследствие этого же политический дискурс сербского лидера в очень небольшой степени влияет на реальные политические решения и действия. Так же как в сербском парламенте не была принята резолюция о Сребренице, так не обсуждался и вопрос об изменении отношения к событиям 1990-х гг. Напротив, одно из последних заявлений А. Вучича: «Я знаю, что мы не ангелы, но думаю, что ключевым фактором в разорении Югославии был внешний. Перекалывать всю вину на Милошевича безответственно»³.

Министр внутренних дел А. Вулин вторит ему: «Те, кто хотел уничтожить Сербию бомбардировками в 1999 г., в действительности уничтожили международное право, и сегодня у них нет права требовать от Сербии забыть о том, кто был ее другом тогда», недвусмысленно указывая на роль России и Китая⁴. Чуть ранее в 2017 г. министр иностранных дел И. Дачич, говоря об агрессии НАТО, подчеркивал: «Это военные преступники, помните это и передавайте из поколения в поколение. Я не боюсь говорить это в Вашингтоне. Я – министр иностранных дел Сербии, и мое дело – отстаивать интересы Сербии. Мы не боремся против Приштины, которая хочет отобрать у нас Косово и Метохию, мы боремся против других, более мощных атак и сил, которые участвовали в развале Югославии»⁵.

А. Брнабич, премьер-министр Сербии, открывая международную научную конференцию по случаю 20-й годовщины бомбардировок Югославии, заявила: «Не надо напоминать Сербии о ее ошибках. Мы о них помним, но бомбардировки

1 “Serbian Leader Vucic Pays Respects To Srebrenica Massacre Victims,” Radio Free Europe, November 11, 2015, accessed July 11, 2022, <https://www.rferl.org/a/bosnia-srebrenica-serbia-vucic-memorial-massacre/27358092.html>

2 “Vučić: dok sam ja predsednik u Srbiji neće biti rezolucije o Srebrenici (Vucic: As Long As I Am President In Serbia There Will Be No Resolution On Srebrenica),” Radio Slobodna Evropa, June 20, 2021, accessed July 11, 2022, <https://www.slobodnaevropa.org/a/vu%C4%8Di%C4%87-rezolucija-srebrenica-srbija/31317073.html>

3 “Vučić: Spoljni faktor bio ključan za raspad Jugoslavije, siguran sam da ne treba da priznamo Kosovo (Vucic: External Factor Was Key To The Breakup Of Yugoslavia, I Am Sure We Should Not Recognize Kosovo),” Espresso, November 28, 2021, accessed July 11, 2022, <https://www.espresso.co.rs/vesti/politika/923989/vucic-spoljni-faktor-razorio-jugoslaviju>.

4 Aleksandar Vulin, “Oni koji su pokušali da ubiju Srbiju, ubili su međunarodno pravno (Those Who Tried To Kill Serbia Killed The International Parvo),” Danas, March 24, 2022, accessed July 11, 2022, <https://www.danas.rs/vesti/politika/vulin-oni-koji-su-pokusali-da-ubiju-srbiju-ubili-su-medjunarodno-pravo/>.

5 Ивица Дачић, “Бомбардовање Србије је ратни злочин над народом (The Bombing Of Serbia Is A War Crime Against The People),” РТВ, December 4, 2017, accessed July 11, 2022, https://www.rtv.rs/sr_lat/politika/dacic-bombardovanje-srbije-je-ratni-zlocin-nad-narodom_875393.html.

1999 г. были ошибкой других, не граждан Сербии, которые в конце XX в. стали жертвой тех, вместе с кем воевали в обе мировые войны за правду и свободу. Во имя будущего было бы важно, чтобы и они помнили о своих ошибках»¹. Член Президиума БИГ от Республики Сербской М. Додик в рамках торжественного заседания, посвященного 22-й годовщине бомбардировок, оценивал, что «бомбардировки НАТО Сербии и Республики Сербской ясно отражают отношение к сербскому народу. Это отношение выражается в уничтожении народа кассетными бомбами и бомбами с обедненным ураном во имя цели, которую они сами же себе поставили: смена власти, распространение демократии»².

Таким образом, распад Югославии в современном политическом дискурсе Сербии завязан на конкретную символическую дату – 24 марта, день начала бомбардировок – и выражен через оценки причин и характера «развалораспада» Югославии, в которых однозначно превалирует роль внешнеполитического фактора.

На такое положение дел влияло и общественное мнение. Например, в исследовании «Демостат» 2020 г. об информированности граждан о военных преступлениях на вопрос «какой народ понес наибольшие жертвы в 1990-е гг.» из 74% отвечавших, 54% указали сербов, 15% – бошняков, 5% – хорватов. По мнению 31% опрошенных, самыми большими преступниками являются хорваты, 15% – албанцы, 6% – бошняки, 4% – сербы. С утверждением, что Сербия должна компенсировать ущерб, который армия и полиция причинили гражданскому населению в ходе вооруженных конфликтов, согласны 24%, более 55% против, 21% не определились³.

Причины падения доверия граждан Сербии к ЕС связаны не только с торможением евроинтеграции, но и с деятельностью Запада по финансовой поддержке первого дискурса и обеспечению его информационного освещения. По сути, если одним из условий вступления в ЕС для сербов является принятие нарратива исключительной вины, то такой ЕС сербам не нужен. Исследование агентства ИПСОС показывает, что количество граждан, выступающих против присоединения к ЕС, больше (44%), чем тех, кто за (35%)⁴. По этой же причине постоянно высока поддержка России. Это доказывается и ее взрывным ростом после начала российской СВО на Украине. Опрос НСПМ показывает, что 84% не поддерживают введение санкций против России, а против вступления в НАТО – еще больше (88,1% при 4,3% тех, кто за)⁵. Таким образом, не принятые ни обществом, ни политическими элитами итоги и трактовки распада Югославии привели к обострению в сербской повестке дня вопроса о справедливости и дальнейшем пути развития.

1 Ana Brnabić, "Svesni smo svojih grešaka, ali bombardovanje 1999. godine nije bila naša greška (We Are Aware Of Our Sinner, Or The Bombing Of 1999. God Is Not Our Sin)," *Danas*, March 22, 2019, accessed July 11, 2022, <https://www.danas.rs/vesti/politika/brnabic-svesni-smo-svojih-gresaka-ali-bombardovanje-1999-godine-nije-bila-nasa-greska/>.

2 Milorad Dodik, "Skup: Dan sećanja na stradale u NATO agresiji: Ne treba da sudimo, već da se setimo (Day Of Remembrance Of The Victims Of NATO Aggression: We Should Not Judge, But Remember)," *Danas*, March 24, 2021, accessed July 11, 2022, <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/skup-dan-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-ne-treba-da-sudimo-vec-da-se-setimo/>.

3 Biševac Safeta, "Građani uglavnom neobavešteni o ratovima devedesetih i nacionalno pristrasni (Citizens Mostly Uninformed About The Wars Of The Nineties And Nationally Biased)," *Danas*, December 22, 2020, accessed July 11, 2022, <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/suocavanje/gradjani-uglavnom-neobavešteni-o-ratovima-devedesetih-i-nacionalno-pristrasni/>.

4 "Drastičan pad podrške ulasku Srbije u Evropsku uniju: Gde treba tražiti 'krivce'? (The Drastic Fall Of The Sub-Greek Ulasku Serbia In The European Union: We Must Fight The 'Culprits')," April 23, 2022, accessed May 12, 2022, <https://www.021.rs/story/Info/Srbija/303820/Drastican-pad-podrske-ulasku-Srbije-u-Evropsku-uniju-Gde-treba-traziti-krivce.html>.

5 "Резултати истраживања (Research Results)," НСПМ, July 31, 2022, accessed August 10, 2022, <http://www.nspm.rs/istrazivanje-javnog-mnjenja/srbija-leto-2022-protivljenje-uvodjenju-sankcija-rusiji-porasio-sa-822-na-84-odsto.html>.

Фактор распада Югославии в российском политическом дискурсе о миропорядке

В политическом дискурсе российского руководства югославский кризис и распад как поворотные события в отношениях России и Запада возникают уже после 1999 г. При этом дискурс был (и остается) связан не столько с самими событиями вокруг Югославии, сколько с изменением контуров миропорядка, сложившегося по итогам холодной войны, а также тем, что российское руководство постепенно начало осознавать, что построить российско-европейские отношения на равноправной основе так, как ее понимала Москва, вряд ли удастся.

Важным является и то, что в российском политическом дискурсе имеются всего две точки в процессе распада Югославии – это 1991 г. как погружение страны в череду кровавых гражданских войн и 1999 г. как поворотный момент в современной истории международных отношений. Между ними на уровне политического дискурса не существует ни оценок эволюции российской позиции, ни мозаики самого распада Югославии, ни длительного периода санкций ООН в отношении страны, ни оценок личности С. Милошевича и первой «цветной» революции в Европе, произошедшей 5 октября 2000 г. Упрощение современного периода в истории российско-сербских отношений до двух пиковых точек объяснимо: довольно длительное время официальная Москва шла в фарватере западноевропейских позиций по вопросу происходящего в Югославии и ее бывших республиках (пусть и в более мягком варианте), не считая события в регионе «красной линией» для себя. Примечательно, что это было характерно вплоть до последнего времени, когда на вступление отдельных республик бывшей Югославии в НАТО российское политическое руководство реагировало сдержанно. Этим объясняется и довольно легкий переход от обоснования происходившего в Югославии и вокруг нее системными факторами к выделению роли внешнего фактора в трагедии распада страны.

При этом К.В. Никифоров, на наш взгляд, прав, когда пишет, что в начале 2000-х гг. и 24 марта 1999 г. как точка отсчета «нового времени» для российской дипломатии еще не существовала. Нарратив о внешнем факторе в распаде Югославии, как и факт несанкционированных бомбардировок СРЮ силами НАТО, закрепляются в политическом дискурсе значительно позже – со второй половины 2000-х гг. Это подтверждается и двойственной позицией российского руководства в отношении событий весны 1999 г., когда Москва категорически осуждала бомбардировки, понимая, что они разрушают миропорядок, основанный на примате решений ООН, при этом на практике демонстрируя готовность оказывать влияние на Белград. Премьер-министр Е.М. Примаков дословно выражает эту позицию: *«Это не просто эпизодик, не просто агрессивный удар по какой-то стране. Это удар по всему миропорядку, который установился после Второй мировой войны... Мы всячески даем понять, что готовы в любое время способствовать переговорам. Переговорам с Милошевичем. Мы готовы оказывать влияние, просить быть более гибкими югославскую сторону. И так далее. Мы готовы.*

Но при определенных условиях. Первое из них – немедленное прекращение бомбардировок»¹.

Очень похожим образом рассуждает в то время директор ФСБ В.В. Путин. В интервью программе «Здесь и сейчас» от 13 мая 1999 он говорит: «Мы знаем, как началась Первая мировая война. Вторая мировая война. Сейчас напрашиваются эти трагические аналогии... Я считаю, что это очень опасная ситуация: опасность заключается не только в том, что гибнут люди... Трагедия более масштабна... *На сегодняшний день группа государств пытается сломать сложившийся после Второй мировой войны миропорядок...* Эти договоренности были заложены в основу ООН. ООН устранена от решения данной проблемы. И именно это мне и кажется самым опасным делом... У нас с Китаем есть общее понимание, что межэтнические конфликты не могут быть решены с помощью силы... Наши международные акции, акции гуманитарной помощи, дипломатическое давление, работа с нашими сторонниками в самих странах НАТО... Мне не очень понятны действия лидеров некоторых стран Запада (имея в виду экономические потери, которые они несут в связи с уходом с рынка Югославии)... Европе-то зачем терять эти деньги? У России много рычагов влияния на ситуацию, но это не значит, что мы должны ввергнуть нашу страну, особенно в том состоянии, в котором она находится, в боевые действия... У нас достаточно внутренних проблем»².

Одновременно с этим жесткую позицию в отношении сербов занял назначенный в апреле 1999 г. спецпредставителем президента РФ по урегулированию конфликта в Югославии В.С. Черномырдин. Он резко парировал призывы лидера КПРФ Г.А. Зюганова, считавшего необходимым оказать помощь Белграду. В.С. Черномырдин так трактует ситуацию в Белграде десять лет спустя, в 2010 г.: «Он (Зюганов) предлагал помочь сербам оружием, добровольцами. Но не надо забывать, что у нас 20 млн мусульман... Могли ли мы в то время поставлять оружие, вмешиваться? Ведь что сделал Милошевич: он предложил вдруг войти в состав России, когда все полыхало, когда их бомбили.... А где ж ты раньше был, когда все было нормально? Что ты раньше не обратился, чтобы Югославия вошла в состав России? Ты ж не просто молчал, ты нам еще и козни строил... Мы это уже проходили. Первая мировая война началась оттуда, с Балкан. С Сербии, кстати. А кончилась чем? Конец Первой мировой войны, кто о Сербии знал?... Россия только 7 млн положила. А Сербия где была? Сербия как была, так и осталась. О ней никто даже и не вспоминал никогда. Да и знать-то не знали. *Что ж нам, опять повторить?»*³.

В свою очередь, В.В. Жириновский у стен американского посольства в Москве 25 марта 1999 скандировал: «США ведут себя так же, как Гитлер. Он захватывал по частям Европу и устанавливал свой порядок. Единственные, кто оказывал и будут оказывать сопротивление, – это славяне, в основном сер-

1 *Примаков, Е.М.*: «Бомбардировки в Югославии – это то удар по всему мироустройству, по стране, которая решает свою внутреннюю проблему. И это нужно немедленно прекратить» // Газета «Правда». 25 марта 1999. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravda.ru/news/world/904142-evgenii_primakov_bombardirovki_v_jugoslavii_eto_udar_po_vsemu/ (дата обращения: 12.07.2022).

2 *Здесь и сейчас.* Владимир Путин о кризисе в Югославии // ОПТ. 13 мая 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/XRC7RHaF0j8> (дата обращения: 12.07.2022).

3 *Черномырдин, В.С.*: Когда Югославию стали бомбить, Милошевич попросился в состав России // В гостях у Дмитрия Гордона. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OT4i1O5cZ4M> (дата обращения: 12.07.2022).

бы. Американцы глубоко ошибаются, что сербы и русские могут испугаться... Вы боитесь нас – и русских, и сербов, – потому что понимаете, что это закат Америки. Что больше у вас никогда не будет никаких побед. Вы нам всем показали, что разницы нет между шириной Клинтона и вашими бомбами. Вы – зверье, а не люди»¹.

Примечательно, что никто из российского руководства в 1999 г. не связывал факт бомбардировок Югославии с началом ее распада в 1991 г., не упоминая ни внешний фактор, ни трагедию оказавшегося разделенным сербского народа. Это привело к тому, что кризис в Косово и последовавшая за ним агрессия НАТО в СРЮ стали восприниматься как частный эпизод, межэтнический конфликт, во многом связанный как с текущей политикой С. Милошевича, так и с совершенными им просчетами на предыдущем витке югославского кризиса. Как следствие, возникала развилка: часть политического спектра рассматривала кризис в Косово как удар, который Россия должна расценить максимально серьезно. Другая – как очередную балканскую проблему, исторический цикл, вмешаться в который Москва не может в силу глубоких внутренних проблем. При этом и та, и другая часть истеблишмента видела основную задачу России в том, чтобы удержаться в качестве переговорщика по событиям вокруг Югославии при любом раскладе – пусть и в роли того, кто оказывает влияние на Белград. Данная задача действительно была важной: с учетом незавидной роли России на первом этапе югославского кризиса в начале 1990-х гг., оказаться вне переговорного пространства по Косово означало утратить немногочисленные возможности реального права голоса в европейских делах. Вышеперечисленное дает нам право утверждать, что 1999 г. как «точка невозврата» в отношениях России и Запада была установлена в качестве броского политологического конструкта несколько позднее самого кризиса в Косово. Прямого отношения к российско-сербскому историческому взаимодействию это не имело. В случае же успешности российско-американских и российско-европейских отношений 2000-х гг., на который рассчитывала российская политическая элита, бомбардировки СРЮ в обход резолюции СБ ООН так и остались бы одной из страниц истории.

Практика политических решений это в целом доказывает: в 2001 г. Москва в инициативном порядке выступает с предложением совместно с Вашингтоном оказать отпор растущему терроризму. В 2002 г. Россия в развитие отношений с НАТО переходит в рамках Рабочего совета Россия – НАТО к новой, более приемлемой для Москвы, переговорной формуле «члены НАТО + 1». В 2003 г. российский миротворческий контингент выводится из Косово и Метохии, вслед за чем менее чем через год, в марте 2004 г., следуют погромы сербского населения края. Из интервью Е.М. Примакова М. Лазанскому, известному сербскому военному журналисту, послу в России в 2019–2021 гг.: «Русские войска после войны 1999 г. первыми вошли в Косово. Первыми вы и ушли с Косово. Часть политической общественности в Сербии ставит это вам в упрек. Почему вы ушли из Косово? – Россия ввела свои войска в Косово, опираясь на резолюцию Совета

1 Жириновский о бомбёжке в Югославии. [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/video/1350165071252> (дата обращения: 12.07.2022).

Безопасности ООН. А вывела их из Косово, потому что не хотела брать на себя ответственность за ситуацию, далекую от стабилизации, несмотря на ввод сил КФОР. При этом из вашего вопроса складывается впечатление, что в этой ситуации Сербия должна была сохранять пассивную позицию, а Россия должна была все за нее сделать. Полагаю, что это неправильно и не честно»¹.

В 2009 г. Москва поддерживает перевод переговоров между Белградом и Приштиной из-под крыла ООН под эгиду ЕС. В период с 2000 по 2019 г. – сдержанно реагирует на вступление в НАТО Словении, Хорватии, Черногории, Македонии, а также не возражает против сближения Сербии с Альянсом.

Дискурс о внешнем факторе в распаде Югославии появляется у российского политического руководства после 2014 г., с каждым последующим годом становясь острее. В интервью телерадиокомпании «Радио и Телевидение Словения» накануне государственного визита в 2015 г. Д.А. Медведев говорит: «Давайте спросим, например, в России, у молодежи: кто помнит такую страну, как Югославия? Я думаю, что большинство молодых людей уже с трудом припомнят, что такая страна была на карте Европы. В то же время, естественно, все знают, ездят, любят, дружат с государствами, которые образовались на базе бывшей страны. Это был очень тяжелый, трудный, очень болезненный и, к сожалению, не мирный процесс... я надеюсь, нам через некоторое время не придется в таком же ключе вспоминать, что было такое государство, которое называлось Украина. А существование Украины в настоящий момент зависит от мудрости, терпения, такта, склонности к компромиссу и желания договариваться всех тех, кто принимает решения на территории Украины. Я имею в виду и власти в Киеве, я имею в виду и политические силы на юго-востоке»².

Из выступления С.В. Лаврова по случаю годовщины бомбардировок НАТО: «Безусловно, югославская история была связана с желанием продвигать НАТО на восток, поближе к границам Российской Федерации. В этом нет никаких сомнений»³.

На молодежном форуме «Территория смыслов» в 2021 г. министр обороны РФ С.К. Шойгу: «Мы не имеем права быть слабыми. Если мы будем слабыми, то произойдет то, что произошло в той же Сирии, Ливии, Югославии и многих других странах. Со многими руководителями, которые потом попали в Гаагский трибунал, мне, не буду скрывать, посчастливилось и повезло работать вместе. Это и Милошевич, и Караджич, генерал Младич. Кого-то уже нет. Но они тогда в последний момент поняли, что страна разлагается изнутри. И внутри создано настроение, система – такая, что ее довольно сложно удержать. Все это была большая целенаправленная работа, когда из одной страны, Югославии, получилось шесть государств»⁴.

Летом 2020 г. в выступлении президента В.В. Путина звучит прямое указание на то, как принималось решение по переброске российских десантников в Косо-

1 *Примаков, Е.М.*: Раздел Косово – единственное решение // Српска.ру. 05 сентября 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://srpska.ru/article.php?nid=17879&> (дата обращения: 12.07.2022)

2 Интервью Дмитрия Медведева телерадиокомпании «Радио и Телевидение Словения» // РТВ Словения. 24 июля 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/19011/> (дата обращения: 12.07.2022).

3 20 лет операции против Югославии. Интервью Сергея Лаврова НТВ // НТВ. 20 ноября 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/video/1713841/> (дата обращения: 12.07.2022).

4 Глава Минобороны Шойгу рассказал о причинах распада Югославии // Страница «Мой Путин» Вконтакте. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-75625515_2441055?ysclid=l4cip4dn4k84129255 (дата обращения: 12.07.2022).

во и взятии приштинского аэродрома «Слатина» в 1999 г., вошедшее в современную историю России как первый смелый шаг в пику интересам западного мира: «Как оно (решение взять аэропорт) принималось, могу сказать. Я был тогда секретарем Совета безопасности. Ко мне пришел начальник Генерального штаба, тогда генерал Квашнин, и он мне сказал о том, что вот есть такая идея – захватить этот аэропорт (“Слатина”). На вопрос “Зачем?” он ответил, что ясно, что нам придется оттуда когда-то уйти, но будет чем торговаться... *А я ему так и сказал: “Если ты это считаешь целесообразным, так и делай”*»¹. В связи с этим возвращение к слатинскому кризису актуально для президента РФ – оно, как одно из его первых самостоятельных решений в качестве политика, стало символом и предтечей дальнейшего внешнеполитического курса, направленного на восстановление российской великодержавности.

Наконец, в конце 2021 г. В.В. Путин вводит в политический оборот популярный у историков, изучающих позднесоветский период, тезис о том, что на пространстве бывшего СССР силовой вариант распада имел бы еще более катастрофические последствия: «Трагический пример Югославии говорит о том, что если бы с нами произошло то, что произошло с Югославией, последствия для России – имея в виду характер русского человека, и не только русского, но вообще всех проживающих народов на территории России, – у нас, может быть, противостояние было еще более жестким и кровавым, чем в результате распада Югославии»².

Таким образом, вопреки очень небольшому значению Балканского региона в приоритетах внешней политики России, тема судьбы балканских народов, их общности с Россией, а косвенно – ответственности Москвы за него, остается доминантной.

Выводы

Можно утверждать, что сам дискурс о распаде Югославии был в значительной степени, как в России, так и в Сербии, сформирован интеллектуальной и дипломатической элитами, но вне зависимости от этого активно используется на политическом уровне в течение всего времени. В немалой степени обращению к трактовкам и переосмыслению, в том числе в политической риторике, распада Югославии способствовало то, что итог внешней политики 1990-х гг. оказался неудовлетворительным как для России, так и для Сербии. Также внимание к проблематике дезинтеграции югославской федерации в России подстегивается осознанием самостоятельной роли Москвы в трансформирующейся системе миропорядка, формулирование которой затруднительно без появления разделяемых и понятных обществу итогов конца XX в.

Сербский и российский дискурсы о распаде Югославии во многом различны. Сербский формальный дискурс продвигает образ мученического сербского народа, потерпевшего национальную катастрофу по вине внутренних и внешних

1 Путин рассказал о решении взять косовский аэропорт «Слатина» в 1999 году // РИА Новости. 14 июня 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200614/1572908486.html> (дата обращения: 12.07.2022).

2 Путин предположил, что было бы к Россией в случае «югославского сценария» // РИА Новости. 12 декабря 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20211212/rossiya-1763350071.html> (дата обращения: 12.07.2022).

недоброжелателей: коммунистов, австрийцев и немцев, католиков, НАТО. Позиционирование сербов как народа, исключенного из системы международного права, перешло из формального дискурса в практический. События 1999 г. представляются исключительно как неприкрытая агрессия Североатлантического альянса с целью отторжения сербской территории. И формальный, и практический дискурсы Сербии воспроизводят один большой нарратив: в югославской трагедии виноваты враги сербского народа, желавшие и желающие его уничтожения.

Российский дискурс отличается от сербского взятием на себя ответственности. Нарратив слабости России во время югославского кризиса служит инструментом снятия великодержавной вины российского государства, бросившего братский народ в беде и не сыгравшего определяющей роли в разрешении конфликта. Примечательно, что в ходе самого югославского кризиса бездействие России оправдывалось обращением к исторической памяти и образу Балкан как «пороховой бочки Европы». Слабость России представлялась как разумная сдержанность, оправданная горьким историческим опытом Первой мировой войны. Тем самым имплицировалась вина Сербии за русскую трагедию начала XX века.

Восстановление России в качестве великой державы привело к переосмыслению югославской трагедии. Она стала использоваться как один из примеров несправедливости постбиполярного западного миропорядка и символ лицемерия Запада. Вину за югославскую трагедию российские политики также возлагали на Запад. В то же время в российском формальном дискурсе давалась более трезвая оценка событий, указывались недостатки югославской социалистической системы, которые привели к развалу. Подобное расхождение говорит об отсутствии травмы в российском обществе о югославском кризисе; здесь нельзя не согласиться с высказыванием Д.А. Медведева, что большинство российской молодежи даже не слышало о существовании такой страны.

Вместе с тем, общность стоящих и перед сербским, и перед российским обществами задач – в частности, переход на следующий виток мирового развития со всем комплексом проблем «разделенного народа» – делает закономерным рефренное обращение к тематике распада федераций. Это же закладывает необходимость системного и глубокого изучения процессов распада СФРЮ и СССР как типологически схожих и во многом комплементарных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Адамишин, А. Югославская прелюдия // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 6. – Т. 15 – С. 186–201.

Adamishin, Anatoly. "Yugoslavskaya prelyudiya." *Russia in Global Affairs* 15, no. 6 (2017): 186–201 [In Russian].

Волков, В.К. Трагедия Югославии. // Новая и новейшая история. – 1994. – № 4. – С. 11–32.

Volkov, Vladimir K. "Tragediya Yugoslavii". *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4 (1994): 11 – 32 [In Russian].

Гуськова, Е.Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995) / отв. ред. З.В. Кли-

менко. – СПб.: Владимир Даль, 2022. – 462 с. <https://doi.org/10.31168/93615-275-7>.

Gus'kova, Elena Yu. *Vneshnyaya politika Rossii v gody yugoslavskogo krizisa (1985–1995)*, edited by Z.V. Klimentko. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2022 [In Russian].

Ефременко, Д.В., Мелешкина, Е.Ю. Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 78–100. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.105>

Efremenko, Dmitry V., and Elena Yu. Meleshkina. "Yugoslav Metanarrative and Contemporary

Yugonostalgia in Western Balkan Countries." *Political Expertise: POLITEX* 16, no. 1 (2020): 78–100 [In Russian].

Кирьяков, Ю.С., Волкова, Е.Г. Факторы распада СФРЮ и СССР: сравнительно-типологический анализ // Судьба России: вектор перемен: материалы Междунар. науч. конф. Т. 1 / под ред. Р.Г. Пихои. – Екатеринбург; М., 2007. – С. 466–486.

Kiryakov, Yu.S., and E.G. Volkova. "Faktory raspada SFRYu i SSSR: sravnitel'no-tipologicheskii analiz." In *Sud'ba Rossii: vektor peremen: materialy Mezhdunar. nauch. konf. T. 1*, edited by R.G. Pikhoi, 466–486. Ekaterinburg, Moscow, 2007 [In Russian].

Никифоров, К.В. Югославия 1990-х годов: кризис общества и распад государства // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 346–352
Nikiforov, Konstantin V. "Yugoslaviya 1990-ih godov: krizis obshchestva i raspad gosudarstva." In *Chelovek na Balkanakh v epokhu krizisov i etnopoliticheskikh stolknovenii XX veka*, 346–352. St. Petersburg: Aleteiya 2002 [In Russian].

Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р. Политика памяти о Второй мировой войне в бывших республиках социалистической Югославии: символические и коммеморативные аспекты // Вестник РУДН, серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 4. – С. 659–674. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-659-674>.

Pomiguyev, I.A., and E.R. Salakhethdinov. "The Memory Policy of the Second World War in the Post-Yugoslav Republics: Symbolic and Commemorative Aspects." *RUDN Journal of Political Science* 23, no. 4 (2021): 659–674 [In Russian].

Понамарева, Е.Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). – М.: МГИМОУниверситет, 2007. – 235 с.
Ponomareva, Elena G. *Politicheskoe razvitiye post'yugoslavskogo prostranstva (vnutrennie i vneshnie faktory)*. Moscow: MGIMO-University, 2007 [In Russian].

Романенко, С.А. Распад Югославии: «заговор» или историческая неизбежность? // Полития. – 1998. – № 2. – С. 159–178. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-1998-8-2-159-178>

Romanenko, Sergei A. "Raspad Yugoslavii: «zagovor» ili istoricheskaya neizbezhnost'?" *Politiya*, no. 2 (1998): 159–178 [In Russian].

Булатовић, Момир. *Неузговорена одбрана*. Београд: Вукотић медиа, 2021.

Bulatovic, Momir. *Unspoken defense*. Belgrade: Vukotic media, 2021 [In Serbian].

Булатовић, Момир. "Зашто Друга Југославија није могла бити спасена и где су границе њеног растакања." *Национални интерес* 33, no. 3 (2018): 189–200. <https://doi.org/10.22182/ni.3332018.10>
Bulatovic, Momir. "Why the Other Yugoslavia Can Not Be Damaged and Where the End of Its Development." *National Interest* 33, no. 3 (2018): 189–200 [In Serbian].

Джуретич, В. Развал Југославије. Основне теченија 1918–2003 гг. – М.: Кобекс интернешнл, 2003.
Dzhuretich, Veselin. *Razval Yugoslavii. Osnovnyye techeniya 1918–2003 gg.* Moscow: Kobeks interneshnl, 2003 [In Russian].

Димитријевић, Владимир. *Граматика екуменизма*. Београд: Романов, 2011.

Dimitrijevic, Vladimir. *Grammar of Ecumenism*. Belgrade: Romanov, 2011 [In Serbian].

Ђурковић, Миша. "Међународни чиниоци и распад Југославије." In *Историја једне утопије – књига II*, 477–492. Београд: Catena Mundi, 2018.

Đurković, Miša. "International Factors and the Breakup of Yugoslavia." In *Istorija jedne utopije – knjiga II*, 477–492. Belgrade: Catena Mundi, 2018 [In Serbian].

Димић, Љубодраг. "Срби и Југославија." In *Историја једне утопије – књига II*, 113–132. Београд: Catena Mundi, 2018.

Đimić, Ljubodrag. "Serbs and Yugoslavia." In *Istorija jedne utopije – knjiga II*, 113–132. Belgrade: Catena Mundi, 2018 [In Serbian].

Екмечић, Милорад. *Дуго кретање између клања и орача: историја Србије у новом веку 1492–1992*. Београд: Евро-Гианти, 2010.

Ekmečić, Milorad. *Long Movement between Slaughtering and Plowing: History of Serbia in the New Century 1492–1992*. Belgrade: Euro-Giunti, 2010 [In Serbian].

Кнежевић, Милош. *Призма геополитике*. Београд: Институт за геополитичке студије, 2013.

Knežević, Miloš. *The Prism of Geopolitics*. Belgrade: Institute for Political Studies, 2013 [In Serbian].

Ковић, Милош. "Срби и југословенска идеја." In *Историја једне утопије – књига II*, 589–612. Београд: Catena Mundi, 2018.

Ković, Miloš. "Serbs and the Yugoslav idea." In *Istorija jedne utopije – knjiga II*, 589–612. Belgrade: Catena Mundi, 2018 [In Serbian].

Ломпар, Мило. *Дух самопорицања – прилог критици српске културне политике: У сенци туђе власти*. Београд: Catena Mundi, 2017.

Lompar, Milo. *The Spirit of Self-Denial-Contribution to the Critique of Serbian Cultural Policy: In The Shadow of Someone Else's Authority*. Belgrade: Catena Mundi, 2017 [In Serbian].

Николић, Коста. "Комунисти и југословенска идеја." In *Историја једне утопије – књига II*, 558–606. Београд: Catena Mundi, 2018.

Nikolić, Kosta. "Communists and the Yugoslav idea." In *Istorija jedne utopije – knjiga II*, 558–606. Belgrade: Catena Mundi, 2018 [In Serbian].

Пророковић, Душан. *Геополитика Србије: положај и перспективе на почетку XXI века*. Београд: Службени гласник, 2012.

Proroković, Dušan. *Geopolitics of Serbia: Position and Perspectives at the Beginning of the XXI Century*. Belgrade: Službeni glasnik, 2012 [In Serbian].

Раковић, Александар. *Црногорски сепаратизам*. Београд: Catena Mundi, 2019.

Raković, Aleksandar. *Montenegrin Separatism*. Belgrade: Catena Mundi, 2019 [In Serbian].

Самарџић, Слободан. *Градња и разградња државе*. Београд: Филип Вишњић, 2008.

Samardžić, Slobodan. *Construction and Breakdown of the State*. Belgrade: Filip Višnjić, 2008 [In Serbian].

Симић, Жељко. *Стање српске духовности*. Нови Сад: Прометеј, 2015.

Simić, Željko. *The State of Serbian Spirituality*. Novi Sad: Prometej, 2015 [In Serbian].

Степић, Миломир. *Српско питање – геополитичко питање*. Београд: Јантар група, 2004.

Stepić, Milomir. *Serbian Question – Geopolitical Issue*. Belgrade: Jantar grupa, 2004 [In Serbian].

Стојичевић, Слободан. *Мрежни рат против Срба*. Београд: Авала прес, 2015.

Stojičević Slobodan. *Network War against the Serbs*. Belgrade: Avala pres, 2015 [In Serbian].

Чавошки, Коста. "Друга Југославија." In *Историја једне утопије – књига II*, 133–145. Београд: Catena Mundi, 2018.

Čavoški, Kosta. "Another Yugoslavia." In *Istorija jedne utopije – knjiga II*, 133–145. Belgrade: Catena Mundi, 2018 [In Serbian].

Кисић, Изabela. *Десни екстремизам у Србији*. Београд: Хелсиншки одбор за људска права у Србији, 2020.

Kisić, Izabela. *Right-wing Extremism in Serbia*. Belgrade: Helsinki Committee for Human Rights, 2020 [In Serbian].

Marić, Milimir. "Deca komunizma." In *Mali pojmovnik geopolitike*, edited by Zoran Petrović Piročanac, 79–82. Beograd: Jugoistok – Centar za geopolitičke studije, Institut za političke studije, 1997.

Marić, Milimir. "Children of communism." In *Mali pojmovnik geopolitike*, edited by Zoran Petrović Piročanac, 79–82. Belgrade: Jugoistok – Centar za geopolitičke studije, Institut za političke studije, 1997 [In Serbian].

Perović, Latinka. "Srbi i Srbija u novovekovnoj istoriji. Iskustvo sa drugim narodima." In *Jugoslavija u istorijskoj perspektivi*, 202–250. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava, 2017.

Perović, Latinka. "Serbs and Serbia in Modern History. Experience with Other Nations." In *Jugoslavija u istorijskoj perspektivi*, 202–250. Belgrade: Helsinki Committee for Human Rights, 2017 [In Serbian].

Biserko, Sonja. *Yugoslavia's Implosion: The Fatal Attraction of Serbian Nationalism*. Belgrade: The Norwegian Helsinki Committee, 2012.

Campbell, David. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.

Dalby, Simon, and Gerard Toal, eds. *Rethinking Geopolitics*. New York: Routledge, 1998.

Pavlaković, Vjeran. "Memory politics in the Former Yugoslavia". *Yearbook of the Institute of Central Europe* 18, no. 2 (2020): 9–32. <https://doi.org/10.36874/RIESW.2020.2.1>.

Papović, Milica. *Post-Yugoslav memories as a Resistance Strategy and the Political Significance of Yugo nostalgia*. Sciences Po; Univerza v Ljubljani, 2021

Tuathail, Geároid Ó. "The Language and Nature of the 'New Geopolitics' – the Case of US – El Salvador 'relations.'" *Political Geography Quarterly* 5 (1986): 73–85.

Tuathail, Gearóid Ó, and John Agnew. "Geopolitics and discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy." *Political geography* 11 (1992): 190–204.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>.

Сведения об авторах

Екатерина Геннадьевна Энтина,

д.пол.н., профессор, Департамент зарубежного регионоведения Факультета мировой политики и мировой экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17, стр.1; руководитель Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований, Институт Европы Российской академии наук, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3В.

e-mail: entinakat@gmail.com

Душан Пророкович,

PhD, научный сотрудник, Институт международной политики и экономики, 11103, Сербия, Белград, ул. Македонска, 25.

e-mail: dusan@diplomacy.bg.ac.rs

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 марта 2022.

Переработана: 30 апреля 2022.

Принята к публикации: 14 июня 2022.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Энтина, Е.Г., Пророкович, Д. Распад Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии // Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (3). – С. 94–115.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-94-115>

The Breakup of Yugoslavia in the Research and Political Discourses of Russia and Serbia

ABSTRACT

The breakup of Yugoslavia has become one of the key events of the postbipolar world order and has occupied a special place in the discourse in both politicians of Serbia and Russia. However, interpretations of the crisis, its causes and main driving forces, as well as its use as a reference object in contemporary national and political discourse differ significantly in Serbia and Russia. One of the important subjects is that in both countries, at the level of both discourses, there is a convergence of radical versions, and in the changing structure of European international relations, the role of an external factor in the tragedy of disintegration acquires a special sound. In this article, a discourse analysis of narratives of the Yugoslav crisis in academic and political discourse in a cross-country perspective is conducted using a social constructivist approach. The study seeks to deconstruct the images of the "guilty ones" in the Yugoslav crisis and to consider the features of using peculiarities of the crisis image in contemporary political discourse. It explores how the formal discourse of academics further influenced the discourse of politicians in the Russian and Serbian cases.

KEYWORDS

breakup of Yugoslavia, historical discourse in politics, new international order, international relations in Europe

Authors

Ekaterina G. Entina,

PhD, Professor at the School of International Regional Studies,
Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School
of Economics, 119017, Moscow, Malaya Ordynka Street, 17/1;
Director of the Department of Black and Mediterranean sea, Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences, 125009, Moscow, Mokhovaya street, 11-3
e-mail: entinakat@gmail.com

Dusan Prorocovic,

PhD, Researcher at the Institute of International Politics and Economics, Serbia,
Belgrade, 11103, Makedonska St., 25.
e-mail: dusan@diplomacy.bg.ac.rs

Additional information

Received: March, 31 2022. Revised: April 30, 2022. Accepted: June 14, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Entina, Ekaterina G., and Dusan Prorocovic. "The Breakup of Yugoslavia in the Research and Political Discourses of Russia and Serbia." *Journal of International Analytics* 13, no. 3 (2022): 94-115.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-94-115>

Историческое наследие Португалии как фактор разделения и сплочения общества

Сигачев Максим Игоревич, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Артеев Сергей Павлович, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: maxsig@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Проблема разделенных обществ и разделений в обществах приобретает особую значимость на фоне роста социально-политической напряженности во внутри- и внешнеполитическом измерениях по всему миру. Запад перестает быть ареалом преимущественного благополучия. В обществах европейских стран в последние годы также сформировался тренд на усиление разделений. В статье проводится анализ старых и новых социально-политических размежеваний (кливажей) внутри португальского общества. Выбор Португалии в качестве кейса для исследования обусловлен сочетанием сразу нескольких факторов кливажей: память о «революции гвоздик», отношение к европейскому проекту, имперское прошлое, католицизм/секуляризм. Теоретико-методологическая рамка исследования базируется на использовании концепции разделенных обществ и конструктивизма в качестве магистральных эпистемологических инструментов, также применяется страноведческий анализ. Авторы исследования предпринимая попытку не только выявить базовые социокультурные разделения в современном социуме Португалии, но и ответить на вопрос о том, можно ли говорить о разделенном обществе применительно к португальскому кейсу. Делается акцент на особенностях исторического пути Португалии в качестве постимперского государства, чья специфика в значительной степени обусловлена, во-первых, прошлым Португальской морской империи и, во-вторых, наследием «революции гвоздик» 1974 г. В центре анализа ключевые кливажи, сформированные в результате «революции гвоздик», реализации европейского проекта, распада империи, особенностей религиозного уклада Португалии. Заключение содержит вывод о том, что португальское общество сумело избежать наиболее негативного сценария развития ситуации и имеет шансы на консолидацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

разделенные общества, кливаж, историческая память, идентичность, Португалия, империя

Постановка проблемы

В настоящий момент в рамках научного политологического дискурса все большую актуальность приобретает проблематика социальных размежеваний и внутривнутриполитических разделений, своими корнями восходящая к теории С. Липсета и С. Роккана¹. Отцами-основателями концепции разделенных обществ было выделено два типа революций – национальный и индустриальный (промышленный), которые, в свою очередь, приводят к появлению четырех типов кливажей: 1) между капиталом и трудом; 2) между городом и деревней; 3) между центром и периферией; 4) между государством и церковью². С. Липсет и С. Роккан писали по этому поводу следующее: «Мы считаем целесообразным выделение четырех линий размежеваний. Две линии напрямую проистекают со времен национальных революций: конфликт между центральной культурой строительства нации-государства и усиливающимся сопротивлением этнически, лингвистически и религиозно отличных культур провинций и периферий, а также конфликт между централизующим, стандартизирующим и мобилизующим государством-нацией и исторически укрепившимися привилегиями церкви. Другие два размежевания ведут свое происхождение со времен индустриальной революции: конфликт между интересами земельных собственников и растущего класса промышленных предпринимателей, а также конфликт между собственниками и работодателями с одной стороны и рабочими и служащими – с другой»³.

В данной статье тематика разделенных обществ рассматривается в рамках странового кейса Португалии. Интересно отметить, что с точки зрения возникающих в процессе социально-политического развития кливажей можно говорить о наличии значительного сходства между португальским и испанским кейсами. Как в Португалии, так и в Испании на протяжении нескольких десятилетий имела место правая корпоративная модель государственности, которую с учетом национальных особенностей строили как А. Салазар, так и Ф. Франко. Крах салазаристского «Нового государства» и франкизма также произошел практически одновременно, в середине 1970-х гг., после чего обе страны столкнулись с необходимостью проведения сложного демократического транзита.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить основные социальные и культурные (в том числе религиозные) размежевания в современном португальском обществе и проанализировать их роль в политических разделениях (левые / правые, консерваторы / либералы и др.) и в динамике партийно-политической системы Португалии, включая последние выборы 2022 г. Кроме того, имеет смысл попытаться ответить на вопрос, можно ли считать португальское общество разделенным, или же оно скорее является солидарным. Для решения поставленной задачи необходимо выявить ключевые социально-политические разделения внутри Португалии.

Методология исследования базируется на использовании концепции разделенных обществ, отчасти на регионаловедческом подходе, в рамках которого

1 Rokkan, Lipset 1967; Липсет, Роккан 2004.

2 Rokkan, Lipset 1967, 13.

3 Липсет, Роккан 2004.

теоретические концепции рассматриваются на примере конкретного странового кейса, в нашем случае – португальского. Поэтому в данном исследовании при анализе разделений, политических партий, имперского прошлого Португалии и влияния революции 1974 г. на современную политическую систему активно используются работы португаловедов.

Многие современные европейские общества сталкиваются с многочисленными внутренними и внешними вызовами, которые усиливают прежние и порождают новые разделения в обществе и в политической системе. К числу новых размежеваний относятся, к примеру, разделения по линии автохтоны / мигранты, еврооптимизм / альтеревропеизм, народ / власть. Примером такого общества может служить и Португалия, в которой существуют социальные и внутриполитические разделения, связанные с ее имперским прошлым, с революцией 1974 г. и с современными вызовами в виде социально-экономического кризиса, финансовых проблем, отношений с руководящими органами ЕС и др. В данной статье будут рассмотрены размежевания в контексте следующих кливажей: революционное наследие, отношение к Европейскому союзу, память о Португальской морской и колониальной империи, католическая культурная традиция, наследие салазаристского «Нового государства»¹.

Португалия: научный дискурс и современные реалии

Российская португалистика обладает значительным потенциалом развития, который к настоящему моменту реализован лишь частично. Так, изучением Португалии в России занимается Центр иберийских исследований Института Европы РАН (ИЕ РАН) под руководством В.Л. Верникова. В 2014 г. под эгидой ИЕ РАН вышли две знаковые работы в связи с сорокалетней годовщиной «революции гвоздик»: «Португалия: 40 лет после революции. Что дальше?»², а также коллективная монография «Португалия: путь от революции...»³. Как отмечает С.М. Хенкин, с точки зрения уровня социально-политического и социально-экономического развития Португалии типологически близки такие страны Южной Европы как Испания, Греция, а также государства центральноевропейского региона и южного конуса Латинской Америки⁴.

По аналогии с другими южноевропейскими странами, перелом в политическом и социально-экономическом развитии Португалии пришелся на рубеж 2000–2010-х гг. и был связан с тяжелыми последствиями мирового финансово-экономического и европейского долгового кризисов. Как указывает Н.В. Говорова, к примеру, если в течение тридцатилетия с 1980 по 2010 гг. индекс человеческого развития (ИЧР) Португалии неуклонно рос, то после 2010 г. произошло торможение роста португальского ИЧР⁵.

В тот период даже возник образ Португалии как «безнадежного бедняка Европы», чьи социально-экономические достижения оказались под угрозой обну-

1 Cairo 2006.

2 Португалия: 40 лет после революции 2014.

3 Португалия: путь от революции 2014.

4 Португалия: 40 лет после революции 2014, 10.

5 Ibid., 71.

ления. По мнению Х.Л. Казанова, М.Д. Гуррейру и И. Первова¹, экономический кризис послужил важной причиной для сокращения государственных расходов. Португалия стала одним из тех государств, где кризисные процессы приобрели драматический характер. После финансового краха в 2008 г. и государственной финансовой помощи банкам, оказавшимся под угрозой банкротства, страна была вынуждена обратиться за финансовой помощью к Международному валютному фонду, Европейскому центральному банку и Европейской комиссии. Программа экономической либерализации на период с 2011 по 2014 гг. привела к резко негативным социальным последствиям. Лишь после 2014–2015 гг. финансовая, экономическая и социальная ситуация начала постепенно улучшаться².

В упоминавшейся выше коллективной монографии о Португалии указывается на то, что «стагнирующая промышленность и массовая безработица, обернувшиеся социальной катастрофой для значительной части населения, и чрезвычайно горькие лекарства, прописанные ЕС для лечения затянувшейся болезни, предрекают затяжное выздоровление и призрачный рост. В жертву принесено, как считают португальские социологи, целое поколение молодых людей с университетским образованием, которые, не проработав ни дня, не видят перспектив в ближайшем будущем найти работу по специальности и вынуждены эмигрировать. Жертвой кризиса стали и десятки, если не сотни тысяч самостоятельных и состоявшихся граждан, занятых в среднем и мелком бизнесе, разоренных непомерным ростом налогов и общим спадом производства... Дефицит бюджета и жесткие требования ЕС по его сокращению в достаточно сжатые сроки ударили не только по благосостоянию целой армии госслужащих, но и по расходам на культуру, науку, образование, НИОКР и по самым конкурентоспособным отраслям португальской экономики»³.

Авторы опубликованного в 2013 г. доклада ОЭСР «Португалия. Реформирование государства ради стимулирования роста»⁴ считают, что после почти двух десятилетий уверенного экономического роста и повышения уровня жизни социально-экономические показатели Португалии ослабли, производительность существенно замедлилась, а конкурентоспособность ухудшилась. Структурные реформы, направленные на модернизацию экономики, в сочетании с благоприятной внешней средой поддерживали экономический рост в годы, предшествовавшие кризису, но этого оказалось недостаточно для дальнейшего сокращения большого разрыва в уровне жизни между Португалией и более богатыми странами ОЭСР. Глобальный кризис обнажил глубинные слабости португальской экономики, которая по-прежнему была чрезмерно ориентирована на внутренний спрос и продолжала терять конкурентоспособность, что привело к неустойчивому внешнему дисбалансу. В последние годы Португалия провела масштабные структурные реформы для восстановления устойчивости государственных финансов, сокращения внешних дисбалансов и возвращения экономики на путь уверенного роста, способствующего созданию новых рабочих мест. Важ-

1 Casanova et al. 2018.

2 Ibid., 3.

3 Португалия: путь от революции 2014, 8.

4 "Portugal. Reforming the State to Promote Growth," OECD, May 2013, accessed June 23, 2022, <https://www.oecd.org/portugal/Portugal%20-%20Reforming%20the%20State%20to%20Promote%20Growth.pdf>.

ными шагами вперед стали реформы, направленные на укрепление фискальной системы, расширение налоговой базы и совершенствование политики в области рынка труда и конкуренции. Вместе с тем, по мнению авторов доклада, краткосрочные социальные и экономические издержки восстановления баланса были высокими, но, учитывая масштабы необходимой корректировки, менее острыми, чем у некоторых партнеров по еврозоне. Несмотря на необходимость проведения фискальной и внешней корректировки, крайне важно также минимизировать влияние на рост, сохранить социальную сплоченность и заложить основу для более сильного и справедливого роста в долгосрочной перспективе¹.

Пик структурных реформ португальской экономики, получивших столь позитивную оценку со стороны экспертов ОЭСР, пришелся на годы пребывания у власти правоцентристской Социал-демократической партии (СДП) под руководством тогдашнего премьер-министра П. Коэлью, хотя начало неолиберальной политике жесткой экономии парадоксальным образом было положено левоцентристским правительством социалистов во главе с Ж. Сократешем. В 2015 г., спустя два года после выхода доклада ОЭСР, отмеченные его авторами социально-экономические издержки и наличие запроса на социальную солидарность и справедливость привели к тому, что в результате недовольства неолиберальной политикой социал-демократического правительства власть перешла к Социалистической партии (СП) под руководством А. Кошты.

Период социально-экономической нестабильности привел к актуализации ряда социальных размежеваний, которые подспудно зрели внутри португальского общества с момента «революции гвоздик» 1974 г. и ранее.

Революционное наследие как фактор разделения и сплочения португальцев

Историческая память о «революции гвоздик» 25 апреля 1974 г. играет как разделительную, так и интеграционную роль применительно к португальскому обществу. Несомненно, что революционное наследие в значительной степени определило специфику социально-политического развития страны. Португальский политолог Т. Фернандеш из Департамента политических исследований Нового университета Лиссабона, сравнивая особенности политического развития Португалии и Испании, пишет, что, несмотря на бесчисленные сходства, касающиеся политической культуры, предшествующего недемократического режима, контекста и продолжительности демократического транзита, гражданские общества, сформированные в этих странах в демократический период (1970–2000-е гг.), радикально отличаются. По мнению Т. Фернандеша, португальское гражданское общество в большинстве сфер деятельности организаций стало более солидарным, институционализированным и организованным. Португальский политолог полагает, что модель гражданского общества, существующая в Португалии, гораздо ближе к идеалу демократии участия, в то время как в Испании гражданское общество намного менее мобилизовано. Он рассматривает эти страновые осо-

1 Portugal. Reforming the State to Promote Growth.

бенности как результат сильно различающихся путей к демократии: социальной революции в случае Португалии и реформ в случае Испании. По его мнению, именно радикальность революционного перехода повлияла на глубину португальской демократии. В частности, Т. Фернандеш утверждает, что революционный путь португальского народа к демократии оказал положительное влияние на способность к самоорганизации групп рабочего и среднего класса. Социальные революции, как правило, институционализируют механизмы, которые стимулируют массовое гражданское участие. Поэтому демократии, рожденные в результате революционного процесса, обычно предоставляют больше возможностей и механизмов для участия и гражданской вовлеченности масс в политическую жизнь страны. Таким образом, португальский исследователь выдвинул гипотезу, согласно которой генезис солидарного массового гражданского общества Португалии, основанного на народных массах, коренится в социальной революции 1970-х гг., способствовавшей углублению демократии и эгалитаризма¹.

В середине 2010-х гг. революционное наследие подспудно внесло определенный вклад в процессы сплочения левой оппозиции, объединившей умеренных социалистов с более радикальными коммунистами и левыми социал-популистами. Общей платформой союза Социалистической партии с Португальской коммунистической партией (ПКП) и Левым блоком (ЛБ) стало требование отказа от курса жесткой экономии, наиболее последовательными сторонниками которого выступают социал-демократы, вопреки своему названию придерживающиеся скорее праволиберальных взглядов, нежели социал-демократических. С.М. Хенкин справедливо указывает на тот факт, что особенность демократического транзита в Португалии заключалась в перерастании первоначального военного переворота в глубокую социальную революцию, характеризовавшуюся заметной ролью ПКП, к тому же стоявшей на позициях гораздо более ортодоксальных, нежели еврокоммунисты соседней Испании². Помимо лидера ПКП А. Куньяла, видным сторонником лево-социалистического проекта в Португалии являлся глава португальского правительства в 1974–1975 гг. В. Гонсалвиш. Принципы социализма даже нашли свое отражение в первой редакции португальской конституции, принятой в 1976 г. Однако в последующие десятилетия, начиная с рубежа 1970–1980-х гг., солидаристские идеалы левого толка перестали играть ту роль, которая принадлежала им в первые постреволюционные годы. Тем не менее они полностью не исчезли, оставаясь в политической культуре португальцев в «спящем», имплицитном виде и выходя на поверхность в периоды социальных и политических кризисов. Так, португальское общество вспоминало о революционном наследии в связи с мировым кризисом 2008–2009 гг. и последовавшим за ним кризисом еврозоны, когда внешние кредиторы (так называемая европейская «тройка» в составе Европейской комиссии, Европейского центрального банка и Международного валютного фонда) навязали Португалии политику жесткой экономии в качестве обязательного условия предоставления займов для спасения португальской экономики. Недовольство португальцев неолибе-

1 Fernandes 2014.

2 Португалия: 40 лет после революции 2014, 9–11.

ральным курсом на сокращение государственных расходов нашло отражение в росте антиэлитных настроений социально-популистского толка, увеличении числа протестных выступлений и интенсификации профсоюзной борьбы за трудовые права. Причем если первый этап структурных реформ проходил под руководством правительства СП, традиционно настроенной значительно более прорыночно и прагматично по сравнению с радикальными левыми из ПКП и ЛБ, то случившийся в 2011 г. уход в отставку социалистического премьер-министра Ж. Сократеша и приход к власти правоцентристов-либералов в лице коалиции Социал-демократической и Народной партии (НП) привел к активизации классического право-левого кливажа, уходящего своими корнями в эпоху апрельской революции. Это в свою очередь позволило солидаризироваться умеренным социалистам и представителям крайнего фланга левого полюса португальской политики, поскольку теперь у них имелась общая почва для консолидации с целью оппонирования рыночно-фундаменталистскому курсу правых либералов. В итоге наследие «революции гвоздик» сыграло свою роль в образовании широкого лево-социалистического фронта, способствовавшего победе левоцентристской коалиции на парламентских выборах 2015 г. и переходу социалистов из оппозиции во власть под руководством нового лидера СП А. Кошты, который вплоть до конца 2021 г. правил с опорой на своих леворадикальных союзников в лице коммунистов и социал-популистов из Левого блока. Идеейные платформы влияют и на отношение португальского общества к европейскому проекту.

Отношение к Европе: от евроэнтузиазма к социальному альтеревропеизму

С самого начала апрельской «революции гвоздик» перед Португалией встал вопрос об альтернативах социально-политического развития. По сути, это был вопрос об идентичности Португалии¹. Португальское общество разделилось на социалистов (альтеревропеистов) и европеистов. Следует пояснить, что альтеревропеисты так же, как и еврооптимисты / евроэнтузиасты выступают за развитие европейского интеграционного проекта, но на основе приоритета национальных интересов своего государства над общеевропейскими, в то время как евроскептики считают, что европейская интеграция приносит их государствам больше вреда, чем пользы. Если сторонники лево-социалистического пути развития Португалии выступали за сближение с советским блоком, то еврооптимисты ратовали за скорейшую интеграцию в Европейское экономическое сообщество. Отечественная исследовательница Н.В. Кирсанова указывает на то, что «европейский выбор» в качестве ключевого приоритета политики был заявлен уже в июле 1976 г., будучи поддержан сразу Португальской социалистической партией, Народно-демократической партией (первоначальное название СДП) и Социально-демократическим центром. Среди всех ведущих политических сил лишь одни коммунисты принадлежали к евроскептическому лагерю, выступая против вступления Португалии

1 Cabral 1992.

в ЕЭС. В тоже время настроения внутри португальского социума еще в конце 1970-х гг. не были однозначно еврооптимистическими: безоговорочными сторонниками европейской интеграции являлись лишь 22% португальцев, 11% – противниками, а 67% не определились¹. После 1974 г. важнейшими вехами на европейском пути развития Португальской республики стали присоединение к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС) 1 января 1986 г., а также вступление в еврозону в 1999 г. Затем вплоть до рубежа 2000–2010-х гг., ознаменовавшегося чередой кризисов (мирового финансово-экономического и европейского долгового), португальцев считали еврооптимистами и даже евроэнтузиастами, что давало исследователям, в частности Т. Фернандешу и И.Л. Прохоренко, повод задаваться вопросом о том, существует ли в принципе португальский евроскептицизм². До европейского долгового кризиса конца 2000 – начала 2010-х гг. евроскептики в Португалии были незначительны, но вследствие социально-экономического кризиса они увеличили свое влияние. Усиление позиций евроскептиков нашло отражение и в общественно-политических дискуссиях о внешнеполитической ориентации: евроскептики выступали за ее «девропеизацию» и диверсификацию³.

Исследователи-португалисты склонны полагать, что вплоть до мирового финансово-экономического кризиса в значительной степени вследствие многомиллиардных субсидий Европейского союза Португалии удавалось обеспечивать высокие темпы экономического роста. В период до 2008 г. прирост португальского ВВП составлял 4% в год. Помощь ЕС обеспечивала модернизацию португальской экономики и инфраструктуры, стимулируя макроэкономические показатели, поэтому докризисную Португалию даже рассматривали в качестве «самого примерного ученика Европы»⁴.

Всплеск евроскептических настроений среди португальцев пришелся на период европейского долгового кризиса рубежа 2000–2010-х гг., однако принял более умеренные формы по сравнению с другими странами Средиземноморской Европы, такими как Греция, Италия или Испания, не выходя за рамки альтеревропеизма. В мае 2011 г. Европейская комиссия, Европейский центральный банк и МВФ предоставили Португалии кредит в размере 78 млрд евро для стабилизации португальской экономики и финансов. Программа международной финансовой помощи продолжалась вплоть до 17 мая 2014 г., однако, по мнению В.Б. Белова, она сопровождалась «побочным эффектом» в виде жесткой экономической политики неолиберального толка, связанной с урезанием расходной части государственного бюджета, повышением налогов, приватизацией и либеральной реформой рынка труда⁵. Португальский евроскептицизм был направлен против навязываемого европейской «тройкой» кредиторам экономического неолиберализма, нацеленного на оптимизацию государственного бюджета посредством сокращения социальных расходов, нося, таким образом, преимущественно социально-экономический характер. Евроскептицизм актуализирует имперское измерение португальской идентичности.

1 Португалия: 40 лет после революции 2014, 18.

2 Fernandes, Carvalhais 2016; Португалия: 40 лет после революции 2014, 53.

3 Raimundo et al. 2021.

4 Португалия: путь от революции 2014, 7–8.

5 Португалия: 40 лет после революции 2014, 63.

Имперское наследие

Как подчеркивают исследователи-португалисты, «революция гвоздик» не только положила конец «Новому государству» Салазара-Каэтану, но и подвела черту под пятисотлетней эрой существования Португальской колониальной империи, созданной раньше прочих европейских империй в XV в., просуществовавшей дольше всех и распавшейся одной из последних¹. Имперское наследие проявляется в том числе и в том, что при формировании взглядов на прошлое Португалия в большей степени позиционирует себя не столько как европейскую страну, сколько как постимперское национальное государство, помещенное в глобальный контекст, особенно в части Лузофонии². Португальский профессор из университета Коимбры А. Мартинш да Сильва в своей статье над названием "*A Europa e o mar: dilemas do passado, desafios do futuro*" («Европа и море: дилеммы прошлого, вызовы будущего») обосновывает, что в первые века своего существования Португалия развивалась как континентальная держава, однако затем произошел ее разворот в сторону морской экспансии. Португальский менталитет как бы разрывается, раздваивается, разделяется «между зовом моря и привязанностью к суше»³.

Имперская идея в значительной степени лежит в основе традиционной португальской идентичности⁴ и мифологии⁵. Более того, как отмечают португальские исследователи, имперская идея неразрывно связана с идеей португальской исключительности, что находит выражение в своеобразном португальском мессианстве⁶ и подходе к международным отношениям⁷. О.А. Сапрыкина указывает на тот факт, что уже у португальского национального поэта Л. Де Камозенса в его поэме «Лузиады» было сформулировано представление о Португалии как о великой империи. Следующий этап эволюции этнокультурной идентичности португальцев был связан с учением о португальской «Пятой Империи» как империи духа, у истоков которого находился католический священник А. Виейра, живший в XVII в. Тем самым, как обосновывает О.А. Сапрыкина, имперская традиция португальского народа соединялась с трансцендентализмом, получая трансцендентное измерение⁸.

Португальцам как постимперской нации присущ своеобразный национал-максимализм, выражающийся в представлении о национальном величии, гордости за славное имперское прошлое, великую историю Португалии, а также наличии глобального видения своего места в мире. В XX в. на базе апелляций к Португальской империи возникли концепции Португальского (Лузофонного) мира⁹ и лузотропикализма как идеи особого родства португалоязычных народов, особенно бразильцев и португальцев. При этом, как указывает в своей работе А. Раймунду, ЕС стремится интегрировать связи Португалии со своими бывшими колониями в Африке в общеевропейскую внешнеполитическую повестку¹⁰.

1 Португалия: 40 лет после революции 2014, 14.

2 Seixas 2021.

3 Португалия: 40 лет после революции 2014, 39.

4 Curto 2021.

5 Fonseca 2020.

6 Castellano 2018, 116.

7 Ferreira-Pereira, Freire 2009, 81.

8 Португалия: 40 лет после революции 2014, 75.

9 Abadía et al. 2016; Arenas 2015.

10 Raimundo 2014.

Особо следует отметить период правления А. Салазара (1932–1986). Салазаризм – это португальский вариант крайне правого корпоративного режима. О значении салазаровского наследия для современной политической культуры Португалии свидетельствует тот факт, что в финале проходившего в 2007 г. телевизионного конкурса «Великий португалец» именно диктатор А. Салазар занял первое место, набрав 41% голосов телезрителей¹. Отношение к создателю «Нового государства», правившему Португалией на протяжении без малого 40 лет, выступает, таким образом, одной из важных линий разделения португальского общества. Частично размежевание на салазаристов и антисалазаристов пересекается с право-левым кливажем.

В постреволюционную и постимперскую эпоху 1970-х гг. мессианизм португальцев, вера в исключительность португальской исторической судьбы проявила себя в форме левых идей социальной революции, переустройства общества на началах социальной справедливости. Таким образом, португальский мессианизм базируется на модели справедливого общественного устройства, которая может быть «экспортирована» вовне. В результате в самом конце минувшего столетия, в 1996 г. было образовано Содружество португалоязычных стран, в котором, помимо этнолингвистического фактора, немаловажную роль играет и религиозный аспект.

Католицизм vs секуляризм

Наследие католицизма во многом выполняет роль культурно-цивилизационного фундамента португальской идентичности. Католическая традиция исторически оказывает существенное влияние на направление социально-политического развития португальского общества. Так, именно отсутствие поддержки со стороны португальских католиков сыграло определенную роль в провале левого проекта в постреволюционной Португалии. Если среди секулярно настроенных португальцев социалистические идеи пользовались значительной поддержкой, то католические верующие Португалии значительно меньше голосовали за Португальскую коммунистическую партию и левые силы в целом, предпочитая отдавать свои голоса политикам правого и правоцентристского толка. Размежевание вдоль оси католицизм / секуляризм среди португальцев, таким образом, отчасти накладывается на идеологический право-левый кливаж, что далеко не случайно. Сами левые – это скорее политические материалисты, опирающиеся во многом на политэкономический, материально ориентированный взгляд на мир сквозь призму производственных отношений и производительных сил, которые абсолютизируют социально-экономические основания политики, проецируя тем самым материалистическое мировоззрение на область политического. Следствием данной проекции, к примеру, являются и многие установки марксистов, такие как базисно-надстроечное, материалистическое понимание истории, рассматривающее в качестве фундаментального мировоззренческого базиса не дух, а материю и ее производные – экономику, социально-трудовую сферу, научно-технический прогресс. Марксизм, в свою очередь, наследует левым младогегельянцам, давшим материалистическую трактовку учению Гегеля, тогда как сама немецкая классическая философия имела безусловно идеалистический характер. Следовательно, для левой

1 Португалия: путь от революции 2014, 226.

парадигмы материалистическая и прогрессистская составляющие не менее важны, чем антикапитализм. Но из этих «трех источников, трех составных частей» левого дискурса именно материализм и прогрессизм являются наибольшим препятствием для союза с традиционными католиками и верующими. Правые, напротив, – политические идеалисты, которые тяготеют к вытекающему из идеалистической философии примату духовного начала над материальным и для которых естественно обращаться к нематериальному, духовному измерению политического. Именно поэтому они склонны понимать политику сквозь призму важности культурно-цивилизационных традиций, консервативных ценностей, этномиров, национальной идентичности, что и предопределило объективные основания для союза правых с Католической церковью в Португалии, в частности.

Португалоеды Х.Л. Казанова, М.Д. Гуррейру и И. Первова подчеркивают важное значение католической культурной традиции для развития гражданского общества в Португалии, отмечая наличие взаимосвязи между религией и гражданским обществом. По их мнению, участие в гражданской деятельности и в волонтерских организациях в целом более распространено в странах, где преобладает католическая церковь¹. Проблема гражданского активизма в португальском контексте крепко вписана в контекст наследия салаazarизма.

Заключение

Присутствующие внутри португальского общества социально-политические размежевания периодически приводят к политическим кризисам, ротации элит, трансформирующим партийно-политический ландшафт Португалии в ту или иную сторону². Последний по времени политический кризис имел место на рубеже 2021–2022 гг. вследствие того, что леворадикальные союзники социалистов в лице коммунистов из ПКП и левых социал-популистов из ЛБ отказались поддерживать тот вариант бюджета, который был предложен их партнерами по коалиции. Крайне левому флангу данный проект показался чересчур умеренным с точки зрения заложенных в него расходов на социально-трудовую сферу.

В качестве наиболее общих выводов можно констатировать следующее: несмотря на то, что после череды кризисов рубежа 2000–2010-х гг. произошло определенное обострение существующих внутри португальского общества противоречий, тем не менее социально-политические размежевания не приобрели драматический характер раскола. Подтверждением этому служит тот факт, что на последних по времени парламентских выборах 2022 г. уверенную победу одержали правящие с 2015 г. социалисты по главе с премьер-министром А. Коштой. Получив абсолютное большинство голосов в Ассамблее Республики, Социалистическая партия Португалии продемонстрировала свою роль гаранта стабильного развития. Победа социалистов объясняется, среди прочего, их долгосрочной способностью выполнять свои предвыборные обещания более полно по сравнению со своими политическими конкурентами (особенно это относится к Социал-демократической партии)³.

1 Casanova et al. 2018, 2–3.

2 Duarte, Silveria 2021.

3 Belchior et al. 2022, 169.

Несмотря на периодические кризисы, Португалии удается обходиться без революционных социально-политических потрясений на протяжении 45 лет. Поэтому вряд ли современное португальское общество можно назвать разделенным: если оно и не в полной мере солидаризованно, то может быть охарактеризовано как солидарно ориентированное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Lipset, S., Rokkan, S. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Партии и выборы: Хрестоматия / отв. ред. и сост. Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешкина. – М.: ИНИОН, 2004. – Ч.1. – С. 49–80.
- Lipset, Stein, Rokkan, Seymour. "Strukturny razmezhevanij, partijnnye sistemy i predpochteniya izbiratelej. Predvaritel'nye zamechaniya." In *Partii i vybory: Hrestomatiya*, edited by N.V. Anohina, and E.Yu. Meleshkina. Moscow: INION, 2004. P. 49–80 [In Russian].
- Португалия: 40 лет после революции. Что дальше? / под ред. В.Л. Верникова. – М.: Институт Европы РАН, 2014. – 82 с.
- Portugaliya: 40 let posle revolyucii. Chto dal'she?*, edited by V.L. Vernikov. Moscow: Institut Evropy RAN, 2014 [In Russian].
- Португалия: путь от революции? / под ред. В.Л. Верникова. – М.: Весь Мир, 2014. – 368 с.
- Portugaliya: put' ot revolyucii?*, edited by V.L. Vernikov. Moscow: Ves' Mir, 2014 [In Russian].
- Abadia, Lilia, Cabecinhas, Rosa, Macedo, Isabel, and Luis Cunha. "Interwoven Migration Narratives: Identity and Social Representations in the Lusophone World." *Identities: Global Studies in Culture and Power* 25, no. 3 (2016): 339–357. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2016.1244062>.
- Arenas, Fernando. "Migrations and the Rise of African Lisbon: Time-Space of Portuguese (Post) coloniality." *Postcolonial Studies* 18, no. 4 (2015): 353–366. <https://doi.org/10.1080/13688790.2015.1191982>.
- Belchior, Ana, Moury, Catherine, Hanenberg, Lúcio, and Pedro Nunes. "O cumprimento dos programas eleitorais em Portugal" [Compliance with Electoral Programs in Portugal]. *Análise Social* 57, no. 1 (2022): 160–184.
- Belchior, Ana, Moury, Catherine, Hanenberg, Lúcio, and Pedro Nunes. "Compliance with Electoral Programs in Portugal." *Análise Social* 57, no. 1 (2022): 160–184 [In Portuguese].
- Cabral, Manuel Villaverde. "Portugal e a Europa: Diferenças e Semelhança" [Portugal and Europe: Differences and Similarities]. *Análise Social* 27, no. 118/119 (1992): 943–954.
- Cabral, Manuel Villaverde. "Portugal and Europe: Differences and Similarities." *Análise Social* 27, no. 118/119 (1992): 943–954 [In Portuguese].
- Cairo, Heriberto. "Portugal is not a Small Country: Maps and Propaganda in the Salazar Regime." *Geopolitics* 11, no. 3 (2006): 367–395. <https://doi.org/10.1080/14650040600767867>.
- Casanova, José Luís, Guerreiro, Maria, and Irina Pervova. "Contemporary Changes and Civil society in Portugal and the Russian Federation." *European Politics and Society* 20, no. 6 (2018): 1–19. <https://doi.org/10.1080/023745118.2018.1502106>.
- Castellano, Carlos. "Curating and Cultural Difference in the Iberian Context: From Difference to Self-Reflexivity (and Back Again)." *Journal of Iberian and Latin American Research* 24, no. 2 (2018): 103–122. <https://doi.org/10.1080/13260219.2018.1536222>.
- Curto, Diogo. "A Descolonização da História: Portugal, a África e a Desconstrução de Mitos Historiográficos" by Isabel Castro Henriques by Isabel Castro Henriques." *Análise Social* 56, no. 4 (2021): 817–823.
- Curto, Diogo. "The Decolonization of History: Portugal, Africa, and the Deconstruction of Historiographic Myths" by Isabel Castro Henriques." *Análise Social* 56, no. 4 (2021): 817–823 [In Portuguese].
- Duarte, Mariana, and Pedro Silveria. "Viver (Brevemente) para a Política: Independência Partidária e Durabilidade da Elite Governativa Portuguesa." *Análise Social* 56, no. 3 (2021): 442–469.
- Duarte, Mariana, and Pedro Silveria. "Living (Briefly) for Politics: Party Independence and Durability of the Portuguese Governing Elite." *Análise Social* 56, no. 3 (2021): 442–469 [In Portuguese].
- Fernandes, Sandra, and Isabel Carvalhais. "Portugal: A Weak Case for Euroscepticism." In *Euroscepticism in Small EU Member States*, edited by Karlis Bukovskis, 47–60. Riga: Zinatne, 2016.
- Fernandes, Tiago. "Rethinking Pathways to Democracy: Civil Society in Portugal and Spain, 1960s–2000s." *Democratization* 22, no. 6 (2014): 1–31. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.901966>.
- Ferreira-Pereira, Laura, and Maria Freire. "International Relations in Portugal: The State of the Field and Beyond." *Global Society* 23, no. 1 (2009): 79–96.
- Fonseca, Isadora de Ataíde. "A Mitologia do Império na Crónica de Viagem Colonial em Angola no Século XX." *Análise Social* 55, no. 235 (2020): 274–298.
- Fonseca, Isadora de Ataíde. "The Mythology of the Empire in the Chronicle of Colonial Travel in Angola in the 20th Century." *Análise Social* 55, no. 235 (2020): 274–298 [In Portuguese].
- Raimundo, António. "Mapping the Agency of a Small, Former Colonial Power: Portugal and EU Political Conditionality in Sub-Saharan Africa, Perspectives on European." *Politics and Society* 15, no. 4 (2014): 589–605. <https://doi.org/10.1080/15705854.2014.945274>.
- Raimundo, António, Stavridis, Stelios, and Charlambos Tsardanidis. "The Eurozone Crisis' Impact: A De-Europeanization of Greek and Portuguese Foreign Policies?" *Journal of European Integration* 43, no. 5 (2021): 535–550. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1927014>.
- Rokkan Stein, and Seymour Lipset. "Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction." In *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*, edited by Stein Rokkan and Seymour Lipset. New York: Free Press; London: Collier-Macmillan Ltd., 1967.

Seixas, Xosé M. Núñez. " 'História Global de Portugal' by Carlos Fiolhais, José Eduardo Franco and José Pedro Paiva." *Análise Social* 56, no. 3 (2021): 597–601.

Seixas, Xosé M. Núñez. " 'Global History of Portugal' by Carlos Fiolhais, José Eduardo Franco and José Pedro Paiva." *Análise Social* 56, no. 3 (2021): 597–601 [In Portuguese].

Сведения об авторах

Максим Игоревич Сигачев,

к.полит.н., научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН),
Москва, Россия, ул. Профсоюзная, 23. 117997.

e-mail: maxsig@mail.ru

Сергей Павлович Артеев,

к.полит.н., научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН),
Москва, Россия, ул. Профсоюзная, 23. 117997.

e-mail: artsp7@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 14 июля 2022.

Переработана: 27 августа 2022.

Принята к публикации: 5 сентября 2022.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Сигачев, М.И., Артеев, С.П. «Историческое наследие Португалии как фактор разделения и сплочения общества» // *Международная аналитика*. – 2022. – Том 13 (3). – С. 116–129.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-116-129>

The Historical Heritage of Portugal as a Factor of Division and Consolidation of Society

ABSTRACT

The problem of divided societies and divisions in societies acquires special significance against the background of growing socio-political tensions in the internal and external political dimensions around the world. The West is ceasing to be an area of predominant tranquility and well-being. In recent years, in European societies a trend of increasing divisions has also emerged. The article analyzes old and new socio-political divisions (cleavages) within the Portuguese society. The choice of Portugal as a case study is due to the combination of several factors: the memory of the Carnation Revolution, the attitude towards the European project, the imperial past, Catholicism/secularism, and the historical legacy of the Salazar dictatorship. The theoretical and methodological framework of the study is based on the use of the concept of divided societies and constructivism as the main epistemological tools, while the country studies analysis is also applied. The authors attempt not only to identify the basic socio-cultural divisions in the contemporary Portuguese society, but also answer the question of whether it is possible to speak of a divided society in relation to the Portuguese case. The emphasis is placed on the peculiarities of Portugal's historical path as a post-imperial state whose specificity is largely due, first, to the heritage of the Portuguese maritime empire, and, second, to the legacy of the 1974 Carnation Revolution. The key cleavages that are at the center of the analysis are the legacy of the Carnation Revolution, the European project, the imperial legacy, the religious configuration, and the Salazar heritage. The conclusion is that the Portuguese society has managed to avoid the most negative scenario of the development of the situation and has a chance of consolidation.

KEYWORDS

divided societies, cleavage, historical policy, identity, Portugal, empire

Authors

Maxim I. Sigachev,

PhD in Political Science, Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences,
117997, Moscow, ul. Profsoyuznaya, 23.

e-mail: maxsig@mail.ru

Sergey P. Arteeв,

PhD in Political Science, Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences,
117997, Moscow, ul. Profsoyuznaya, 23.

e-mail: artsp7@yandex.ru

Additional information

Received: July 14, 2022. Revised: August 27, 2022. Accepted: September 5, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Sigachev, Maxim I., Arteeв, Sergey P. "The Historical Heritage of Portugal as a Factor of Division and Consolidation of Society." *Journal of International Analytics* 13, no. 3 (2022): 116–129.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-116-129>

Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции

Цибенко Вероника Витальевна, ЦМГИ ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия

Контактный адрес: tsibenkow@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются конструирование и использование Турцией идеологического дискурса о воображаемой географии в рамках реализации своей внутренней и внешней политики. В ходе исследования применялся используемый в востоковедении системный подход, предполагающий комплексное рассмотрение выбранного региона или государства специализации в качестве сложноорганизованной и культурно специфичной системы. Воображаемая география рассматривается в статье как репрезентативный и перформативный властный дискурс, связанный с исторической памятью и нациестроительством. Конструктивистский подход позволил изучить дискурс о воображаемой географии и его основные концепты на основе анализа фактов дискурса – основных идеологических текстов, формирующих представление о воображаемой географии Турции в XX-XXI вв., и знаковых событий, связанных с публикацией визуализированных образов воображаемой географии в форме карт. Конструируемый дискурс опирается на тюркскую и исламскую идеологические доминанты с использованием технологии силы (Г. Филдс). Государственное и медиа-картографирование с охватом территорий от Адриатики до Китайской стены дополняется «работой» с архитектурой на территориях, населенных тюрками и мусульманами, которая осуществляется на государственном уровне. На данном этапе воображаемая география становится инструментом продвижения национальных интересов Турции не только на постосманском, но и на постсоветском пространствах. Она обосновывает активную внешнюю политику Турции и легитимирует ее в глазах реально населяющих территории воображаемых пространств людей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

воображаемая география, национальные интересы, Турция, неоосманизм, пантюркизм, панисламизм

В середине ноября 2021 г. в Турции Партия националистического движения (ПНД) опубликовала фотографии, которые вызвали повышенный интерес и волну негативных реакций в России. На фотографиях лидер националистической партии Д. Бахчели презентовал президенту Турции Р. Тайипу Эрдогану карту тюркского мира, включающую российские территории в Крыму, Поволжье и в Сибири¹.

Кадры двух турецких политиков с картой в руках были восприняты российским экспертным сообществом и СМИ как провокативное проявление пантюркистской идеологии, неоимперских амбиций и экспансионистских устремлений турецкого руководства. Ситуацию прокомментировал даже пресс-секретарь президента РФ Д. Песков, который хоть и назвал использование идей тюркского единства нормальным, иронически подчеркнул, что центр тюркского мира находится не в Турции, а в России, на Алтае².

Болезненно отреагировали на фотографии и в Греции, посчитав недопустимым обозначение на карте Фракии и Кипра турецкими и обвинив Турцию в регулярных манипуляциях тюркским и мусульманским населением на Балканах в рамках идеологии неоосманизма и панисламизма³. Греческий аналитик П. Антонопулос в статье для информационного портала БРИКС отметил, что пантюркистская и националистическая риторика используется для отвлечения турецких граждан от экономических проблем «иллюзиями величия территориальной экспансии, основанными на ложной мифологии общего тюркского наследия и культуры»⁴.

Чтобы понять значение и реальный масштаб этого резонансного события, следует изучить контекст и внутреннюю логику подобных карт, предсказуемость и регулярность их появления в Турции.

Воображаемая география в фокусе исследований дискурса

Тезис о том, что географическое пространство имеет не только точные, но и субъективные характеристики, наделено культурными и политическими смыслами, эмоционально нагружено, можно назвать устоявшимся в социально-гуманитарных науках. Он был выдвинут в 1970-е гг. в рамках изучения властного дискурса на волне интереса к идеям М. Фуко⁵. Российские исследователи стали трактовать соответствующие сюжеты с начала 2000-х гг.⁶ Впрочем, и поныне работы по воображаемой географии, написанные в рамках изучения дискурса, как

1 "MHP Genel Başkanı Bahçeli Cumhurbaşkanı Erdoğan'a Türk Dünyası Haritası Hediye Etti (MHP President Bahçeli Presented President Erdogan with a Map of the Turkish World)," Institute of Strategic Thinking, November 17, 2021, accessed June 16, 2022, <https://www.sde.org.tr/siyaset/mhp-genel-baskani-bahceli-cumhurbaskani-erdogana-turk-dunyasi-haritasi-hediye-etti-haberi-24667>.

2 Песков в свете подарка Эрдогану напомнил, что центр «тюркского мира» находится на Алтае // Интерфакс. 21 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/804188> (дата обращения: 16.06.2022).

3 "Χάρτης με Θράκη, Κύπρο & τον μισό πλανήτη τουρκικό στον Ерτογoуn (Map with Thrace, Cyprus & Half the Planet Turkish to Erdogan)," Nemesi HD, November 17, 2021, accessed June 16, 2022, <https://nemesishd.gr/news/chartis-thraki-kypro-ton-miso-planiti/>; "Neo-Ottoman dreams: Erdogan, Bahçeli Display Map of 'Turkish World' with Thrace, Cyprus," TO BHMA, November 17, 2021, accessed June 16, 2022, <https://www.tovima.gr/2021/11/17/international/neo-ottoman-dreams-erdogan-bahceli-display-map-of-turkish-world-with-thrace-cyprus/>

4 Paul Antonopoulos, "Turkey Propagates 'Greater Turan' Map Stretching from Balkans to China," BRICS Informational Portal, November 23, 2021, accessed June 16, 2022, <https://infobrics.org/post/34601/>.

5 Williams 1973; Said 1978.

6 Миллер 2002.

правило, лишь адаптируют западный теоретический опыт, дополняя его новыми примерами¹. Это не относится к российской географической школе, развивающей собственные направления, в частности имагинальной или образной географии, концентрирующей на моделировании географических образов².

Разработка темы воображаемой географии как части властного дискурса традиционно велась на Западе в неомарксистском русле. В 1973 г. британский социалист, культуролог Р. Уильямс указывал, что история ландшафта является социальным осмыслением контроля над землей, ее использования и распределения³. Собственно воображаемая, или имагинативная, география (*imaginative geography*), как этот термин был передан в русском переводе⁴, впервые стала объектом исследования в 1978 г. в книге «Ориентализм» теоретика т.н. постколониальных исследований Э. Саида, также находившегося под влиянием распространившихся в арабских государствах социалистических идей⁵.

Согласно концепции ориентализма Э. Саида, которая опирается на концепты дисциплинарной власти М. Фуко и культурной гегемонии А. Грамши, воображаемая география строится на социальном воображении и властных практиках, призванных подавлять и колонизировать Другого, овладевать им. Сливаясь со знанием и властью, такая география сама становится инструментом осуществления политической воли к пониманию, контролю, манипуляции и освоению отличного от себя и неизведанного⁶. На примере конструирования на Западе образа ислама и ориентализированного Востока Э. Саид заявлял, что воображаемая география, стирая реальные географические границы, опирается на традицию мышления, образную систему, легитимирует особый язык и репрезентативный дискурс в интересах империализма⁷.

Спустя 15 лет после выпуска своей программной работы по ориентализму Э. Саид отмечал, что все это время он занимался переосмыслением географии, что привело к новому исследовательскому ракурсу – изучению борьбы за географию, осуществляемой средствами воображения⁸. В книге 1994 г. «Культура и империализм» Э. Саид сделал акцент на способности любой культуры навязывать свой нарратив и использовать в политических интересах прошлое, обосновывая свое право на настоящее, на территории, географию и власть⁹. Сам империализм Э. Саид приравнивал к географическому обладанию территориями, которые выражается не только в физическом, но и мысленном, дискурсивном освоении чужих земель¹⁰. Хотя в «Ориентализме» Востоку отказывалось в возможности самому выступать в качестве субъекта, а не объекта колониализма, в книге «Культура и империализм» Э. Саид уже делал оговорку – доминирование Османской Империи над арабским миром отличается от европейского империализма лишь степенью

1 Бобровников 2018; Чуркин 2018.

2 Замятин 2010, 27.

3 Williams 1973, 120.

4 Саид 2006.

5 Tolz 2011.

6 Said 1978, 12.

7 Ibid., 5–71.

8 Robbins et al. 1994, 21.

9 Said 1994, 3–7.

10 Ibid., 78.

вовлечения культуры в процессы установления собственной власти¹.

К настоящему времени можно говорить о некоем консенсусе в отношении того, что воображаемая география вполне реальна как социальное явление², а следовательно, может использоваться как инструмент общественных отношений. Воображаемая география рассматривается как продукт репрезентирующего дискурса, но также и перформативного, что означает выход за рамки исключительно языковых явлений и воплощение в конкретных действиях и практиках³. Изучая проявления такого перформативного дискурса во внешней политике США, группа британских исследователей предложила даже специальный термин «перформативная геополитика» (*performative geopolitics*), отражающий географию мировой политики и способы устройства миропорядка не только в описательном, но и предписывающем ключе⁴. Исследователи обратили внимание и на популярную геополитику (*popular geopolitics*), включающую медиа-картографию (*media cartography*)⁵.

Политический географ Д. Эгню в том же ключе рассматривает современное геополитическое воображение (*modern geopolitical imagination*) как глобальную систему визуализации мира, систему мышления и практики, сконструированный взгляд на мир, уходящий корнями во внешнеполитическую историю Европы⁶. В этом смысле турецкое политическое и медиа-картографирование также относится к геополитическому воображению турецких элит и общества, имеет не только дискурсивный характер, но и практическую имплементацию, отражающуюся на внешней политике Турции.

Такие карты как социальные конструкты, согласно Д. Крэмптону, становятся частью властного дискурса и определяют последующее поведение людей⁷. Г. Филдс выделяет три инструмента или «технологии силы» (*technologies of force*), применяемые властями в отношении ландшафта. К ним он относит картографию, которая использует карты для проектирования различных конфигураций границ и обозначения новых областей суверенитета и контроля над ландшафтом. Вторым выступает законодательство, кодифицирующее границы карты посредством реорганизации систем владения и использования территорий, а также меняющее пути географической коммуникации. Наконец, третьим является архитектура, то есть возведенные здания, которые подкрепляют новые права владения на землю, системы мобильности и сами становятся частью ландшафта, переделывая и осваивая его. В итоге карты защищают и переформируют, законы классифицируют и легитимируют, архитектура разделяет и сдерживает, а все вместе – обеспечивают изменение границ и доминирование над пространством⁸.

Последним теоретическим аспектом, которого также необходимо коснуться, является связь конструирования воображаемой географии и национализма,

1 Said 1994, XXII–XXIII.

2 Driver 2014, 235.

3 Watkins 2015, 508–509.

4 Bialasiewicz et al. 2007, 417.

5 Ibid.

6 Agnew 2003, 6.

7 Crampton 2001, 237.

8 Fields 2011, 202.

оперирующего, согласно концепции Б. Андерсона, социально воображенными сообществами (*imagined communities*)¹. В этом смысле география наравне с языком и историей (реальной и мифологизированной) становится одной из опор, на которых строится нация, «воображая» себя. С. Рэдклифф подчеркивает, что члены национального объединения обязательно должны обладать чувством общей географии, которой они принадлежат, чтобы поддерживать национализм². Поддержание воображаемой географической принадлежности является неотъемлемой частью нациестроительства. Кроме того, образ своего географического пространства неразрывно связан с исторической памятью, поскольку, как отметил Я. Ассман, общества воображают себя через воспоминание³. Именно о таком конструировании дискурса воображаемой географии, связанной с властным дискурсом, исторической памятью и историческим мифотворчеством, пойдет речь далее.

Технологии силы в дискурсе воображаемой географии Турции

Современная Турецкая Республика осуществляет как минимум две из трех обозначенных технологий силы в отношении чужого ландшафта. Первой выступает государственное и медиа-картографирование с включением не входящих в границы государства территорий. В частности, карты «тюркского мира» от Адриатики до Китайской стены публикуют в СМИ и турецких учебниках⁴. В феврале 2021 г. российские СМИ и экспертное сообщество отреагировали на сюжет основного турецкого государственного телеканала *TRT1*, продемонстрировавшего карту Турции 2050 г. от аналитиков *Stratfor* (США), которая включала территории Ближнего Востока, Кавказа, Центральной Азии, Украины и России⁵.

Популяризацией таких карт занимаются националистические и исламистские партии⁶, представители НКО⁷, ученые⁸ и даже депутаты. В частности, в августе 2020 г. депутат правящей партии М. Кюлюнк распространил карту Турции с включением территорий Болгарии, Греции, Кипра, Сирии, Ирака, Армении и Грузии, что вызвало протесты в Болгарии⁹. Осенью 2019 г. скандал вызвала публикация схожей по территориальному охвату карты на странице в социальных

1 Anderson 2006.

2 Radcliffe 1996, 24.

3 Ассман 2004, 17–41.

4 Dağtekin 2010, 63; *Игнатъев, А.* Картография пантюркизма: аппетиты растут // Фонд стратегической культуры. 28 декабря 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/12/28/kartografiya-panturkizma-appetity-rastut-55206.html> (дата обращения: 16.06.2022); "Türk Birleşik Devletleri kurulmalı (The Turkish United States should be Established)," *Manşet Türkiye*, April 25, 2021, accessed June 16, 2022, <https://www.manşetturkiye.com/turk-birlesik-devletleri-kurulmalı/54809/>.

5 В Турции показали карту с зонами турецких интересов на российской территории // Военное обозрение. 12 февраля 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/179917-v-turcii-pokazali-kartu-s-zonami-tureckogo-vlijaniya-na-rossijskuju-territoriju.html> (дата обращения: 16.06.2022); *Хомяков, В.* Рисуют новые политические карты. Турция разинула рот на Донбасс, Кавказ и Поволжье // Первый русский Царьград. 15 февраля 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/articles/risujut-novye-politicheskie-karty-turcija-razinula-rot-na-donbass-kavkaz-i-povolzhe_323501 (дата обращения: 16.06.2022).

6 "Türk Cumhuriyetleri ile İşbirliği (Cooperation with Turkic Republics)," Saadet, accessed June 16, 2022, <https://saadet.org.tr/tr/program-detay/5ed7b3a402a20/turk-cumhuriyetleri-ile-isbirligi>.

7 İsmail Cengiz, "Türk Dünyası 2030 Stratejik Planlaması (Strategic Planning of the Turkic World 2030)," *Bayrak*, July 30, 2020, accessed June 16, 2022, <https://www.bayrakyayincilik.com/2020/07/30/turk-dunyasi-2030-stratejik-planlamasi/>.

8 "Türk devletleri nihayet güçlerini birleştirebilecek mi? (Will the Turkic States Finally Join Forces?)," *TimeTurk*, December 5, 2021, accessed June 16, 2022, <https://www.timeturk.com/analiz/turk-devletleri-nihayet-guclerini-birlestirebilecek-mi/haber-1712779>.

9 Нели Христова, "Скандал: Депутат публикува карта на Турция с български и гръцки територии (Scandal: MP Publishes Map of Turkey with Bulgarian and Greek Territories)," *Dnes.BG*, August 30, 2020, accessed June 16, 2022, <https://www.dnes.bg/balkani/2020/08/30/skandal-deputat-publikuva-karta-na-turcia-s-bylgarski-i-grycki-teritorii.461375>.

сетях министра обороны Турции Х. Акара. Посол Турции в Болгарии был вызван для объяснений, в ходе которых заявил, что указанная страница не принадлежит Акару и ведется его поклонниками в соцсетях¹.

Картографирование дополняется работой с архитектурой, осуществляемой на государственном уровне. Так, в 2008 г. был выпущен циркуляр за подписью Р.Т. Эрдогана, тогда премьер-министра, о восстановлении культурных ценностей за рубежом, относящихся к мировому культурному наследию по политическим, юридическим, культурным и социальным причинам².

Для этих целей был создан специальный совет, призванный заниматься разработкой соответствующей стратегии, руководством реставрационными работами и координацией вовлеченных в процесс негосударственных организаций. В состав совета под началом министра иностранных дел вошли руководители Турецкого агентства по сотрудничеству и координации, соответствующих отделений МИД и Министерства культуры и туризма, Генерального директора фондов, Турецкого исторического общества и Управления по делам религии (*Диянет*).

Результатом этой политики стали масштабные проекты реставрации исторических объектов османского архитектурного наследия на так называемых постосманских территориях – Балканах, Ближнем Востоке, Кавказе и в Крыму. Значительная часть этих объектов относится к постройкам религиозного назначения – мечети, суфийские обители и гробницы. Не ограничиваясь реставрацией, турецкие власти в рамках своей стратегии гуманитарной политики возводят новые религиозные объекты по всему миру, включая Россию и постсоветское пространство. Например, в 2015 г. при участии Р.Т. Эрдогана была открыта московская Соборная мечеть, в финансировании возведения которой участвовал *Диянет*³.

Такое внимание к территориям, населенным тюрками и мусульманами, объясняется особенностями идеологии в Турции, которая при многократных трансформациях сохраняла тюркскую и исламскую доминанты.

Исторические корни дискурса тюркизма в Турции

Первый расцвет идеологии тюркизма, или пантюркизма, пришелся на 1910-е гг., когда сохранялись еще и Османская Империя, и халифат с центром в Стамбуле. С началом Первой мировой войны, в которую Турция вступила на стороне Германии, эта линия была поддержана и немецким руководством. Турецкий военно-политический лидер Энвер-паша отмечал: «Германия согласна, чтобы мы отвоевали Египет, Кавказ и даже Иран... Таким образом, нет сомнения, что мы можем открыть путь к Турану и осуществить единение тюрков»⁴.

1 Скандал с картой: в Болгарии встревожены, в Турции опровергают // Aravot. 18 октября 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aravot-ru.am/2019/10/18/314339/> (дата обращения: 16.06.2022); "Fan Page of Defence Minister Akar Posts Map of Turkey that Includes Parts of Greece and Entire Cyprus," Greek City Times, October 16, 2019, accessed June 16, 2022, <https://greekcitytimes.com/2019/10/16/fan-page-defence-minister-akar-posts-map-turkey-includes-parts-greece-entire-cyprus/>.

2 Циркуляр 2008/15 «Восстановление нашего культурного наследия за рубежом» от 6 июля 2008 года // Resmi Gazete. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2008/07/20080706-4.htm> (дата обращения: 06.06.2022).

3 "2015 Yılı Faaliyet Raporu (Year 2015 Activity Report)," Türkiye Diyanet Vakfı, accessed July 7, 2022, <https://tdvmedia.blob.core.windows.net/tdv/MedyaOdas%C4%B1/Raporlar/TDV%20-%20Faaliyet%20Raporu%20-%202015.pdf>.

4 Киреев 2007, 99.

Ведущий османский писатель тех лет О. Сейфеддин в своем программном сочинении «Туранское государство завтрашнего дня» заявлял в год начала войны, что братья по языку и вере, члены единой тюркской нации теперь будут освобождены из плена нецивилизованных России и Китая, которые ниже тюрок «по уму, истории, славе и чести». Освобожденных планировалось присоединить под турецким флагом к османским туркам, составив новое тюрко-мусульманское государство Туран с центром в Стамбуле, во главе с тюркским лидером «ильханом» и халифом для мусульман всего мира¹.

В том же году главный идеолог тюркизма З. Гекальп призывал всех тюрок выполнять свою национальную обязанность – продвигать в качестве литературного языка стамбульский турецкий, чтобы сформировать единую тюркскую нацию. «Родина для тюрок не Турция и не Туркистан, – писал он, – родина – великая и вечная страна Туран!»².

Таким образом, воображаемая география Османской Империи в последние годы ее существования расширялась за счет населенных тюрками территорий основного военного противника, Российской Империи. Поражение Османской Империи в Первой мировой войне, последовавшие оккупация ее территорий Великобританией, Грецией, Францией и Италией, успешная национально-освободительная борьба и, как итог, создание на части османских территорий Турецкой Республики в 1923 г. привели к пересмотру идеологических установок и воображаемых границ.

Благодаря успехам национального движения Турция получила более широкие границы, чем ей отводили европейские державы по соглашению Сайкса-Пико 1916 г. и по Севрскому договору 1920 г., смогла не допустить колониального мандата и освободить Стамбул от международного контроля. Однако были безвозвратно потеряны обширные земли, в первую очередь арабских вилайетов. Единственными территориальными приобретениями Турции стали области Восточной Анатолии, которые в XIX в. перешли к Российской Империи в результате ее успешных военных кампаний.

Развитие тюркизма в Турецкой Республике

Установившийся в 1920-е гг. стратегический союз с советским руководством ограничивал турецкие элиты в проведении пантюркистской политики. Одновременно курс на вестернизацию обязывал соответствовать общепринятому пониманию национального государства с четкой фиксацией государственных границ, задающих пределы распространения турецкой нации. В итоге турецкий национализм вытеснил тюркизм, на долгие годы превратив его из политического в культурное явление³. Фактически тюркоцентризм был заменен туркоцентризмом, а ислам превратился в инструмент турецкого национализма. В основу турецкой внешней политики был положен тезис первого президента и лидера нации М. Кемаля (Ататюрка), произнесенный им в ходе предвыборной речи

1 Seyfeddin 2010, 11–15.

2 Gökalp 2007, 77.

3 Özkan 2018.

в 1931 г., – «Мир в стране – мир во всем мире»¹, что означало сосредоточение на внутренних делах республики, неконфликтное взаимодействие с соседними государствами и отсутствие территориальных амбиций.

Вновь политизироваться тюркизм в Турции начал во время Второй мировой войны сторонниками сближения с нацистской Германией. Уже в июле 1941 г. пантюркистский журнал «*Бозкурт*» вышел с картой границ тюркских этносов вплоть до Китая и лозунгом «Тюркская раса превыше любой другой расы». В статье «Тюркизм ждет» указывалось, что границы Турции простираются дальше Кавказа, Каспия, Волги, заявлялась готовность проливать кровь за славное будущее тюркизма².

В полной мере это политическое течение смогло развиваться с началом холодной войны, в которой Турция примкнула к Западному блоку. В 1952 г., когда Турция присоединилась к НАТО, один из главных идеологов этого периода Н. Атсыз заявлял, что тюркизм, состоящий из приверженности тюркскому роду и туранизма, – это идеал, согласно которому все тюрки объединятся в одно государство, присоединившись к Турции, и станут во всех отношениях выше других наций³. Н. Атсыз замечал, что вражда с Россией носит непримиримый характер, поскольку обусловлена историей, судьбой и геополитикой, и призывал уничтожать тюрко-коммунистов как предателей родины⁴.

На рубеже 1960–1970-х гг. в Турции окончательно оформилось националистическое движение, опирающееся на ислам. В 1969 г. на съезде националистов в Адане они отказались от секулярных идей Н. Атсыза и создали на основе Республиканской крестьянской народной партии Партию националистического движения (ПНД), которая начала пропагандировать идеи джихада и тюрко-исламского идеала, а затем, вслед за идеологом А. Авраси, требовала воссоздать имперское тюрко-исламское государство⁵.

Пик активности ПНД на постсоветском пространстве пришелся на 1990-е гг. в связи с новыми возможностями, открывшимися с распадом СССР. Однако идеологический подъем и экспорт идеологии в новообразованные «тюркские» государства и республики РФ вскоре сменился более трезвой оценкой реальных возможностей, в результате чего националистические идеи партии в 2000-х гг. получили преимущественно внутривнутриполитическое применение, будучи направлены на единение и возвышение турецкой нации.

Идеологические основы современной внешней политики Турции

ПНД, ее руководство, идеологи и члены, включая представителей молодежных отделений, по понятным причинам являются наиболее активными производителями карт тюркского и тюрко-исламского мира с центром в Турции. Войдя

1 “Atatürk’ün Tamim, Telgraf ve Beyannameleri (Atatürk’s Circulars, Telegrams and Declarations),” Ankara: AKDITYK Atatürk Araştırma Merkezi, 2006, accessed July 7, 2022, 607, <https://www.atam.gov.tr/wp-content/uploads/KURULU%C5%9EUNDAN-90.-YILINA-T.C.-C.-11.pdf>.

2 “Türklük Bekliyor!” 1941.

3 Atsız 2017, 79–83.

4 Ibid., 89.

5 Yaşlı 2016, 145–166.

с 2015 г. в правительственную коалицию с Партией справедливости и развития (ПСР), ПНД стала определять внутривнутриполитический национальный вектор, придавая ему формы политического тюркизма.

Одним из подтверждений этому служит обращение турецкого президента к пропагандируемой ПНД идеологической концепции 16 тюркских государств, которая получила в открытом в конце 2014 г. новом президентском дворце наглядную визуализацию в виде костюмированного конвоя из «актеров, одетых в военную форму 16 государств, основанных турками на протяжении всей истории»¹. Данная концепция активно использовалась турецкими элитами и в XX в., однако в 2000-х гг. ее основным проводником стала ПНД. В частности, в 2011 г. на малой родине основателя партии А. Тюркеша в Кайсери был установлен «Памятник тюркизма», представляющий 16 тюркских государств². Хотя формально использование конвоя началось до создания коалиции, оно отметило идеологическое сближение между партиями, которое в дальнейшем было еще более усилено.

Постепенно идея тюркизма оттеснила на второй план главенствовавшую до 2016 г. концепцию «стратегической глубины» политика А. Давутоглу, известную также как идеология неосманизма. Опубликовав в 2001 г. свою программную работу «Стратегическая глубина», профессор А. Давутоглу начал стремительную политическую карьеру³. Базисом его концепции стала идея о том, что современное турецкое государство, опираясь на историю и географию, является преемником «Османского мира» (*Pax Ottomanica*) и наследником Османской Империи, господствовавшей в Евразии. В этой связи, по мысли А. Давутоглу, на современной Турции лежит геокультурная и геополитическая ответственность, определяющая турецкое стратегическое мышление и открывающая перед государством новые возможности и горизонты на широком географическом пространстве Евразии и Африки, включая работу по тюркскому направлению⁴.

После отстранения А. Давутоглу от власти в 2016 г. место главного турецкого идеолога так и осталось вакантным, хотя заложенные им принципы проактивной внешней политики на широком постосманском географическом пространстве продолжили применяться на практике. В 2021 г. Р.Т. Эрдоган выпустил книгу, очевидно призванную сформировать новый идеологический вектор Турции. Хотя основная идея книги состоит в реформировании ООН под лозунгом «мир больше пяти» и включает требование отменить право вето для постоянных членов «элитного клуба», она в полной мере реализует подход, который В.А. Аватков называет идейно-ценностным⁵.

В частности, президент Турции констатирует: «Наше понимание внешней политики, основанной на мире, справедливости и ценностях, осталось не только на словах: оно было воплощено в жизнь во многих регионах от Сирии до Па-

1 Эрдоган встретил Аббаса военизированным представлением // МК-Турция. 12 января 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2015/01/12/erdogan-vstretil-abbasa-voenizirovannym-predstavleniem.html> (дата обращения: 16.06.2022).

2 “Bahçeli: Türklük Anıtı, Türk milletinin dağılmasını bekleyenlere cevaptır (Bahçeli: The Monument of Turkishness Is An Answer To Those Who Expect The Turkish Nation To Disintegrate),” *Hürriyet*, July 30, 2011, accessed June 16, 2022, <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/bahceli-turkluk-aniti-turk-milletinin-dagilmasini-bekleyenlere-cevaptir-18378665>.

3 В 2003 г. он стал чрезвычайным и полномочным послом, в 2009 г. – министром иностранных дел, в 2014 г. – лидером ПСР и премьер-министром Турции.

4 Davutoğlu 2012, 23–81.

5 Аватков 2019.

лестины, от Ирака до Сомали, от Ливии до Мьянмы, от Балкан до Центральной Азии. Наконец, в результате наших усилий Турция превратилась в страну, в отношении валового национального продукта оказывающую больше всего гуманитарной помощи в мире»¹.

Кроме того, Р.Т. Эрдоган активно использует в своих выступлениях два концепта, отражающих доминирующие подходы Турции во внешней политике. Первый из них выражается фразой «география – это судьба» и основан на исламской концепции предопределения, перенесенной с человека на государство. Концепт задает предопределенность будущего страны отведенной ей Аллахом географией, что в случае Турции означает не современные, а широкие османские территории. Этот подход наглядно отражают слова Р.Т. Эрдогана, сказанные им в начале предвыборной кампании в 2017 г.: «Турция и турецкая нация несут на своих плечах груз географии от Балкан до Кавказа, от Северной Африки до Центральной Азии. Да, география – это судьба, и мы от этой судьбы не уйдем. Напротив, мы пойдем ей навстречу и построим с помощью и разрешением Аллаха для себя и всех наших друзей безопасное и благополучное будущее»². Следует отметить включение в концепт географии-судьбы и тюркских территорий, что дополняет неоосманизм тюркизмом.

Вторым концептом служит тезис о сердечной географии, или географии сердца, которая объединяет Турцию с мусульманами по всему миру. В частности, на встрече с представителями «тюркского и исламского мира» в Нью-Йорке Р.Т. Эрдоган заявлял, что границы сердечной географии выходят далеко за пределы государственных границ Турции, включая, например, мусульман Афганистана, Сомали, США³. Особенность в данном случае заключается в том, что мусульмане вне Турции представляются как притесняемые и угнетаемые, нуждающиеся в гуманитарной поддержке Турции. Это фактически означает продолжение идей халифата в новой форме и с акцентом на новую антиколониальную борьбу против глобального Запада.

Следует отметить, что оба концепта базируются на религиозной основе и включают «тюркскую географию» в более масштабных исламских границах. Таким образом, тюркское направление продолжает оставаться лишь одним из внешнеполитических приоритетов современной Турции, будучи дополненным активной политикой на широком пространстве исламской географии.

Скандалная карта: контекст появления

Рассмотрев особенности современного идеологического курса Турецкой Республики, можно перейти к анализу случая с картой, вызвавшего такой резонанс в России. Как уже было отмечено, само появление подобной карты у ПНД не может вызывать удивления из-за идеологии партии и сложившейся традиции регулярной актуализации с ее стороны в общественном пространстве вопросов

1 Erdoğan 2021, 23.

2 “Coğrafya kaderdir kaçmıyacađız (Geography Is Destiny, We Will Not Escape),” NetOrdu, November 19, 2017, accessed June 16, 2022, <https://www.netordu.com/politika/cografya-kaderdir-kacmayacagiz-h2779.html>.

3 “Gönül coğrafyamız var (We Have A Geography Of Heart),” İlkSes, September 24, 2018, accessed June 16, 2022, <https://www.ilksegazetesi.com/siyaset/gonul-cografyamiz-var-h57160.html>.

воображаемой географии Турции, относящихся к так называемому «тюркскому миру». Ввиду роли ПНД в политической коалиции с ПСР можно предположить, что совместные фотографии двух политиков с картой предназначались для внутренней турецкой аудитории.

Тем не менее данная карта все же выделяется из общего ряда. Согласно заявлению ПНД, бессменный лидер партии с 1997 г. Д. Бахчели длительное время лично разрабатывал ее и презентовал Р.Т. Эрдогану (первоначально по телефону, а через пять дней при личной встрече в президентском дворце) как знамя для тюркской нации, которое будет передаваться из рук в руки¹. Однако гораздо важнее, что звонок и последующий визит Д. Бахчели были приурочены к знаковому событию – проведению 12 ноября 2021 г. в Стамбуле саммита Тюркского совета в честь «30-летия независимости тюркских государств».

В этом контексте значение карты определяется через символизм самого саммита, на котором было принято несколько важных решений. Во-первых, Тюркский совет, или Совет сотрудничества тюркоязычных государств, существующий с 2009 г. и включающий, помимо Турции, Азербайджан, Казахстан, Киргизию и Узбекистан, а также Туркменистан, Венгрию и, потенциально, Украину в качестве наблюдателей, был переименован в Организацию тюркских государств, что дало возможность экспертам заявить о попытке образования «тюркского ООН»² или «тюркского ЕС»³. Во-вторых, на саммите с участием президентов Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана и премьер-министра Венгрии была подписана общая декларация государств-членов⁴ и разработан программный документ «Видение тюркского мира-2040»⁵.

Оба документа предлагали комплекс мер по сотрудничеству членов Организации в политической сфере (включая внешнюю политику), вопросах безопасности, передовых информационных и космических технологиях, экономике и социальном обеспечении, энергетике, здравоохранении, туризме, сельском хозяйстве и защите окружающей среды. Заявлялось о запуске Тюркского инвестиционного фонда, увеличении объемов взаимных расчетов в национальных валютах, планах по разработке стратегической дорожной карты на 2022–2026 гг., созданию общей транспортной и медиа-инфраструктуры, а также организационной сети НКО для участия в социально-экономической и политической деятельности.

Особое внимание уделялось науке и образованию, в том числе сохранению тюркского наследия и поддержке общетюркских истории, культуры, языка,

- 1 “Bahçeli Erdoğan’ı özel harita ile tebrik etti (Bahçeli Congratulated Erdogan With A Special Map),” *Yeni Çağ*, November 13, 2018, accessed June 16, 2022, <https://www.yenicaggazetesi.com.tr/bahceli-erdogani-ozel-harita-ile-tebrik-etti-486742h.htm>; “MHP Genel Başkanı Bahçeli Cumhurbaşkanı Erdoğan’a Türk Dünyası Haritası Hediye Etti (MHP President Bahçeli Presented President Erdogan with a Map of the Turkish World).”
- 2 Ахунов, А. Звенящие стрелы Эрдогана: объединится ли тюркский мир вокруг Турции? // *Бизнес Online*. 21 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/530078> (дата обращения: 16.06.2022).
- 3 ОТГ как тюркский ЕС: цели, принципы и стратегия развития // *TRT на русском*. 7 декабря 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/otg-kak-tyurkskij-es-celi-principiy-i-strategiya-razvitiya-7341410> (дата обращения: 16.06.2022).
- 4 Декларация, принятая по итогам VIII саммита Организации Тюркских Государств в Стамбуле // *ОТГ*. 12 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://tccb.gov.tr/assets/dosya/2021-11-12-turkkonseyi-bildiri.pdf> (дата обращения: 16.06.2022).
- 5 Программный документ «Видение тюркского мира-2040» // *ОТГ*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haberler/turk-dunyasi-2040-vizyonu-2396-98.pdf> (дата обращения: 16.06.2022).

литературы и географии¹, созданию единого алфавита и терминологической базы, причем роль Турции в данных вопросах выделялась поддержкой сети турецких школ образовательного фонда «*Маариф*».

Комментируя итоги саммита, Р.Т. Эрдоган охарактеризовал его, с одной стороны, как «семейное собрание», что подчеркивает этническую основу сближения государств, с другой – как «сердечный союз», что подразумевает религиозную общность. Также президент заявил, что с божьей помощью солнце вскоре снова станет восходить на Востоке². Таким образом, в единении на тюркской основе вновь важной составляющей для Турции остается ислам.

Следует отметить, что такое тюрко-исламское объединение полностью игнорирует российский фактор. В ключевых документах ни в какой форме не упоминались Россия, СНГ и ЕАЭЗС, хотя и декларировалась необходимость сотрудничества с ООН, ОБСЕ и ЕС. Эти документы подписываются на тюркских языках и не переведены на русский, несмотря на его важнейшую роль на постсоветском пространстве. Все инициативы в сфере науки и образования направлены на вытеснение русского языка и культуры и негативизацию общей с Россией истории, замену ее мифологизированным общетюркским наследием.

Недавним проявлением эффективной имплементации такой политики можно назвать принятие на заседании Международной Тюркской академии в июне 2022 г. в Казахстане решения по согласованию текстов разработанных учебников «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература» и «География тюркского мира» и включению их в программу обучения средних школ членов Организации тюркских государств³. В результате формируется и распространяется перформативный дискурс общей воображаемой географии с историческим центром в Центральной Азии и политическим центром в Турции, и границы этого «тюркского мира» расширяются за счет географии сердца на весь исламский мир, отражая совмещение идей тюркизма, турецкого национализма и исламизма.

Выводы

Проведенный анализ показал, что конструирование дискурса о воображаемой географии, получившее распространение еще в начале XX в. в Османской Империи и актуализировавшееся на разных этапах истории Турецкой Республики, в настоящее время становится инструментом продвижения национальных интересов Турции не только на постосманском, но и на постсоветском пространстве, включаемых в «политическое тело» турецкой нации. Подключение религиозной компоненты расширяет эту географию до всемирного охвата любого государства, где проживают мусульмане, будь то Афганистан, Сомали или США.

1 В частности, заявлялось об успешном завершении проекта «Священные места Тюркского мира».

2 “Son dakika: Başkan Erdoğan açıkladı: Türk Dünyası 2040 Vizyonu Belgesi’ni kabul ettik (Breaking News: President Erdogan Announced: We Adopted The Turkish World 2040 Vision Document),” A Haber, November 12, 2021, accessed June 16, 2022, <https://www.ahaber.com.tr/gundem/2021/11/12/son-dakika-baskan-erdogan-acikladi-turk-dunyasi-2040-vizyonu-belgesini- kabul-ettik?paging=3>.

3 Куссаинова, М., Юсупов, А. Тюркская Академия утвердила единые учебные пособия // Anadolu Ajansı. 24 июня 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/общество/тюркская-академия-утвердила-единые-учебные- пособия/2621897> (дата обращения: 16.06.2022).

Через конструирование дискурса о воображаемой географии с опорой на развивавшиеся в XX в. политические идеи тюркизма, подвергшиеся исламизации, Турция проектирует новую региональную конфигурацию, где ее роль становится ведущей. Активная внешняя политика Турции включает поддержание своего центрального положения через набор инструментов, в том числе конструирование дискурса о воображаемой географии и его закрепление в общественном сознании посредством концептов географии-судьбы и географии сердца, визуализацию через картографирование и архитектурное «закрепление» в расширенных воображении национальных границах. Эти процессы получили наглядное воплощение в ситуации с картой ПНД и были интуитивно распознаны в этом ключе экспертной средой в России, однако не получили адекватной рефлексии.

Рассматривая картографирование как часть репрезентирующего и перформативного дискурса, необходимо учитывать, что он направлен в первую очередь на внутреннюю аудиторию, расширяемую за счет территорий воображаемой географии на население других государств. Такой дискурс обосновывает активную внешнюю политику и легитимирует ее в глазах населяющих воображаемую географию людей. Хотя турецкий случай в этом плане не уникален, а во многом даже типичен, он демонстрирует пример успешного применения «технологий силы» и может быть учтен во внешней политике России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аватков, В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – Т. 12. – № 4. – С. 113–129. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>.

Avatkov, Vladimir A. "Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy." *MGIOM Review of International Relations* 12, no. 4 (2019): 113–129 [In Russian].

Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

Assman, Jan. *Cultural Memory and Early Civilization. Writing, Remembrance and Political Imagination*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury, 2004 [In Russian].

Бобровников, В.О. Воображаемая география мусульман колониального Востока: понятия, подходы, проблемы // Новое Прошлое. – 2018. – № 1. – С. 223–235. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-1-223-235>.

Bobrovnikov, Vladimir O. "Imagined Geography of Muslims in the Colonial Orient: Language, Approaches, Problems." *The New Past*, no. 1 (2018): 223–235 [In Russian].

Замытин, Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 26–50.

Zamyatin, Dmitrii N. "Humanitarian Geography: Space, Imagination, and Interaction between Contemporary Human Sciences." *Sotsiologicheskoe Izmerenie* 9, no. 3 (2010): 26–50 [In Russian].

Киреев, Н.Г. История Турции. XX в. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. – 608 с.

Kireev, Nikolay. *Istoriya Turtsii. XX v.* Moscow: Kraft+, 2007 [In Russian].

Миллер, А. Русификации: Классифицировать и понять // *Ab Imperio*. – 2002. – № 2. – С. 133–148. <https://doi.org/10.1353/imp.2002.0094>.

Miller, Aleksei. "Russifications: Classified and Explained." *Ab Imperio*, no. 2 (2002): 133–148 [In Russian].

Саид, Э. Ориентализм. – СПб.: Русский Мир, 2006. – 639 с.

Said, Edward. *Orientalism*. Saint-Petersburg: Russkii Mir, 2006 [In Russian].

Чуркин, М.К. Сибирь в «Воображаемой географии»: к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2014. – № 2 (2). – С. 81–85.

Churkin, Mikhail K. "Siberia in 'Imaginary Geography': The Question of Contemporary Research Discourse." *Herald of Omsk University. Series "Historical studies"*, 2, no. 2 (2) (2014): 81–85 [In Russian].

Agnew, John. *Geopolitics: Re-visioning World Politics*. London: Routledge, 2003.

Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso, 2006.

Atsız, Hüseyin N. *Türk Ülküsü*. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2017.

Atsız, Hüseyin N. *Turkish Nation*. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2017 [In Turkish].

Bialasiewicz, Luiza, David Campbell, Stuart Elden, Stephen Graham, Alex Jeffrey, and Alison J. Williams. "Performing Security: The Imaginative Geographies of Current US Strategy." *Political Geography* 26, no. 4 (May 2007): 405–422. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2006.12.002>.

Crampton, Jeremy W. "Maps as Social Constructions: Power, Communication and Visualization." *Progress in Human Geography* 25, no. 2 (June 1, 2001): 235–52. <https://doi.org/10.1191/030913201678580494>.

Dağtekin, Hüseyin. *Tarih Atlası*. İstanbul: İnkılap, 2010.
Dağtekin, Hüseyin. *Revolution History Atlas*. İstanbul: İnkılap, 2010 [In Turkish].

Davutoğlu, Ahmet. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2012.
Davutoğlu, Ahmet. *Strategic Depth: Turkey's International Position*. İstanbul: Küre Yayınları, 2012 [In Turkish].

Driver, Felix. "Imaginative Geographies." In *Introducing Human Geographies*, edited by Paul Crang, Phil Crang, and Mark Goodwin, 234–248. Routledge, 2013.

Erdoğan, Recep T. *Daha Adil Bir Dünya Mümkün. Birleşmiş Milletler Reformu İçin Bir Model Önerisi*. İstanbul: Turkuvaz Kitap, 2021.

Erdoğan, Recep T. *A More Just World is Possible. A Model Proposal for United Nations Reform*. İstanbul: Turkuvaz Kitap, 2021 [In Turkish].

Gary, Fields. "Enclosure Landscapes: Historical Reflections on Palestinian Geography." *Historical Geography* 39, (2011): 182–207.

Gökalp, Ziya. *Kitaplar: Bütün Eserleri – 1*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2007.

Gökalp, Ziya. *Books Complete Works – 1*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2007 [In Turkish].

Özkan, Kenan. "Mütareke Döneminde 'Milliyet' Ve 'Anasır' Kavramı Üzerine Tartışmalar." *Belgi Dergisi*, no. 15 (2018): 694–727.

Özkan, Kenan. "Discussions on the Concept of 'Nationality' and 'Anasır' in the Armistice Period." *Belgi Dergisi*, no. 15 (2018): 694–727 [In Turkish].

Radcliffe, Sarah A. "Imaginative Geographies, Postcolonialism, and National Identities: Contemporary

Discourses of the Nation in Ecuador." *Ecumene* 3, no. 1 (January 2, 1996): 23–42. <https://doi.org/10.1177/147447409600300102>.

Robbins, Bruce, Mary Louise Pratt, Jonathan Arac, Rajagopalan Radhakrishnan, and Edward Said. "Edward Said's Culture and Imperialism: A Symposium." *Social Text*, no. 40 (1994): 1–24. <https://doi.org/10.2307/466793>.

Said, Edward W. *Culture and Imperialism*. New York: Vintage Books, 1994.

Said, Edward W. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.

Seyfeddin, Ömer. *Yarınki Turan Devleti*. İstanbul: Çağrı Yayınları, 2010.

Seyfeddin, Ömer. *Tomorrow's Turan State*. İstanbul: Çağrı Yayınları, 2010 [In Turkish].

Tolz, Vera. *Russia's Own Orient*. Oxford University Press, 2011. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199594443.001.0001>.

"Türklük Bekliyor!" *Bozkurt* (July 1941): 11–13.

"Turkishness is Waiting!" *Bozkurt* (July 1941): 11–13 [In Turkish].

Watkins, Josh. "Spatial Imaginaries Research in Geography: Synergies, Tensions, and New Directions." *Geography Compass* 9, no. 9 (September 2015): 508–522. [doi:10.1111/gec3.12228](https://doi.org/10.1111/gec3.12228). <https://doi.org/10.1111/gec3.12228>.

Williams, Raymond. *The Country and the City*. New York: Oxford University Press, 1973.

Yaşlı, Fatih. *Türkçü Faşizmden Türk-İslam Ülküsüne*. İstanbul: Yordam Kitap, 2016.

Yaşlı, Fatih. *From Turkic Fascism to "Turkish-Islamic Ideology"*. İstanbul: Yordam Kitap, 2016 [In Turkish].

Сведения об авторе

Вероника Витальевна Цибенко,

к.ист.н., директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований,
Южный федеральный университет, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.

e-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 марта 2022.

Переработана: 30 апреля 2022.

Принята к публикации: 14 июня 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Цибенко, В.В. Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции //
Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (3). – С. 130–144.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144>

Constructing an Ideological Discourse of Imaginative Geography in Turkey

ABSTRACT

The author implements the constructivist approach to study the discourse of imaginary geography and its main concepts based on the analysis of the facts of the discourse – the main ideological texts that form the imaginary geography of Turkey in the 19th-21st centuries, and significant events like the publication of maps. The author considers the imaginative geography as a representative and performative discourse of power connected with historical memory and nation-building.

The article demonstrates how Turkey, relying on the Turkic and Islamic ideological dominants, uses the technologies of force (G. Fields). State and media mapping is going along with the construction of architecture in territories inhabited by Turks and Muslims, which is carried out at the state level. The analysis showed that at this stage imaginative geography becomes a tool for promoting Turkey's national interests not only in the post-Ottoman, but also in the post-Soviet spaces. It justifies Turkey's active foreign policy and legitimizes it in the eyes of people inhabiting this imaginative geography. The inclusion of a religious component expands this geography to a worldwide reach. Through an imaginative geography, relying on the political ideas of Turkism that developed in the twentieth century and underwent Islamization, Turkey projects a new regional configuration, where its role becomes the leading one. Turkey's active foreign policy includes maintaining its central position through a set of tools, such as humanitarian policy, constructing an imaginary geography and fixing it through the concepts of "geography-destiny" and "geography of the heart", visualization through mapping. The author comes to the conclusion that although the example of Turkey in the use of imaginative geography is not unique, it demonstrates an example of the successful implementation of the technologies of force and should be taken into account when developing Russia's foreign policy strategy.

KEYWORDS

imaginative Geography, national interests, Turkey, neo-ottomanism, pan-Turkism, pan-Islamism

Author

Veronika V. Tsibenko,

PhD in History, Director, Centre for Interdisciplinary Studies in the Humanities,
Southern Federal University, 344006, Rostov-on-Don, Pushkinskaya street, 140.

e-mail: tsibenkovv@sfnu.ru

Additional information

Received: March, 31 2022. Revised: April 30, 2022. Accepted: June 14, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Tsibenko, Veronika V. "Constructing an Ideological Discourse of Imaginative Geography in Turkey."
Journal of International Analytics 13, no. 3 (2022): 130–144.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144>

Историческая политика в современном Китае: конструируя прошлое, воображая будущее

Хубриков Бадма Олегович, Бурятский государственный университет,
Улан-Удэ, Россия

Контактный адрес: khubrikovbadma@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются динамика исторической политики КНР на современном этапе и перспективы ее развития. Предпринята попытка выявить две ключевые составляющие исторической политики КНР, определяющие рамки памятования в Китае. Опорными точками исследования стали китайские трактовки того, что следует забыть или переформатировать, а также политика китайского руководства по воображению будущего. Статья базируется на принятом 6-м пленумом ЦК КПК 19-го созыва «Решении по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии», а также сборниках публичных выступлений Си Цзиньпина. в теоретическом плане автор опирается на исследования исторической политики А. Ассман, А.И. Миллера, Э. Вольфрума, О.Ю. Малиновой. Показан процесс становления КПК в качестве единственного мнемонического актора, пишущего свою историю. В первой части статьи рассмотрены формы «забвения», за которыми стоят самые разные стратегии, методы и действия. Во второй части проанализирован нарратив строительства будущего, выраженный в концепциях «сяокан» (общество малого благоденствия) и «ускоренное продвижение социалистической модернизации», обозначенных в партийных документах как цель «двух столетий». В процессе исследования было выявлено, что в интересах КПК, возглавляемой Си Цзиньпином, представить историю КНР, в которой события прошлого предвосхищают победоносное шествие КПК в истории Китая, телеологически. Именно по этой причине основными инструментами исторической политики КНР становятся различные техники забвения: переписывание, стирание, умолчание. Однако параллельно с исторической политикой, направленной в прошлое, китайское руководство работает и над образами воображаемого будущего. Таким образом, главной целью исторической политики Китая на современном этапе становится конструирование единого, монолитного, гомогенного рассказа о прошлом, настоящем и будущем КНР, в котором нет места разночтениям, критике и историческому нигилизму.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

КПК, Си Цзиньпин, историческая политика, политика будущего, забвение, сяокан

В Китае формируется мемориальная культура¹, основанная на целенаправленном процессе селекции, рефлексии и пересборки памяти об исторических событиях. В отличие от европейского опыта Холокоста, занимающего центральное место в актуальной общеевропейской памяти² как событие, о котором нельзя забыть, китайская историческая политика имеет под собой совершенно другое основание. На первом плане находится Коммунистическая партия Китая (КПК), задающая социальные и политические рамки памятования: что следует помнить, забыть или переформатировать.

Столкнувшись с кризисом идентичности и поиском дальнейшего пути развития (об этом свидетельствуют жесточайшие споры о наследии Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина³ и закреплении праздника 3 сентября как основополагающего мифа Китая⁴), КПК во главе с Си Цзиньпином пытается заново пересобрать нарратив славного прошлого и будущего КНР. Конструирование общекаитайской идентичности, легитимация существующего политического режима, а также устремленность в будущее как закрепление договора между народом и партией – функции, которые выполняет историческая политика в современном Китае.

Выбор термина «историческая политика» обусловлен исследовательской рамкой в области *memory studies*, в которой «историческая политика» рассматривается как «спускаемая сверху директивность, характеризующаяся “инструментализацией памяти», а если быть точнее, то специфическими злоупотреблениями воспоминаний»⁵. А. Ассман, анализируя историческую политику, приходит к выводу, что ее целью является анализ вопросов «организации, финансирования, управления, бюрократии и, прежде всего, процессов принятия политических решений»⁶. А.И. Миллер рассматривает историческую политику как «особую конфигурацию методов, предполагающих использование государственных, административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты»⁷, определяя историческую политику как феномен сугубо политический, который должен изучаться как неотъемлемая часть политики. Э. Вольфрум, анализируя концепт «исторической политики», дает ей определение как арены исключительно политической, в рамках которой различные акторы извлекают политические выгоды. С его точки зрения, «историческая политика» использует историю и историографию как инструмент влияния на современные политические процессы: «Конфликты внутри поля исторической политики могут рассматриваться как утверждение и обновление специфических ценностных моделей, паттернов поведения и системы убеждений, которые, если рассматривать их в долгосрочной перспективе, фреймируют и изменяют политическую культуру»⁸. О.Ю. Малинова предлагает свою модель анализа, в рамках которой все три понятия – историческая политика, политика памяти и политическое использование прошлого – рассматриваются как проявления символи-

1 Ассман 2014.

2 Ibid.

3 Ломанов, Борох 2009, 68.

4 Хубриков 2020, 74.

5 Ассман 2014, 301.

6 Ibid., 300.

7 Миллер 2012, 19.

8 Wolfrum 1999, 29.

ческой политики, направленной на «производство различных способов интерпретации социальной реальности и борьбу за их доминирование в публичном пространстве»¹.

Говоря о конкретных исследованиях «исторической политики» в КНР, следует отметить работы О.Н. Борох и А.В. Ломанова об исторической памяти в КНР²; О.Х. Шелла, проанализировавшего масштабы переписывания и цензурирования официальной истории КНР³; Чжэн Вана – о «веке унижений» и его влиянии на современную политику КНР⁴; М.А. Маттена – о взаимосвязи исторической памяти и идентичности «китайского мира», представленного Китаем, Тайванем и Гонконгом⁵; К.А. Дентона об исторической памяти и политике музеев в «постсоциалистическом Китае»⁶; Бинь Сю – о памяти поколения «культурной революции», отправленного в деревню, конструировании китайскими властями нарратива «правильного» отношения к высылке в сельскую местность и включении этой истории в нарратив «китайской мечты»⁷; Чжоу Хайянь – о политике контроля над историей со стороны КПК⁸.

Цель и структура статьи предопределены необходимостью поиска ответа на актуальный вопрос о саморепрезентации китайским обществом своего прошлого и будущего, о конструировании китайскими властями исторической политики, задающей рамку взаимодействия и отношений между обществом и его историей. В настоящем исследовании автор пытается выделить два направления исторической политики КНР: сконструировать прошлое и создать образы будущего. На наш взгляд, в современной исторической политике Китая четко прослеживается практика использования нарративов забвения воспоминаний в процессе комплексной оценки событий и процессов в истории Китая с целью переформатирования коллективной памяти о прошлом для легитимации существующего режима в условиях общества средней зажиточности «сяокан», в будущем – общества «всеобщей зажиточности», или «фуюй».

В основу эмпирической базы исследования легли публичные выступления Си Цзиньпина, отсылающие к тем или иным событиям прошлого, основополагающие партийные документы, в том числе «Решение по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии» 6-го пленума ЦК КПК XIX-го созыва.

Конструируя прошлое

По мнению А. Ассман, «не памятование, а забвение является основным модусом жизни человека и общества»⁹. В истории XX в. с его кровопролитиями, гражданскими и мировыми войнами практически ничего невозможно забыть, отчего был сформулирован совершенно незнакомый ранним периодам истории

1 Малинова 2012, 179–180.

2 Ломанов, Борох 2009.

3 Schell 2018.

4 Zheng 2014.

5 Matten 2012.

6 Denton 2014.

7 Bin 2021.

8 Zhou 2013.

9 Ассман 2019, 28

императив – «долг помнить¹». Одновременно с этим, А. Ассман вводит понятие «техник забвения», важные для настоящего исследования, разбивая их на 9 категорий: стирание, прикрытие, сокрытие, умолчание, переписывание, игнорирование, нейтрализация, отрицание, утрата². Все вышеназванные техники являются практиками забвения и в современном Китае, приобретают все более масштабный характер, превращая современную историю Китая в огромное пространство забвения, которое при определенных условиях может вернуться из архива памяти для решения политических задач, легитимации принятия решений или выстраивания новой исторической политики.

Поскольку историческая политика в Китае призвана быть инструментом консолидации нации и выстраивания идентичности, основанной на идее Си Цзиньпина о «великом возрождении китайской нации», небесполезным было бы опереться в исследовании темы на речь Э. Ренана «Что такое нация?». В своей программной речи он выдвинул тезис о конститутивном значении забвения для конструирования национальной памяти: «Забвение, или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации... Ни один француз не знает, кто он: бургунд, алан или вестгот; всякий гражданин Франции должен забыть Варфоломеевскую ночь...³». Руководство КНР, создавая цельную историю Китая посредством СМИ и системы образования, преследует задачу конструирования единого, гомогенного повествования, в решения которой из официальной историографии вымываются или замалчиваются альтернативные взгляды на историю Китая или правящей партии.

Другим аспектом исследования исторической политики КНР является анализ искаженных форм забвения, предложенный П. Рикером. Поскольку мы говорим об идеологизации, политизации и превращении истории прошлого, настоящего и будущего Китая в набор слов-лозунгов таких как «великое возрождение китайской нации», «китайская мечта», «сяокан» и т.д., оформляемый в виде официальной истории, «историю всегда можно рассказать по-другому, о чем-то умалчивая, смещая акценты, различными способами рефигурируя участников действия, как и контуры самого действия⁴». С точки зрения П. Рикера, забвение обладает амбивалентной природой: с одной стороны, в китайском случае КПК присваивает монопольное право рассказывать историю, стирая или заменяя личные нарративы «разрешенной, навязанной, прославляемой в мемориальных церемониях историей⁵». С другой стороны, П. Рикер описывает забвение как «полупассивную, полуактивную форму поведения людей, где мотивом является смутное желание не получать сведений, стремление не знать⁶», обусловленное стремлением не подрывать в собственном сознании ясную картину мира и являющееся, по выражению Рикера, тайным сообщником акторов забвения.

1 Ibid., 11.

2 Ibid., 19–24.

3 Ренан 1902, 101–102.

4 Рикер 2004, 619–620.

5 Ibid.

6 Ibid.

Си Цзиньпин и память о «Культурной революции»

Обращаясь к истории Китая, мы видим, как память о политике «Большого скачка» и «Культурной революции» поддается обработке и зачистке, выносятся за скобки официальной трактовки событий. Одним из ярких образов переписывания истории и официального дискурса по отношению к данным событиям является история жизни председателя КНР Си Цзиньпина. В самый разгар «Культурной революции» Си Цзиньпин был сослан в глухую деревню Лянцзяхэ, в родную для его семьи провинцию Шэньси, ставшую впоследствии местом поклонения и объектом «красного туризма» в КНР. Однако сама история Си показывает, как нужно относиться к наследию «Культурной революции», интерпретируя ее в духе советского романа Н. Островского «Как закалялась сталь». В своих личных воспоминаниях Си Цзиньпин так вспоминает свою юность: «В конце 1960-х гг. я, совсем юный, отправился из Пекина в город Яньань провинции Шэньси, затем поселился в производственной бригаде в небольшой деревне Лянцзяхэ, чтобы заниматься крестьянским трудом, и провел там 7 лет... Позже я стал секретарем партийной ячейки этой деревни... Я очень ждал, когда я смогу накормить односельчан мясом досыта»¹. В 2015 г. Си Цзиньпин на праздник Весны вернулся в эту деревню и связал годы своей юности с реализацией «китайской мечты», включив годы «Культурной революции» в нарратив «великого возрождения китайской нации» и «китайской мечты»: «В этом году (2015 г.) я вернулся в эту деревню. В Лянцзяхэ проложили асфальтированную дорогу, провели Интернет, дети могут получить хорошее образование и, естественно, вдоволь есть мясо, это уже не проблема. Все это позволило мне глубже осознать, что китайская мечта – это мечта народа, и мы добьемся успехов на пути к прекрасной жизни только вместе с народом Китая»². Таким образом, «Культурная революция» преподносится как момент проверки на прочность и верность коммунистическим идеалам. Такая интерпретация согласуется с официальной риторикой преемственности политики Мао и Дэна и признания заслуг Мао Цзэдуна первостепенными, поскольку жесткая критика «Культурной революции» и «Большого скачка» может повлечь за собой необратимые процессы переосмысления исторического значения Мао и подрыв легитимности КПК.

Конструирование нарратива преемственности

Эпоха, отсчет которой начинается с 2012 г., озаменована приходом к власти так называемого пятого поколения руководителей – функционеров 1950-х гг. рождения во главе с Си Цзиньпином, период детства, отрочества и юности которых пришлись на годы «Культурной революции». Традиция плавной передачи власти от одного поколения к другому была основана «главным архитектором» китайского экономического чуда Дэн Сяопином. Эта система ориентирована на преемственность поколений и политического курса, она позволяет избежать ожесточенной борьбы за власть, опасность чего Дэн, будучи жертвой репрессий,

1 Истории из уст Си Цзиньпина 2019, 371.

2 Ibid.

прекрасно понимал. В историографии КПК принято считать Мао Цзэдуна «ядром» первого поколения руководителей, Дэн Сяопина – второго, Цзян Цзэминя – третьего. Ху Цзиньтао, хоть и считается представителем четвертого поколения руководителей, однако не получил статуса «ядра», в то время как пришедший ему на смену Си Цзиньпин закрепил за собой главенствующее положение, получив данный статус¹.

Власть, символом и источником которой в прошлом была фигура императора, получила свое воплощение в образе руководителя КНР, выполняющего роль отца всей китайской нации. Мао Цзэдун, повторяя путь великих императоров – самодержцев древнего Китая, возрождает и собирает по крупицам свод «храма китайского государства», освобождая страну от разрушительной гражданской войны, иностранных захватчиков, мятежей и бунтов. Дэн Сяопин повел страну под лозунгом экономического развития, «политики реформ и открытости». Цзян Цзэминь продолжил политику Дэн Сяопина, выдвинув концепцию «всестороннего строительства среднезажиточного общества и ускорения социалистической модернизации в интересах превращения социалистического Китая в развитую могучую страну». Также важными теоретическими достижениями Цзян Цзэминя можно назвать концепцию «тройного представительства», превратившую КПК в партию, представляющую интересы широких слоев населения. Важным теоретическим дополнением «четвертого поколения руководителей» во главе с Ху Цзиньтао стала концепция «гармоничного общества». «Гармоничное общество» – это общество, обеспечивающее справедливость и равенство, возможность общего доступа к благам и гармоничное сосуществование, согласование интересов.

Каждый новый руководитель КНР с приходом к власти провозглашал новую идею, служившую компасом, ориентиром, становившуюся лозунгом правления, в то же время продолжая дело предыдущих лидеров КНР. Си Цзиньпин не стал исключением: девизом правления Си стала идея о «китайской мечте» и о «великом возрождении китайской нации». Однако сама идея преемственности власти, традиции перечислять «поколения руководителей» является конструируемой – продуктом официальной пропаганды и историографии КНР и КПК. Так, по мнению исследователя Е.Н. Румянцева, в уже описанную схему «поколений руководителей» не включаются Хуа Гофэн, Ху Яобан, Чжао Цзыян². Система, при которой передача власти осуществляется по поколениям, представляется созданной исключительно для решения политических целей. Си, взяв на вооружение риторику Мао, продолжает политику «великого кормчего», ставит задачу достижения Китаем статуса политического, экономического и культурного центра мира.

Мао и Тяньаньмэнь

1 октября 2019 г. было торжественно отмечено 70-летие со дня образования КНР. Именно в этот день должен был пройти парад, посвященный победе КНР над японскими милитаристами. Си Цзиньпин на параде, посвященном 70-летию

1 Габуев, А.Т., Денисов, И.Е. Выше Мао: зачем Си Цзиньпин переписывает историю Компартии Китая // Московский центр Карнеги. 25 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/85863>. (дата обращения: 31.08.2022).

2 Румянцев 2017, 49.

образования КНР, въехал на площадь Тяньаньмэнь в «одежде Сунь Ятсена», которую также любил носить Мао Цзэдун. Так, лидер пятого поколения руководителей отдал долг памяти «отцу китайской нации» Мао Цзэдуну. В современной трактовке, зиждущейся на словах Дэн Сяопина о наследии Мао как основателя партии и государства, о положительной оценке его деятельности и признании его ошибок второстепенными, главным акцентом является преемственность от Мао к Дэну и недопустимость критиковать и отрицать политику Мао с высот политики «реформ и открытости» Дэна и наоборот. Таким образом, отрицанием политики того или иного руководителя, по мнению современного китайского истеблишмента, ставится под сомнение: во-первых, правильность исторического пути, пройденного Китаем в XX в. и, во-вторых, легитимность Коммунистической партии Китая.

Совершенно иное значение для Китая имеют события на площади Тяньаньмэнь. Если для западных историков и СМИ они являются центральными в новейшей истории Китая как события, которые могли повернуть Китай на демократические рельсы, то официальные власти КНР предпочитают замалчивать и пресекать какие-либо разговоры или даже попытки осмыслить события «китайской весны». По официальным заявлениям можно прийти к выводу, что для китайских элит того времени было очень важным дальнейшее продвижение «политики реформ и открытости» при сохранении господствующего положения КПК, поэтому любые уступки недовольным студентам были недопустимы. Тяньаньмэнь это момент истины скорее для партии, чем для общества, поэтому любые упоминания о тех событиях выжигаются каленым железом не только в СМИ, но и в китайском сегменте Интернета¹.

Одновременно с коллективной амнезией, связанной с Тяньаньмэнь, происходит и переписывание официальной генеалогии руководителей КНР. Память о Хуа Гофэне как представителе крайних левых, о приверженце политики Мао Цзэдуна, «политики двух абсолютов», так и альтернативная официальная память, связанная с именами Ху Яобана и Чжао Цзыяна, которых можно назвать приверженцами постепенных политических реформ, вымывается из всех официальных документов и ритуалов². Новая историческая политика Си Цзиньпина основывается на центристских позициях, в рамках которых недопустимы «исторический нигилизм», подрывающий единый, непрерывный путь КНР под красными флагами, и дебаты внутри партии с позиций как крайне левых, эгалитаристских, так и крайне правых.

Конструируя будущее

«Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм»³. Одновременно с залпами революция в России принесла в Китай идею прогресса и веры в построение светлого будущего. На современном эта-

1 Зуенко, И.Ю. До и после Тяньаньмэня: как события в СССР повлияли на Китай // Московский центр Карнеги. 17 июня 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/79318>. (дата обращения: 31.08.2022).

2 Румянцев 2017, 49.

3 Полный текст «Решения по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии» // Синьхуа новости. 16 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm. (дата обращения: 13.01.2021).

пе, по аналогии с третьей программой КПСС, Си Цзиньпин предложил собственное визионерское представление о будущем Китая через концепцию цели «двух столетий». Как третья программа КПСС, так и концепция китайского «будущего» поддерживаются и космической программой как манифестация поступательного движения вперед, силы человеческого духа, победы над силами природы, ставя творческую природу человека в центр Вселенной.

Концепция строительства общества среднего достатка (сяокан), выдвинутая Дэн Сяопином, а затем переработанная и включенная в программу Си Цзиньпина, задает горизонт ожидания как смелого прыжка в будущее, является прагматичным способом легитимации власти партии на всем ее историческом пути. В важнейшем документе для изучения исторической политики КНР, «Решении по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии», история Китая с конца XIX в. до современности представлена телеологически – все события подготавливают победоносное шествие КПК.

Для анализа «политики будущего» мы воспользуемся термином «проспективная память», предложенным К. Тененбойм-Вайнблатт. Проспективная память, в ее предоставлении, относится к коллективному воспоминанию того, что еще должно быть сделано, которое отталкивается от обещаний и обязательств настоящего и прошлого¹. Предлагая свою модель видения коллективных воспоминаний, исследовательница обращает внимание на работу памяти в контексте медиа², что важно для нашего случая. Китайские руководители, проводя политику будущего, актуализируют ее через различные медиасредства: только в публичных выступлениях и статьях Си Цзиньпина «концепция сяокан» упоминается более двухсот раз³, в новогодних выступлениях Си, в официальных документах КПК, в лозунгах и названиях компаний со словом «сяокан»⁴. Существует целая управленческая инженерия по внедрению идеи построения будущего сейчас, в рамках которой Китай уже достиг горизонта ожидания (в 2020 г. было объявлено, что желаемая первая цель «двух столетий», а именно построение общества «малого благоденствия» сяокан была достигнута) и одновременно его подготавливает (сейчас Китай находится на стадии реализации второй столетней цели, на этапе строительства общества «всеобщей зажиточности» фуюй).

В 2013 г. Си Цзиньпин выдвинул концепцию «китайской мечты» во время посещения выставки «Путь к возрождению» в национальном музее Китая, цель которой – положить конец «виктимизации» китайского народа⁵. По мнению автора, «китайская мечта» берет свое начало в трех народных принципах Сунь Ятсена: гражданского национализма (великое возрождение китайской нации), народовластия (социализм с китайской спецификой) и народного благоденствия. Си Цзиньпин также выделил основные этапы достижения «китайской мечты», апеллируя к задачам «двух столетий», юбилейных дат создания КПК и КНР, 1921 г. и 1949 г. соответственно, тем самым скрепляя прошлое и будущее «социализма с китайской спецификой». К 2021 г., к 100-летию юбилею КПК, «неизбежно

1 Tenenboim-Weinblatt 2013, 3–4.

2 Ibid.

3 Ключевые слова Си Цзиньпина 2021, 86.

4 Войцехович 2018, 38.

5 Ключевые слова Си Цзиньпина 2021, 17.

будет осуществлена задача создания общества средней зажиточности (сяокан). Ко времени столетия КНР, к 2049 г. будет выполнена задача по созданию богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства. Мечта о великом возрождении китайской нации непременно осуществится»¹.

В представлении Си, историческая политика включает в себя не просто линейное видение времени (время мечты), конструирование образа рубежа, к которому стремится китайский социум, но и пространство «мечты», наполняя образ будущего представлениями архетипичными для китайского сознания. В китайском сознании, глубоко историчном, существует три основных условия, при которых возможно достижение общества «малого благоденствия» (*сяокан*)²: во-первых, население должно быть готовым интернализировать ценности сформулированной идеи, в данном случае «общества малого благоденствия» в эпоху социализма с китайской спецификой; во-вторых, за идеей должен стоять император, наделенный «небесным мандатом», способный претворить постулируемые цели в жизнь и сконструировать образ будущего Китая (Си Цзиньпин); в-третьих, легитимность правящей элиты, широкая поддержка населением этих преобразований. Пространство будущего наполняется и конкретными мерами, направленными на улучшение качества жизни во всех ее проявлениях и сферах: улучшение качества медицинских и образовательных услуг, сокращение экономического разрыва между городом и деревней, между богатыми прибрежными провинциями и отстающей экономически западной частью страны, решение проблем пенсионного обеспечения и экологических проблем. Историческая политика КНР не только ретроспективно учитывает ошибки и успехи прошлого, в ней также присутствует устремленность в будущее, в котором есть черты узнаваемого прошлого. Через концепт *сяокан* сконструированный образ «китайской мечты» становится понятным, легко узнаваемым. Отталкиваясь от опыта прошлого и настоящего, «китайская мечта» населяет будущее Китая конкретными идеалами, архетипами, представлениями о том, что такое общество *сяокан*.

Заключение

Историческая политика КНР начала формироваться и наполняться новым содержанием с приходом к власти Си Цзиньпина, сопровождавшимся фракционной борьбой, кульминацией которой стал арест левого популиста Бо Силая. В условиях снижения темпов роста экономики, возросшей коррупции, расслоения населения Си Цзиньпин выдвинул концепцию «китайской мечты о великом возрождении китайской нации».

Основной целью новой исторической политики Си Цзиньпина является представление о единой неразрывной истории Китая под руководством КПК, где прошлое, настоящее и будущее не отрицают друг друга, а находятся во взаимодействии и гармонии. Одновременно посредством исторической политики

1 Ibid., 22.

2 Войцехович 2018, 37.

происходит обращение к прошлому, настоящему и будущему как инструментам консолидации нации, артикуляция единого мемориального и символического пространства, создание всеобщего «языка памяти», объединяющего многонациональный народ КНР в единое целое, подобно иероглифической системе китайского языка, являющейся тем самым фундаментом, скрепляющим разрозненные диалекты в гомогенное пространство «печатного социализма»¹.

Подобно китайскому языку, в котором нет грамматической категории времени, однозначно выраженных прошедшего, настоящего и будущего, концепция исторической политики Си Цзиньпина не направлена только в прошлое. Несомненно, прошлое КНР, в котором нет места историческому нигилизму, негативной переоценке политики Мао и отрицательному отношению к эпохе «реформ и открытости» Дэна, представляет собой единое целое, установленное явственными причинно-следственными связями между поколениями руководителей. Не принято критиковать политику предыдущего лидера нации с высот настоящего. С объявления Си Цзиньпином столетних задач построения общества средней зажиточности (сяокан) в богатом и могущественном, демократическом и цивилизованном, гармоничном и современном социалистическом государстве исторический нарратив устремленности в будущее приобретает новое значение. Подчеркивается достижение не только временного рубежа, но и последовательного строительства пространства, в котором будут жить нынешнее и грядущие поколения китайских граждан.

1 Хубриков 2020, 68.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М: Новое литературное обозрение, 2014. – 324 с.
- Assman, Aleida. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 [In Russian].
- Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей. – М: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
- Assman, Aleida. *Zabvenie istorii – oderzhimost istoriei*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019 [In Russian].
- Войцехович, А.А. Сяокан-социализм с китайским лицом // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – № 1 (67). – С. 36–40. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.029>
- Wojciechowicz, A.A. "Xiaokang – Socialism with Chinese Face." *International research journal* 67, no. 1 (2018): 36–40 [In Russian].
- Истории из уст Си Цзиньпина. Пер. с кит. А.В. Семенова, Т.Г. Семеновы. Сост.: Отдел комментариев и рецензий газеты «Жэньминь жибао». – М: Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 399 с.
- Istorii iz ust Si ZinPina*. Moscow: Mezhdunarodnaya izdatelskaya kompaniya "Shans," 2019 [In Russian].
- Ключевые слова Си Цзиньпина. Пер. с кит. А.В. Семенова, Т.Г. Семеновы; науч. ред. Ван Бинь. Сост.: «Учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао». – М: Международная издательская компания «Шанс», 2021. – 351 с.
- Klyuchevie slova Si ZinPina*. Moscow: Mezhdunarodnaya izdatelskaya kompaniya "Shans," 2021 [In Russian].
- Ломанов, А.В., Борох, О.Н. Китай: возвращение Небесного повеления // Pro et Contra. – 2009. – Т. 13. – № 3–4. – С. 65–88.
- Lomanov, Alexander V., Borokh, Olga N. "Kitai: vozvrashchenie Nebesnogo poveleniya." *Pro et Contra*, no. 3–4 (2009): 65–88 [In Russian].
- Малинова, О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политэкс. – 2012. – Т. 8. – № 4. – С. 179–204.
- Malinova, Olga Yu. "Politicheskoe ispolzovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoi politiki: evolyuziya diskursa vlastvuyushei elity v postsovetskoi Rosii." *Politeks*, no. 4 (2018): 179–204 [In Russian].
- Миллер, А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке. – М: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.
- Miller, Aleksej I. "Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI v." In *Istoricheskaya politika v XXI veke*, 7–32. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012 [In Russian].
- Ренан, Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. / перев. с фр. под ред. В.Н. Михайловского. – Т. 6. – Киев, 1902. – С. 87–103.
- Renan, Ernest. "Chto takoe naziya?" In *Sobranie sochinenii*: v 12 v, 87–103. Kiev, 1902 [In Russian].
- Рикер, П. Память, история, забвение. – М: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
- Ricœur, Paul. *Pamyat, istoriya, zabvenie*. Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoi literatury, 2004 [In Russian].
- Румянцев, Е.Н. Си Цзиньпин и новое поколение руководителей Коммунистической партии Китая // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 47–64. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-5-47-64>
- Rumyantsev, E.N. "Xi Jinping and the New Generation of the Leaders of Chinese Communist Party." *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 5 (2017): 47–64 [In Russian].
- Хубриков, Б.О. Историческая политика в эпоху Си Цзиньпина // Новое прошлое / The New Past. – 2020. – № 1. – С. 66–83. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-1-66-83>.
- Khubrikov, Badma O. "Historical Politics in the Era of Xi Jinping." *The New Past* no. 1 (2020): 66–83 [In Russian].
- Bin Xu. *Chairman Mao's Children: Generation and the Politics of Memory in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Denton, Kirk. A. *Exhibiting the Past: Historical Memory and the Politics of Museums in Postsocialist China*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014.
- Matten, Marc Andre. *Places of Memory in Modern China: History, Politics and Identity*. Leiden: Brill, 2012.
- Schell, Orville. "China's Cover-Up: When Communists Rewrite History." *Foreign Affairs* 97, no. 1 (2018): 22–27.
- Wolfrum, Edgar. *Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948-1990*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999.
- Wolfrum, Edgar. *Historical Politics in the Federal Republic of Germany: The Way to Federal Republican Memory 1948-1990*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999 [In German].
- Zhou Haiyan. *The Politics of Memory*. Beijing: Zhongguo fa zhan chu ban she, 2013.
- Zheng Wang. *Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations*. New York: Columbia University Press, 2014.

Сведения об авторе

Бадма Олегович Хубриков,

аспирант Центра изучения политических трансформаций,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Россия, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, 670000.

e-mail: khubrikovbadma@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 22 апреля 2022.

Переработана: 15 сентября 2022.

Принята к публикации: 19 сентября 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Хубриков, Б.О. Историческая политика в современном Китае: конструируя прошлое, воображая будущее // *Международная аналитика*. – 2022. – Т. 13 (3). – С. 145–156.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-145-156>

Politics of History in China: Constructing the Past, Imaging the Future

ABSTRACT

The article discusses the dynamics and prospects for the development of the historical politics of the PRC at the present stage. The present study attempts to identify two key components of the PRC's historical politics that define the framework for remembrance in China. The reference points of the study are Chinese interpretations of what should be forgotten or reformatted, as well as the Chinese leadership's policy of imagining the future. The article is based on the "Resolution on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century" adopted by the 6th Plenum of the 19th CPC Central Committee, collections of Xi Jinping's public speeches. In theoretical terms, it relies on the studies of historical politics by A. Assman, A.I. Miller, E. Wolfrum, O.Yu. Malinova. The study demonstrated how the CCP becomes the only mnemonic actor writing its own history. In the first part of the article, forms of "forgetfulness" are considered, behind which there are very different methods, actions and strategies. The second part analyzes the narrative of building the future, expressed in the concepts of "Xiaokang (moderately prosperous society)" and "accelerated promotion of socialist modernization" circulating in Chinese documents as the goal of "two centuries". In the course of the study, we found that it is in the interests of the CCP, led by Xi Jinping, to present the history of the PRC teleologically, in which the events of the past anticipate the victorious march of the CCP in the history of China. It is for this reason that the main instruments of the historical policy of the PRC are various techniques of oblivion: rewriting, erasing, silence. However, in parallel with the historical policy aimed at the past, the Chinese leadership is also working on images of an imaginary future. Thus, the main goal of China's historical policy at the present stage is the construction of a single, monolithic, homogeneous story about the past, present and future of the PRC, in which there is no place for discrepancies, criticism and historical nihilism.

KEYWORDS

CPC, Xi Jinping, politics of history, politics of future, oblivion, Xiaokang

Author

Badma O. Khubrikov,

Postgraduate student, Centre of Political Transformation, Buryat State University,
24a Smolin st., Ulan-Ude, 670000.

e-mail: khubrikovbadma@gmail.com

Additional information

Received: April 15, 2022. Revised: September 15, 2022. Accepted: September 19, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Khubrikov, Badma O. "Politics of History in China: Constructing the Past, Imaging the Future."
Journal of International Analytics 13, no. 3 (2022): 145–156.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-145-156>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее свежие по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаданных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б, Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно: в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777; по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2022 – 13(3). – С. 1-156.

Подписано к печати: 30.09.22.

Формат: 108x70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 9,75. Тираж 200 экземпляров. Заказ 670

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники

МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.